

А. ЮСНИ
ЧТО
ЗОВЕТ ИХ
В ДОРОГУ

А. ЮСИН **ЧТО**
ЗОВЕТ ИХ
В ДОРОГУ

Художник К. Баринава

МОСКВА
«СОВЕТСКАЯ РОССИЯ»
1983

СОДЕРЖАНИЕ

Вместо вступления	3
«Уведи меня, лыжня!..»	14
За мечтою на веслах	30
С метелями на «ты»	63
У каждого своя «бригантина»	98
Над нами — Арктика	121
Не считай шаги, путник	151

Юсин А. А.

Ю88 Что зовет их в дорогу.— М.: Сов. Россия,
1983.— 160 с., ил.

За последние годы у молодежи нашей страны проснулся интерес к путешествиям. Люди стремятся лучше узнать свою страну, пройти ее нехоженными тропами, проплыть по малоизученным рекам. Все эти переходы — на лыжах экспедиции «Комсомольской правды» к Северному полюсу, поход лесоруба Е. Смургиса на весельной лодке «Мах-4» от реки Чусовой до Тихого океана — являются больше чем спортом — это синтез и путешествия, и спорта, и человеческого характера.

В своей книге автор показывает, как молодежь научилась разумно использовать свой отпуск и проводить его в интересных путешествиях.

Рассчитана на массового читателя.

Ю 4202010000—145
М-105(03)83 56—83

7A6

Анатолий Андрианович Юсин

ЧТО ЗОВЕТ ИХ В ДОРОГУ

Ред. Л. П. Орлова. Худож. ред. Н. Д. Викторова. Техн. ред. Т. Г. Дугина.
Корректор Л. В. Дорофеева.

ИБ № 2935

Сдано в наб. 28.07.82. Подп. в печать 01.02.83. А00928. Формат 84×108/32.
Бумага типографская № 3. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. п.
л. 8,40. Усл. кр.-отт. 8,72. Уч.-изд. л. 8,87. Тираж 50 000 экз. Заказ 1254.
Цена 65 к. Изд. инд. ОИ-67.

Издательство «Советская Россия» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 103012, Москва, проезд Сапунова, 13/15.

Книжная фабрика № 1 Росглавополиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, г. Электросталь Московской области, ул. им. Тевосяна, 25.

© Издательство «Советская Россия». 1983 г.

ВМЕСТО ВСТУПЛЕНИЯ

Как хорошо, что мы не отвыкли еще удивляться. «Дом наш в дороге, а дома мы — лишь в гостях» — так говорят о себе журналисты. Что может быть радостнее ожидания встречи, щемящего чувства дороги, тоски по нехоженным местам и непокоренным вершинам, сознания, что «среди непройденных дорог одна — твоя»...

Интерес к далеким дорогам проснулся во мне, как и, наверное, в любом ребенке, очень рано. Лежал я в больнице на Соколиной горе среди взрослых мужчин, которых привозили долечиваться в Москву после фронтовых госпиталей. Не совсем были понятны разговоры инвалидов, и я старался найти себе занятие. Самостоятельно научился играть в шахматы. Зная только азбуку, по буквам, слогам и словам прочитал на Соколинке книгу Героя Советского Союза легендарного летчика Георгия Байдукова «Записки пилота». Книга досталась от кого-то из раненых. Была она небольшой по формату, напечатана на тонкой, желтой, как я знаю сейчас, газетной бумаге. Читал книгу много раз — другой-то не было, — и так хотелось вырваться из 16-местной палаты, где стонали больные, где невыносимо пахло гноем и мазью Вишневского, и очутиться в бухте Тихой на архипелаге Земли Франца-Иосифа. Манящие и волнующие названия завладели детским сознанием: бухта Провидения и мыс Крещеный Огнем, острова Жаннетты и Генриетты, купол Вавилова, Нижние Кресты, Ачайваям, Эгвекинот, Ильпырь, Ванькина губа моря Лаптевых, заливы Сомнения и Счастья, пролив Югорский Шар, речушки Татьяна и Ольга, перевал Лыткины штаны... Тогда я дал себе слово стать географом или геологом, летчиком или журналистом и побывать во всех этих таинственных северных местах...

Думал ли я в той военной палате, что судьба распорядится моей биографией так, что лучше и придумать невозможно: она отдаст мне дороги, по которым, чтобы пройти и проехать, жизни моей не хватит.

И подарит мне встречи с интересными людьми, с теми, кто уже прошел по земле трудными маршрутами, путешествуя по рекам, островам и тундре. Жизнь познакомила меня с романтиками наших дней, кто, отказавшись от комфорта и бросив вызов суете, отправился в путь, чтобы увидеть красоту нетронутой природы и пригласить на свидание с ней всех непосед.

Как только не называют XX век! Он и атомный и космический. Он и спортивный, потому что нет культурного человека на земле, который бы с увлечением не говорил о футболе или фигурном катании, альпинизме или велогонках, но XX век явил нам еще одного, наряду со спортом, феномена — туризм. Путешествия стали сейчас любимым видом отдыха людей самых различных профессий, возрастов, вероисповеданий. В 1981 году более полутора миллиардов людей — треть населения планеты — совершили туристские поездки и походы. Из них 300 миллионов пересекли границы различных континентов. Специалисты ЮНЕСКО подсчитали: сегодня число туристов в мире ежегодно возрастает на 5—6 процентов — почти сто миллионов людей приобщаются к путешествиям. Большинство — приблизительно 95 человек из 100 — любят путешествовать с комфортом, испытывая удовольствие от сервиса. На крыльях люди переносятся со скоростью света с востока на запад (бывали случаи, когда самолет с Камчатки, обгоняя солнце, прилетал в Москву раньше, чем вылетел, разрушая часовой пояс в девять часов). Мы летели на Олимпиаду в Америку, смотрели телевизионную программу, вертели ручки приемников и слушали голоса всех шести континентов, да и Антарктиды тоже. Мы не заметили, как пронеслось время, и вдруг кто-то спохватился: «А ведь мы, братцы, рядом с полюсом». И все забыли о телевизионной программе, бросились к иллюминаторам: «Какая она, земная ось?» И сразу же стали вспоминать тех, кто шел к полюсу и не доходил, отступал или замерзал. Мы стали горячиться, говоря об истории, чувствуя, что жизнь каждого из нас и сегодня тончайшими нитями и сложнейшими квантами связана с жизнью и биографией страны, планеты... Мы сидели в креслах в белых рубашках с галстуками, стюар-

дессы разносили напитки, а когда-то Чкалов, Байдуков и Беляков здесь, в этих широтах, чуть не теряли сознание от недостатка кислорода, мерзли в меховых унтах и куртках, боролись с обледенением...

Мы вспоминали их, первыми проложивших маршрут через Арктику. Нам стало жалко отдавать романтику только прошлому, захотелось самим пережить ее. И острое чувство гордости за своих предшественников пронзило многих из нас: «Если бы у нас не было Чкаловых и Байдуковых, Папаниных и Федоровых, мы бы не летали сегодня так спокойно и комфортно».

Некоторые фантасты пугают нас будущим. Так, француз Даниэль Адье на страницах журнала «Нуво планет» нарисовал картину нашествия электронных автоматов на человека в начале XXI века:

«Благоденствия науки могут коренным образом изменить жизнь грядущих поколений и в особенности их отдых... День будет начинаться с нажатия кнопки «любование природой». С девяти до десяти часов толпа отдыхающих восхищается морем, солнцем, изумительными женскими телами, достигшими наивысшей пластической красоты. Удовлетворив эстетические потребности отдыхающих, Распорядитель — электрон, вмонтированный в человеческий мозг, — нажимает другую кнопку — «Спорт». Заняв место в общем строю, каждый мысленно может плавать... Утомления и скуки никто не ощущает».

Фантаст не смог предложить для досуга ничего более интересного, чем путешествия по кнопкам: «любование природой» и «спорт».

Английский физик, нобелевский лауреат Деннис Гэбор называет три важнейшие проблемы, которые могут в будущем поставить под угрозу существование человечества: термоядерная война, демографический взрыв и досуг.

Социологи разных стран пытаются уже сейчас основательно исследовать проблемы досуга. Нас уже захлестывает поток новых терминов: «полусвободное время», «культура отдыха», «инфраструктура досуга», появилось множество учебных программ, пособий и руководств по проведению свободного времени.

Одна треть человечества сегодня, путешествуя, доказала: досуг — это прекрасно. Полтора-два года назад гениальный Пушкин утверждал: «Путешествие нужно мне нравственно и физически...» Двадцатый век, как никакой

другой, стал веком путешествий — интересных, увлекательных, удивительных... Люди разных стран переплывали океаны на яликах и яхтах, доходили до Северного полюса на лыжах, ныряли без аквалангов в гидрокосмос на глубину 101 метр... Людям сейчас мало просто взойти на Эверест — в поднебесье, на высоту почти девять километров. Люди идут на «третий полюс» без кислородных аппаратов, они берут с собой лыжи, чтобы спуститься на них по коварным склонам, они несут в рюкзаках дельтапланы, чтобы совершить фантастические полеты с Эвереста...

«Все мы родом из детства». Все мы в четыре-пять лет строили на берегу ручья или речушки, пруда или озера свои первые плоты, спускали их на воду, отталкивались от берега. Иногда легкие дощечки расходились под ногами, и мы оказывались в воде, глотали ее, к счастью, на мелком месте. Дома получали взбучку... У некоторых это были первые и последние плоты в жизни. А вот у героев этой книги после первого неудачного плавания рождалась мечта — плыть и плыть... И мечта эта не пропадала, не забывалась в житейских заботах. Эти люди никогда не искали себе оправданий — вполне понятных и объяснимых, — если обнаруживали, что мечта, когда-то выношенная в сердце, оставалась лишь мечтой, недостижимой и далекой. В жизни иной раз легче отступить, нежели добиться намеченного.

В этой книге мне хотелось рассказать о людях, которые остались верными мечтам своей юности.

Каждый из героев, встреченных на журналистской тропе, живет на свете с удивительной ясностью меры вещей, пониманием их истинной ценности. Почти все они безразличны к внешнему успеху, требовательны к самой жизни. Они, всю жизнь путешествующие по земному шару, отмерившие расстояние «до Луны и обратно», они все окружающие блага отдают за лодочный слалом на Олекме, восхождение на Алтай, лыжный поход по Арктике и Антарктике. Зная, что люди, делающие цивилизацию, больше всего зависят от нее, они покидают уют благоустроенных квартир, чтобы, презрев недоуменное: «А кому это нужно? Что зовет вас в дорогу?», — пуститься в Неоткрытое, Неизведанное, Непройдённое, Непознанное.

Каждое из их путешествий — это открытие. Их экспедиции в дни отпуска — это разновидность творческого

труда. Продолжение научного спора в дороге или бессонная ночь над рукописью — это что, досуг, отдых? Один из моих героев — литератор — не мог как-то за всю зиму написать полторы странички книги. Ему не хватало какой-то детали, и он не хотел ее додумывать, сочинять. Он ждал самолета, чтобы вырваться на Север, дотронуться рукой до фиолетового июльского льда — и снова почувствовать себя человеком, полным творческого горения...

Член-корреспондент Академии наук СССР Делоне, лауреат Нобелевской премии академик Тамм, кинооператор высшей категории Крючкин, врач и писатель Балаян, кинорежиссер Никита Михалков, охотник-промысловик Смургис, штурман дальнего плавания Галенко, инженеры, психологи, ученые, педагоги из лыжного отряда «Метелица» — все они в век торжества техники почувствовали неистовую потребность бросить вызов силам стихии. И это не поиск острых ощущений, это — испытание самого себя, это — жизнь по большому счету. Их путешествия — это спорт, но не в понимании погони за рекордами (хотя почти все они неофициальные мировые рекордсмены в своих спортивных пристрастиях). Привлекает духовность, познавательная сторона их увлечений. Почти каждая самостоятельная экспедиция, о которой рассказывается в очерках, обогатила науку — историю, географию, литературу, психологию. Жизнь, уверен, потеряла бы многие свои живые краски, если бы не было таких людей. Вспоминаю их сейчас — и охватывает половодье чувств: «Ребята, какие же вы красивые, настоящие!» И где-то боюсь названия книги: «Что зовет их в дорогу». Корректен ли вопрос? Правомерна ли его постановка? Альпинисты идут на Эверест, потому что он СУЩЕСТВУЕТ!

Дорога, путешествия преображают людей, учат их «бороться до последнего сухаря», отказываться от увлечений и привычек. Великий путешественник Николай Михайлович Пржевальский бросил в Амур колоду карт, которые приносили ему и радость, и даже деньги — ему всегда везло, и он выигрывал. Отправляясь в экспедицию, он решительно простился со светскими привычками. Ни один из моих героев представить себе не может, чтобы провести хотя бы один вечер за выпивкой или азартной игрой. Нет, у них свое «хобби» — библиотеки, архивы. Трудно понять, где у них кончается рабочее вре-

мя и начинается нерабочее. Читать Миклухо-Маклая, Хейердала, Папанина, Кренкеля, Обручева, Крашенинникова — это рабочее время?

Еще и еще раз думаю: как все в нашем мире сцеплено.

Смургис плывет на весельной лодке, осуждая гонки на моторных судах, называя подобные походы «соревнованием по скоростному сжиганию бензина», а Балаян уверен, что только мотор «Вихрь» позволяет пройти всю страну — от Тихого океана до Атлантики — за один сезон... Два человека, которые уважают друг друга за спортивные достижения, но не принимают концепций друг друга и ни за что не поступятся своими убеждениями, они соседствуют на страницах книги... Крючкин говорит мне: «Женщины не особенно рвутся на Север, за исключением лыжниц «Метелицы». Он и не подозревал, что очерк об обаятельных труженицах и мечтательницах находится под той же обложкой, что и рассказ о его плаваниях на понтонных судах. Крючкин рассказывает мне о своей мечте: снять картину о велосипедисте Глебе Травине, проехавшем в двадцатые годы 85 тысяч километров на велосипеде по границам Советского Союза. Он говорил и даже не догадывался, что с Глебом Леонтьевичем я несколько лет работал на Камчатке: в «Спартаке» он вел на общественных началах секцию велосипеда, а я тренировал конькобежцев... В 1981 году во время труднейшей гонки «Тур де л'Авенир» во Франции корреспондент газеты «Юманите» Эмиль Бессон написал с моих слов очерк о камчатском велосипедисте. Когда я попросил переводчика прочитать название материала, то услышал: «Человек с железным оленем»... А Крючкин снял сюжет для «Альманаха кинопутешествий» и назвал его точно так же... Бессон и Крючкин в глаза друг друга не видели и не могут предъявить друг другу претензии в заимствовании. Они просто одинаково поняли спортивный подвиг камчатского велосипедиста...

Эмиль Бессон говорил восхищенно:

— В Советском Союзе издается много книг о путешествиях норвежца Тура Хейердала, француза Аллена Бомбара, польской яхтсменки Кристины Хойновской-Лискевич, японца Наоми Уемуры, но почему вы мало пишете о своих путешественниках, не пропагандируете их опыт. Многие из них достойны таких великих русских исследователей, как Миклухо-Маклай, Семенов-Тянь-

Шанский, Пржевальский, Папанин, Чкалов, Гагарин... Они побеждают упорное сопротивление природы, «утирают носы» скептикам. Они прославляют советскую молодежь.

Слова французского коммуниста, героя Сопротивления еще больше убедили меня в необходимости рассказать о людях, встреченных в пути, — яростных и беспокойных...

Почти всех своих героев я знаю не одно десятилетие, с одними встречаюсь постоянно, с другими изредка, хотя поздравляю с праздниками и обмениваюсь новостями... За годы общения заметил необыкновенное влияние этих людей на мою жизнь, работу, характер. Я понял, что, как и они, не могу писать о том, чего не видел, не прочувствовал. Журналистская судьба учит сурово. К счастью, ошибки и корреспондентские неудачи не дошли до газетных или журнальных полос, а ведь могли бы... В 1963 году я в первый раз приехал в Кижы. Как увидел церковь Преображения, сел на бревна и шага не мог сделать. Ко мне подошел старичок. «Что, любишь?» — спросил. Я кивнул, не в силах вымолвить слова, боясь нарушить внутреннюю тишину. А старичок вдруг заговорил и так заговорил, что я включил магнитофон и стал записывать его монолог. Это была удивительная народная речь, богатая, яркая, красочная, образная... Крутилась лента магнитофона. Не особенно доверяя технике, я стенографировал рассказ Михаила Кузьмича Мышева — фантастического плотника, который восстанавливал Кижы, используя секреты старых мастеров, сделавших церковь без единого гвоздя... Прилетев в Москву, отдал стенографисткам ленту и через день имел машинописную рукопись. Хотел кое-что поправить. Стал перечитывать — и вижу: править-то нечего, слово к слову легло. Сдал рукопись редактору, жду ответа с внутренней радостью и готовностью принять поздравления... Каково же было мое разочарование, когда шеф, вызвав меня в кабинет, поинтересовался, не болен ли я. Что же выяснилось? Михаил Кузьмич, оказывается, выучил наизусть очерк Василия Пескова «Песня деревянного топора» и продиктовал его мне — запятая к запятой... Я — грешен — материала в «Комсомолке» не читал... Хорошо, что редактор выручил, иначе не миновать бы позора на всю страну и наглядного примера для лекции о журналистских казусах...

Помню, как в десятый раз летел в Арктику. Десятый раз... Зачем? Кажется, все уже знаю наизусть и в репортажах стану перепевать себя? Ан нет... Это с легкой руки правдиста Бориса Горбатова литераторы называют Арктику «обыкновенной». Еще бы! На СП есть газ, сауна, кино, спортзал. Сотни корреспонденций, переданных из Арктики моими коллегами, все как одна были красивы по стилю, романтичны по содержанию, но не все, как ни странно, близки к истине. Хотя и писались на льду, но при крайне поверхностном знакомстве с Арктикой, за соответствующим столом, со слов хитрых на юмор зимовщиков.

Признаюсь, и я однажды попал в смешное положение. Тогда над СП полыхало цветное северное сияние. Я выбежал на улицу и не мог оторваться от волшебного неба. Лишь шорох в торосах заставил меня насторожиться, а когда я увидел черную точку среди снега, то с криком: «Белый медведь!» — пулей влетел в кают-компанию. Полярники высыпали из домика с ракетницами и фотоаппаратами... Разочарованию всех не было предела: вместо хозяина Арктики из-за ледяных скал вышла собака Белка... С тех пор мою фамилию непременно связывают с этим курьезом... И от шуток отбоя нет...

Она мне снится постоянно, холодная и метельная Арктика. И в комфортабельной Москве не хватает северных сияний, магнитных возмущений, перепадов температуры за сутки от нуля до минус 32... Я все еще в долгу перед теми парнями, о которых океанолог Юрий Баннов-Байков написал песню:

Живем на льдине — не на земле.
Кругом полыньи и белый снег,
Сегодня — лужи, а завтра — стужа,
Живем не хуже, а лучше всех...

«Живем лучше всех» — так считают полярники, знающие, что под ними не очень-то прочный лед, а подо льдом океан, где глубина — три километра до дна.

Все сцеплено, все сцеплено... Привязалась ко мне эта фраза и не могу (а может быть, не хочу?) от нее избавиться...

Три года назад я разговорился с директором музея-заповедника «Мелихово» Юрием Константиновичем Авдеевым.

— Когда вы были в Норвегии, не удалось побывать на «Фраме»? — спросил он.

— Да, я был на корабле. Там сейчас музей.

— А нет ли в этом музее стенда, посвященного Чехову?

— Не понимаю, как может русский писатель Чехов быть связан с норвежцами Нансеном и Амундсеном?

— В том-то и дело, что великий полярный путешественник и спортсмен Фритъоф Нансен был для Чехова воплощением его идеала человека, в котором все прекрасно. Чехов даже мечтал написать пьесу «о людях во льдах». Для «вхождения в материал» был разработан план поездки в Норвегию. Антон Павлович нашел уже спутников-переводчиков и назначил путешествие в Скандинавию на осень 1904 года. А летом Чехова не стало. Вот вам и тема «Чехов и Нансен».

И пришлось пожалеть, что не знал этого факта десять лет назад, когда дважды ездил в Осло на чемпионаты мира и Европы по конькам, когда бродил по каютам «Фрама» и не догадался задать норвежским экскурсоводам вопрос о взаимоотношениях Чехова и их великого соотечественника... Как тщательно нужно готовиться к любой командировке, предвидеть любые ситуации и все-сторонне изучать вопросы, не бежать по поверхности, а заглядывать вглубь...

Герои моих очерков — все, как один, — как раз и отличаются научным подходом к организации своих экспедиций. Любая из акций готовится скрупулезно, путешественники не стесняются привлекать к своим проблемам всемирно известных ученых: они просят консультаций, советов, организуют путешествия, чтобы экспериментально проверить исторические моменты, легенды, гипотезы. И снова разрешу произнести фразу о «сцеплении»... Норвежец Нансен и норвежец Тур Хейердал. Я встречался с ним в Осло, где бальсовый плот «Кон-Тики» стоит рядом с «Фрамом». Меня поразило: отвечая на вопрос о том, «что зовет его в дорогу», один из самых великих путешественников последнего тридцатилетия сказал: «Не испытываю повышенной тяги к путешествиям». Оказывается, экспедиции нужны ученому для сбора научных материалов... И еще рассказал Хейердал, что во время экспедиции на «Ра» в 1969 году, увидев в океане комя мазута, он послал радиogramму генеральному секретарю ООН, в которой с тревогой отмечал: у океана нет стока — вся грязь остается на Земле, надо не говорить о любви к природе, а беречь ее, потому что сохранение

природы — необходимое условие человеческого существования.

Как близки по своим убеждениям и взглядам мои герои и их знаменитый единомышленник Хейердал. Смургис с болью писал о загрязненной реке Тобол, на дне которой можно найти даже сенокосилку, о том, что некогда судоходная водная магистраль обмелела настолько, что по ней можно кататься на велосипеде.

А Крючкин, прошедший на катамаране по реке Омолон, с тревогой думает о будущем, о том, что поселки подступят к этой чистой реке и уничтожат ее уникальный микроклимат.

Штурман Василий Галенко не может себе представить путешествия по чистой Байкалу на моторке. Маленькая деталь, но как она характеризует мировоззрение человека и масштаб его личности...

Да, мы живем в такое время, когда географический лик нашей Земли меняется очень быстро и в огромных масштабах: воздвигаются города, регулируются течения и поворачиваются русла рек, все меньше остается мест с девственной, не нарушенной вмешательством человека природой. В связи с этим необычайно ценно описание тех мест, где путешествуют герои этой книги, запечатлевая живые картинки природы не только для неиссякаемого удовлетворения интересов наших современников, но и для будущих поколений, которым придется, видимо, жить в совершенно иных природных условиях. Вот почему большое значение имеют их дневники, фото- и киноматериалы. И место этим документам, думается, не только в семейных архивах.

Путешествие — в любом его виде — постепенно станет насущной потребностью современного человека. Именно в дороге человек по-настоящему познает себя, открывает свою сущность. Путешествие — это проверка (и подготовка, конечно, тоже) своей души перед тем, что древние называли «работой жизни». Прежде чем, дорогой читатель, вы отправитесь с героями в походы и увлекательные экспедиции, я процитирую слова великого русского художника и неутомимого путешественника Николая Константиновича Рериха, которые можно считать «обращением к будущим путешественникам»:

«Спрашиваете, как мы обходимся без театров?

А у нас театр ежедневный, только без подмостков, а в жизни. То китайский театр — с легендами о небывалых

народах. То зловещий балет кашмирских купцов-шайтанов. То драма разбиваемой волнами лодки. То процессия коней. То лихие вечерние песни. То фуриозо града и землетрясения. И не нужно вешать ветшающие холсты, не надо марать лиц...

Молодые друзья, вам нужно знать условия караванной жизни в «пустынях», только на этих путях вы научитесь бороться со стихиями... Не только на лекциях в тепло натопленной аудитории, но на студеном глетчерах сознается мощь работы материи, и вы поймете, что каждый конец есть только начало чего-то еще более значительного и прекрасного».

Люди всегда будут путешествовать по земле, потому что прекрасный и удивительный мир существует, потому что беспокойные и увлеченные ищут свои полюса. Научно-техническому прогрессу не дано подкупить человека своими благами и комфортом: людям не хочется от жизни только облегчения, в каждом из нас еще живет озорное желание сунуть голову в пасть дьявола, как бы вернуться в детство, откуда все мы родом. И как это прекрасно, что человек еще не отвык удивляться...

«УВЕДИ МЕНЯ, ЛЫЖНЯ!..»

По вечерам они приходят к нему домой. Снежные, гордые, задумчивые горы заглядывают даже во сне. Далекие, как юность, и дерзкие, как мечта, горы заполняют всю квартиру. Они залезают в ящики стола — тысячи вершин запечатлены на открытках, картах. Сотни вершин нарисовал он сам. Одна из вершин — 4300 метров — названа его именем — пиком Делоне, в гребне алтайской Белухи.

Он седой, как эти горы. Мудрый, как эти вершины. Он точен, как может быть точен в своих расчетах выдающийся математик XX века.

Горы прошли через всю его жизнь. Еще в начале двадцатого века он впервые поднялся на Альпы, и с тех пор восхищение горами не покидает его.

Пляшет ли над Москвой дождик, беснуется ли солнце, хлещет ли метель над проспектами — ничто не может повлиять на его настроение. Он идет по Москве в своем пушистом свитере и брезгливо вдыхает пропахший нефтью воздух. Иногда морщится — но лишь на мгновение. Он сразу же вспоминает, что на свете есть горы, есть мощный озон, есть буйство ландышевого луга. Это все так недалеко. Кавказ? А почему бы нет — через пять часов ты можешь быть в Алибеке, если захочешь. Горы всегда зовут его, предлагая убежище. Там нет трелей телефонных звонков, там если кто и шумит, так не иначе, как лавина на Софруджу. Там есть мир в его первозданности, там по камням можно читать историю планеты. Пять часов от Москвы — это что, сказка? Это что, фантазия?

Если горы разбудят человека — это на всю жизнь.

Вот о чем думал я, когда разговаривал с замечательным советским математиком, членом-корреспондентом

Академии наук СССР Борисом Николаевичем Делоне — одним из старейших ученых нашей страны. Двенадцать лет назад, в тот день, когда мы познакомились с профессором, ему исполнилось 78 лет. Прожита большая и прекрасная жизнь. Борис Николаевич — единственный из ныне здравствующих спортсменов, который имеет высокое звание «Мастер советского альпинизма». Много времени провели мы с профессором Делоне, пытаюсь ответить на вопрос о роли туризма и спорта в жизни современного ученого, о возрасте молодости и дерзания. Профессор Делоне рассказал мне о своей увлеченности:

— Родился я в 1890 году в профессорской семье. Но это была трудовая семья. Отец научил меня не только не бояться любой работы, не только преодолевать трудности, но и... уметь отдыхать. Каждое лето, когда у него был отпуск, семья наша выезжала в Швейцарию — отдыхать. В те годы съездить в Швейцарию было гораздо дешевле, чем, предположим, на Кавказ. Я с малолетства пристрастился к горам. Альпы Швейцарские, Альпы Французские, Альпы Итальянские я исходил и излазил. Первое восхождение совершил в тринадцать лет — сегодня его отнесли бы к категории 2 «Б». Случилось это в июле 1903 года в Восточных Доломитах. Помню, взобравшись на вершину, увидел Венецию. Затем с отцом поднимались на Ман Гарт — это было уже в Италии, на границе с Югославией. В 1910 году с братом штурмовали Мон-Роз. Горы вошли с того времени в мою жизнь, и экспедиции к труднодоступным хребтам стали непременным распорядком жизни.

Чтобы одолеть какую-то вершину в горах, нужно примерно месяц. Чтобы покорить какую-то вершину в математике XX века, требуется подчас полвека. При таком темпе научной работы ученому просто необходимо иметь рядом надежного спутника, который время от времени мог бы ему придавать уверенности в своих силах. А таким спутником для многих ученых были туризм и спорт. И если говорить о мире математиков и физиков, с которыми я связан весь XX век, то мне посчастливилось стать свидетелем повального увлечения ученых альпинизмом, туризмом и горными лыжами. Мне думается, в этих видах спорта, кроме оздоровительного влияния, математиков и физиков привлекает, пожалуй, еще и некоторое родство этих спортивных специальностей с нашей наукой. Здесь также необходимы точность, тонкий расчет.

Например, гигантский слалом — математически строгая дистанция предоставляет спортсмену мало возможностей для импровизации. Успех зависит от умения атлета в нужном темпе выполнять серию движений, от его навыков, полноты практики, от того, как он воспринимает опыт лучших.

В те годы, когда я начинал заниматься спортом, — в царской России спорта практически не было. Отдельные успехи конькобежца Струнникова, фигуриста Панина-Коломенкина, борцов Ивана Поддубного, Ивана Заикина, Ивана Шемякина, Ивана Чуфистова, Ивана Романова — вот все, что было в активе России. А в пассиве ее оставались чудовищные цифры: в 1914 году из 100 новобранцев только 12—15 были нормально физически развиты; из тысячи человек спортом в России занимался только один, а в Швейцарии — 185, в Германии — 139, Чехии — 98; по легкой атлетике Россия не имела ни одного мирового рекорда, в то время как США владели 45 высшими достижениями, Англия — 17, Финляндия — 13... Спорт в царской России не был уважаемым делом. И нашему поколению приходилось самому находить для себя различные системы тренировок, выискивать и сочинять упражнения, беспрестанно импровизировать. Приятно было время от времени узнавать из прессы, что многие ученые и писатели дружат со спортом, дружат не час-другой, а всю жизнь.

Наверное, самое большое влияние на меня производили рассказы и очерки Александра Ивановича Куприна, который много и талантливо писал о спорте. В возрасте двадцати лет я увлекался его произведениями. Этот замечательный писатель был тесно связан со спортом — он судил соревнования, сам участвовал в них. Куприн первым поднимался в небо на воздушном шаре, спускался в глубоководном костюме на дно Черного моря, летал на самолете с чемпионом мира Иваном Заikinым, бродил пешком по Франции, катался с А. П. Чеховым на лошадях по горным тропинкам Крымского побережья. У него были удивительные для того времени художественные свидетельства о том, как спорт помогал в творчестве. Вот что писал Куприн: «Был я тогда молод, достаточно силен и вынослив, мог грести без усталости... знал прелесть и славу заслуженного отдыха! Прогулка в горы, рыбная ловля, катание на... лодке, под туго натянутым латинским парусом». И когда он после занятий

спортом садился к письменному столу, то «работа становилась... для меня не тяжелой обузой, для исполнения которой я ежедневно должен был тащить самого себя за волосы к письменному столу, но лучшими, счастливыми часами дня. Я вошел в ту ладную, гладкую полосу послушного творчества, когда мысли без всякого затруднения переходят в слова, а слова свободно ложатся четкими строками на бумагу без единой запинки, без единой поправки...»

Расскажу, как спорт и туризм помогали мне в научном творчестве. Делая утром гимнастику, заряжал себя работоспособностью на весь день, выбираясь в свободные дни в поход по средней полосе России, словно аккумуляровал в себе свежесть природы и буйство леса на всю неделю, совершая альпинистские восхождения на Кавказе, Алтае, в Карпатах, был предельным стяжателем и собственником, жадно впитывал красоту гор. Запаса впечатлений в молодости хватало на целый год.

Тем, что я дожил почти до 90 лет и практически ничем не болел, обязан, наверное, спорту и туризму. Каждый выходной обязательно выбирался на природу. «Прогулов» еще не имел. Только за послевоенные годы на моем лицевом счете около двух тысяч походов.

Самое любимое место отдыха, которое зовет меня каждый год, находится неподалеку от пика Делоне — на Алтае. Десять раз бывал я в этом дивном ущелье, которое называю про себя «чемпионом красоты». Маршрут начинается с аэропорта Домодедово. Самолет переносит туриста и его рюкзачок в Новосибирск. Здесь встречаюсь с учениками из Сибирского отделения Академии наук, консультирую их. Затем — новый взлет. Теперь до Бийска. Ночую на турбазе. Купаюсь в быстрой и холодной Бии. Затем на попутной машине по Чуйскому тракту проезжаю почти пятьсот верст до Курая. И на третьи сутки, наконец, попадаю в сказку, найденную 55 лет назад.

Открытие этого местечка произошло, как это часто бывает в жизни и науке, случайно. Стоял я на вершине 4300 метров, которая тогда еще не называлась моим именем, смотрел на лесистые, загадочные, таинственные долины рек Шавло и Унгур, расположенные в Северо-Чуйских белках. И очень захотелось побродить на лыжах по этой нетронутой целине.

Вспомнились стихи:

Пусть, снежинками звеня,
Нагоняет ветер тучи,
Уведи меня, лыжня,
Словно в сказку, в бор дремучий.
Расскажи, не утай,
Где твои гуляют выюги?
Зимним ветром напои —
Он снимает все недуги.

Уведи за сто болот,
В те края — ничуть не ближе! —
Где Снегурочка живет.
Ей бы тоже стать на лыжи!..

И осталось это междуречье в моей памяти прекрасным, чарующим сном. Жизнь сложилась так, что снова вырваться на Алтай довелось через тридцать лет.

В 1954 году мы отправились в путь с профессором Михаилом Владимировичем Троновым, первопроходцем Белухи, совершившим на нее восхождение еще в 1914 году. Мой спутник был известным гляциологом, открывшим для науки оледенение Алтая. Его монография о 700 алтайских ледниках была удостоена Государственной премии. Мы «открыли» тогда под южным склоном вершины Маашей-Баш — 4200 м — Карагемскую поляну. Это поистине алтайский Домбай, только еще красивее.

Побывали со мной в этих местах с 1955 по 1967 год фотохудожник В. Гиппенрейтер, альпинисты-ученые Е. Тамм и Б. Гарф. Тогда-то и познакомились мы с озером Шавло. Подобного никто из нас не видел ни в СССР, ни за рубежом. Похожее на драгоценность, прозрачно-синее озеро в диадеме вершин и лесов лежит на высоте 1900 м, на северном истоке реки Шавлы.

Итак, мы отправились к озеру. Первый день пути от перевалочной базы альплагеря Актру к озеру маршрут идет по высокогорной степи вдоль речки Ештыкгол. Пейзаж напоминает здесь Монголию, только на юге за девственными лесами у подножия Северо-Чуйских белков (где живут медведи, рыси и олени) белеют знакомая вершина Актру-Баш и мощный гребень Куркурек.

Дойдя до западной оконечности степи, оказываемся на крутом краю долины Маашей. Здесь видим место для моления: кучу камней, воткнутые в нее палочки с лентами — жертвоприношения местных жителей.

После спуска и перехода через чистейшую реку Маашей — ночевка в тени мощных сосен и кедров.

Подъем по крутому левому склону долины Маашей

можно одолеть напрямик, без тропы. Поднявшись, оказываешься на огромном согре — высохшем болоте, по которому идешь много часов к перевалу Иштык-Гол, огибая однообразные склоны. Но после спуска по притоку Шавлы к реке Шабага все меняется: повсюду грандиозные леса, скалистые и снежные пики. Особенно красива переправа через мощный прозрачный поток, впадающий слева в Шабагу. Километрах в трех пути по правому берегу Шавлы — вторая ночевка.

Третий день похода. Все время идем вверх по правому берегу Шавлы. Тропа теперь уже хорошо видна (в 1955 году ее не было вовсе). На пути встреча с очаровательным «предварительным» озером, в зеркале вод которого отражаются крутые вершины пика Шавло — 3700 м. Лес образует здесь превосходный парковый ландшафт. Справа подходит мутная Южная Шавла, слева — совершенно голубая ее северная сестра. Долго еще текут, не смешиваясь, их воды. Разделяющий их гребень кончается нависающей каменной стеной высотой метров 250. Еще часа два пути по лесопарку над шумящей рекой — и вот мы перед сокровищем Алтая.

Снова испытал я чувство, которое овладело мной, когда в 1925 году вышел на Домбайскую поляну (от Гоначхира вела тогда неудобная, не везде даже проходимая тропа). Подлинный храм природы... Тишина. Величаво стоят пики Ине, Джугутурлючат, Софруджу, Белалакая.

Но еще больше впечатляет Алтай, превосходящий все, что я видел в Альпах, если сесть на плот и выехать на середину озера Шавло. Спокойствие и тишина. Лишь справа с голых скал скатываются в прозрачную воду озера небольшие шуршащие камнепады. Слева берег озера сплошь покрыт лесом: кедр, лиственница, береза. За озером снежные вершины, одна прекраснее другой. Самую высокую я назвал Красавицей, соседнюю с ней, более крутую, черную, в форме трапеции, Евгений Тамм окрестил Сказкой.

Да, поразительны скальные башни Доломитов, необыкновенна Восточная стена Монтерозы или Монблан с юга, грандиозны ледники и вершины Памира, Тянь-Шаня. Но, смею вас уверить, вряд ли они вызовут те чувства, какие исторгает у человека Шавло.

Спорту и туризму я обязан тем, что познакомился с красотой природы, научился ценить и понимать ее. Увлечение альпинизмом не только физически закалило ме-

ня, но щедро обогатило духовно. Туризму, с его бесконечными походами на лыжах, лодках и пешком, с шаманскими ночами у костров, я благодарен и за то, что он сдружил меня с замечательными людьми.

Я упоминал уже Евгения Игоревича Тамма. Молодой профессор, мастер спорта по альпинизму, он был руководителем первой советской экспедиции, успешно штурмовавшей высочайшую вершину Земли — Эверест, возвышающуюся над планетой на 8848 м. Женя — а мне позволительно называть его так, потому что я помню его младенцем, — унаследовал все лучшие черты своего знаменитого отца — физика-теоретика, академика, лауреата Нобелевской премии, Героя Социалистического Труда Игоря Евгеньевича Тамма, который в числе пионеров советского альпинизма покорил множество вершин на Кавказе, Памире, Тянь-Шане и Алтае, помогал мне в организации первого в нашей стране туристско-альпинистского лагеря в ущелье Дых-Су. Было это больше полувека назад...

Игорь Евгеньевич был ученым удивительно талантливым и разносторонним. В середине тридцатых годов он говорил своим друзьям: «Я думаю: доживи Пушкин до наших дней, он бы стал философом». И в подтверждение своей мысли читал наизусть стихотворение: «Движенья нет, сказал мудрец брадатый...» После паузы, давая возможность собеседникам ощутить пушкинскую поэзию, физик Тамм комментировал: «Какое понимание относительности движения, недоверности очевидного!» (Однако через двадцать лет он же утверждал, что эпоху философской физики сменила эра, когда роль первой «скрипки» будут играть биофизика и биохимия, и что, если бы был он молод, стал бы биофизиком.)

В своем поведении и мышлении Игорь Евгеньевич был независим, к недостаткам непримирим. А в душе он оставался романтиком. Расскажу о том, как замечательный ученый и альпинист организовал в 1957 году экспедицию, чтобы проверить достоверность легенды, гласящей, что в восточно-памирской пещере Мата-Таш несколько веков назад были спрятаны несметные сокровища.

Академик Тамм знал, что впервые легенда была опубликована в 92-м номере «Туркестанских ведомостей» за 1893 год. Согласно преданию, около 300 лет назад на Восточном Памире в районе озера Ранг-Куль зазимова-

ли китайские войска. Вскоре глубокий снег покрыл пастбища. Начался падеж лошадей. Истощились продовольственные запасы. Надвигалась гибель. Однажды ночью, забрав лучших коней, вожди отряда бежали, а чтобы не было погони, остальным лошадям перерезали сухожилия. Наутро, когда открылось предательство, оставшиеся воины решили спасти хотя бы казну. Хранилищем они избрали видневшуюся на отвесной скале недоступную пещеру. Соорудив лестницу из кусков конского мяса, примороженного к стене, они поднялись наверх и спрятали свои богатства в пещере. Когда наступила весна, куски мяса оттаяли и упали. Пещера снова стала недоступной. Легенда говорит, что киргизы много раз пытались проникнуть в пещеру, но всякий раз гибли, пугаясь «шайтана, стерегущего сокровища».

Такова легенда... Тамм начал подбирать людей для экспедиции. Причем организовывал он ее на свои деньги, которые получил за Государственную премию СССР. В группу вошла Елена Казакова — вторая женщина в нашей стране, которой было присвоено звание заслуженного мастера спорта по альпинизму, кандидат наук. В экспедицию, взявшую старт под эгидой Московского филиала Географического общества СССР, входили доцент энергетического института Н. Федоров, электромонтер А. Ивкин, инженер-конструктор Б. Шляпцев, токарь А. Андреев, студент Л. Буравцев.

Что их больше волновало — «запрятанные» несколько веков назад сокровища или недоступность пещеры, расположенной в скальной стене на стометровой высоте? Скорее всего последнее! Во всяком случае так утверждал Игорь Евгеньевич, уговаривая меня рискнуть. Но мне было в ту пору уже 67 лет, и я опасался подвести членов экспедиции, многие из которых годились мне во внуки...

Заядлые альпинисты, увлеченные Таммом, не могли смириться с мыслью, что где-то есть неприступная для них пещера! В глубине души каждый, конечно, надеялся найти такое, что обогатит археологию или палеонтологию. В шутку участники экспедиции называли себя «ипсами» — искателями пещерных сокровищ.

— Добраться до Мата-Таш трудно, а следовательно, интересно, — говорил своим сподвижникам Игорь Евгеньевич. — Снизу в пещеру не попасть: последние двадцать метров стены с обратным наклоном не пустят к

входу. Придется подниматься на гребень, а затем совершить стометровый спуск. Предупреждаю: преодолеть отрицательный наклон скалы над входом будет нелегко.

Экспедицию консультировал опытный специалист по спасательным работам в горах Фердинанд Кропф. Он предложил:

— Спуск можно осуществить с помощью гибкого авиационного троса с мягкой органической сердцевинкой и блок-тормоза, через который протравливается трос с подвешенным на нем человеком. Трудно точно угадать, откуда вести спуск, — ведь вход в пещеру не видел никто из альпинистов, пытавшихся достичь Мата-Таш. Для корректировки надо организовать телефонную связь или продумать вопросы радиоприема.

— А как мы, обремененные сокровищами, станем выбираться из пещеры? — пошутил академик Тамм.

— Спуск в пещеру — не идеальный отвес. Что делать, если трос заклинит на промежуточном выступе? — спросила Казакова. — Неужели кому-то из нас остаток жизни придется провести, болтаясь между небом и землей?

Проблем было сотни. И в решении их «ипсы» находили радость. Сделали блок-тормоз. Обзавелись строительной лебедкой. Но она позволяла совершать только безынициативный спуск, когда альпинисты не могли регулировать скорость и направление движения:

Инженер Борис Сергеевич Шляпцев разработал лебедку, позволяющую подвешенному на ней спортсмену при помощи ручки опускаться и поднимать себя по отвесно висящему тросу.

— А что будем делать с грифами, которые кружатся у пещеры и нападают на альпинистов? — спросил Тамм. — Эти хищники — лучше любых сторожей. Они даже не реагируют на выстрелы из пистолетов...

Альпинисты взяли с собой шахтерские шлемы, пожарные каски, фехтовальные маски. Они успешно решили вопрос с освещением и радиосвязью... О самой экспедиции рассказывать не буду. Упомяну лишь, что «ипсы» действительно раскопали во льдах ряд амулетов, относящихся к периоду сакской культуры V—IV веков до нашей эры. Их находки обогатили науку и позволили, в частности, на археологической карте Памира уточнить северную границу распространения сакской культуры по сравнению с тем, что приводится в классическом труде

Н. А. Бернштама «Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памира-Алая».

А как же с сокровищами, послужившими «информационным поводом» для экспедиции? К сожалению, группа академика Тамма не смогла покорить Мата-Таш. Тайна пещеры осталась неразгаданной. Думая сегодня — почти через четверть века — о неудаче моего друга, я снова проникаюсь чувством величайшего уважения к нему — организатору и руководителю восхождения, мужественному и честному человеку.

Объясню почему... На шестнадцатый день штурма Борис Шляпцев и Алексей Ивкин, спускаясь на блоктормозе, не смогли залезть в пещеру, потому что последние метры по непрочной «кладке» представляли опасность. И тогда академик Тамм принял решение прекратить штурм, пусть легенда останется жить и будоражить фантазии новых исследователей...

Легко ли было отдать такой приказ? Когда я спрашивал об этом Игоря Евгеньевича, он разводил руками:

— Я был обескуражен, морально раздавлен. Не попасть в пещеру, будучи в нескольких метрах от нее, после стольких стараний, такого громадного труда! Но ведь отрицательный результат в науке, вы знаете, — это тоже своеобразный положительный итог. Мы, альпинисты-любители, приехавшие на Памир в дни своих отпусков, не смогли справиться с задачей, но наш опыт должен пригодиться другим. Впрочем, как и наши лебедки, тросы... Самой трудной для меня, руководителя, была последняя ночь — восходители оставались внизу, а я кипятил чай из расплавленного снега, молча и удрученно лежал на спартанском ложе под шатром мерцающих звезд и думал: «Как они завтра вскарабкаются обратно по стене, ведь во время штурма трос и веревка зацепились на стене и выбрать их обратно не удалось?..» Когда смельчаки поднялись в лагерь, я был счастлив. А сокровище?..

Через год Игорь Евгеньевич сказал, радостный:

— Группа ленинградских альпинистов, использовав наш печальный опыт, лучше подготовилась и проникла в пещеру. Как вы думаете, что они там нашли?

— Птичий пух и прочие следы пребывания горных орлов, — ответил я.

— А откуда это вам известно? — удивился Тамм.

— А разве вы сами верили в эту легенду? — спросил я.

← И все-таки жаль расставаться со сказками. — В этой фразе был он весь — один из величайших физиков XX века, альпинист и турист с романтическим уклоном...

Поэт Владимир Высоцкий утверждал: «Лучше гор могут быть только горы, на которых еще не бывал». Это точно подмечено. Спорт и туризм заставляют человека шире смотреть вокруг, чувствовать своей всю страну, будят желание исходить всеми ее дорогами-тропами, особенно теми, на которых еще не бывал.

Романтика? А почему бы и нет?

Может, ждет она меня у заснеженной рябины?..
Уведи меня, лыжня, в заповедные глубины.
Покажи мне, где она, тишина твоя, хранится?
Рядом скрипнула сосна и затенькала синица.
Снежный ком с куста упал.
Стойте, лыжи... Где я?.. Где я?..
Может, правда, я попал
Прямо в царство Берендея?..

Дороги — дальние и зовущие — никогда не кончатся. И маршруты всегда будут выбирать людей, жадных до жизни, до красоты природы, они словно будут советовать: нельзя относиться к жизни по-рабски, ждать, когда от великих ее щедрот перепадет кусочек и тебе. Спорт учит понимать — все свои усилия надо направлять на решение главных задач.

Спорт и туризм — одна из активных форм жизнедеятельности человека, проявления и утверждения им своей личности. Глубоко ошибаются те, кто видит в нем лишь сумму неких физических упражнений. Это совсем не так. В спорте весьма рельефно выражены моральные, волевые, эстетические факторы, потому-то занятия им способствуют не только физическому, но и духовному развитию человека. Я считаю духовный фактор решающим в альпинизме, спорте, которому посвятил почти 80 лет своей жизни. Альпинизм — это постоянное столкновение человека с опасностью, альпинизм, я уже подчеркивал, — это непрестанное восхищение суровой красотой горных пейзажей. А с другой стороны, альпинизм — это предельная собранность и цельность. Все помыслы спортсмена направлены на то, чтобы своим умением, волей, мужеством покорить горные вершины.

Спортсмены, штурмующие горы, связаны веревкой. Они доверяют друг другу свои жизни. Есть ли другой

такой вид спорта, где бы так же был развит дух коллективизма, взаимопомощи?!

Постигнув роль спорта, я решил: все мои ученики никогда не будут домоседами. И сдержал данное себе обещание: в свою группу не брал аспирантов, которые были равнодушны к спорту. Из учеников наиболее значительных успехов добился Александр Данилович Александров — академик, крупнейший советский математик, мастер спорта Советского Союза. Я не знаю другого ученого с таким высоким званием в науке и спорте.

Как-то я говорил с академиком Александровым о качествах человека, которые закаляются в спорте. И он привел один пример из своих альпинистских восхождений. Было это в 1946 году. Александров возглавлял группу альпинистов, которая штурмовала относительно невысокий, но трудный хребет Джугутурлючат на Западном Кавказе. В горах на них обрушился снежный буран. Двое суток восходители пережидали бурю. А она и не желала униматься. Александрову подумалось на мгновение: «Все!» Сознавая трагичность положения, он неожиданно для себя запел: «Легко на сердце от песни веселой...» И тогда откуда-то появилась необычная решимость не поддаваться горам, снежному бурану — выстоять! До сих пор академик удивляется той энергии, с которой они начали бороться с непогодой.

Откуда силы взялись?

Вот еще одна грань нашего увлечения горами. Альпинизм — это не просто спорт, дарующий хорошее настроение и острые ощущения. Это и философия, утверждающая простые истины, восславляющая желание узнать и желание помочь, преданность цели, смысл и радость дерзания, чуткость и поразительное мужество.

Вершины влекут людей. Здесь в обнаженном виде выступает молчаливая история нашей планеты.

И чем выше хребет, чем недоступнее его вершина, тем больше желание их достигнуть.

Да, это — романтика!

Романтика — новые места, новые люди, вершины новые и впечатления свежие.

Романтика — возвращение домой после длительной разлуки. Романтика — когда после жизни дикаря, после всех лишений ты пользуешься, наконец, достижениями цивилизации.

Я принадлежу к довольно обширной в нашем обществе прослойке преподавателей высшей школы, которая пользуется по закону отпуском в 48 рабочих дней. Это довольно много, и поэтому большинство из нас (включая и самых молодых) имеют привычку выделять для «чистого отдыха», с полным отрывом от профессиональных интересов, лишь часть этого времени. Другую же половину хочется концентрированно занять размышлениями над научными вопросами, написать обещанные журналам статьи и т. п.

«Чистый отдых» в моем представлении должен быть активным, конечно, активным в смысле физической нагрузки и интересным в смысле новых впечатлений. Я всю жизнь признаю только такой спортивный отдых. Както в марте месяце я со своими юными друзьями провел десять дней в Алибеке. Отдых в Алибеке был задуман не совсем «чистым» — предполагалось немного покататься на лыжах и много заниматься математикой. Но потом мы решили, что мартовское солнце должно быть использовано полностью, что в лунные ночи лыжи скользят лучше, чем днем, и что вообще надо спешить — спешить, чтобы не упустить весну.

На математику, конечно же, времени оставалось немного. Это и хорошо!

В нашем Математическом институте Академии наук СССР почти все ученые занимаются спортом. И когда в феврале — марте идут отчаянные сборы в горы, когда выискиваются австрийские и французские лыжи для слалома, когда гоняются за брюками, титановыми палками и японскими кинокамерами, тогда-то мне вспоминается, как начинались альпинизм и горные лыжи в нашей стране.

Должен не без гордости признаться, что до революции в России было лишь три профессиональных альпиниста — Панютин, Голубев и Делоне. Делоне — это я. Мы практиковали в основном в Западной Европе. Правда, перед самой империалистической войной я успешно штурмовал Казбек. После гражданской войны горы на долгое время были отрезаны от спортсменов — в аулах еще было неспокойно, бандиты прятались в горах. И ходить на вершины было далеко небезопасно. И все же... Я процитирую вам несколько строчек из книги «К вершинам советской земли», выпущенной в 1949 году и посвященной 25-летию советского альпинизма: «К этому

же году (1923) относится первовосхождение на вершину Софруджу (Западный Кавказ), совершенное одним из пионеров нашего высокогорного спорта — Б. Н. Делоне и Зельгеймом. Это, по-видимому, первое из восхождений советского времени на Западном Кавказе».

Упомянутый рядом с моим именем Зельгейм был странным и непередаваемо интересным спутником. Познакомились мы с ним случайно. Я приехал в Теберду в надежде полазить по горам. Но долго не мог найти попутчика — все опасались вершин. И уже решил один подниматься. И вдруг утром, когда все было подготовлено к штурму, я увидел человека с биноклем на груди.

— Кто вы? — спросил я.

— Я всемирно известный путешественник, — ответил он.

— Мне-то как раз нужен именно такой путешественник.

— Отлично, — хмуро сказал человек. — Но я очень голоден! — и путешественник присел к костру. Он смотрел на огонь и... спал.

Я решил переждать несколько дней, когда случайный попутчик придет в себя. Попутчик был Зельгеймом — сыном основателя кооператива в городе Павлово-на-Оке. Он решил все свои сбережения вложить в путешествия.

Проснувшись утром, мы увидели неподалеку от места своего привала костер. У костра сидел человек в военной форме с ружьем. Познакомились. Это был нарком Крыленко. Он поинтересовался, что привело ученого в горы. Я ответил:

— Видите вершину — Софруджу? Я взойду на нее.

Нарком удивился:

— Это очень опасно. Нельзя, ни в коем случае нельзя.

— Я взойду, не волнуйтесь, смотрите за мной в бинокль!

В горы, я уже говорил, уезжаю каждый год по несколько раз. С возрастом любовь к восхождениям не ослабевает, но... Рядом с преданностью горам я услышал в душе своей другую музыку. Что-то очень похожее на стихи Алексея Толстого о Садко:

Богатством твоим ты меня не держи.
Все роскоши эти и неги
Я б отдал за крик перепелки во ржи,
За скрип новгородской телеги...

И я понял эту музыку. Пусть стремительно несутся ракеты на подводных крыльях, пусть ТУ-104 за два часа переносит тебя в мир гор, ледников и опасностей, пусть состязаются слаломисты на трассах с тысячетметровыми спусками, оборудованными великолепными подъемниками, пусть спелеологи открывают новые пещеры, а последователи Кусто поселяются в подводных домиках на стометровой глубине. Пусть... Но ведь есть у нас и другая красота — текут тихие подмосковные речки, волшебством сияют северные белые ночи, темнеют озера, заросшие камышом... А в Крыму под осень не менее интересно просто пойти с местными ребятами собирать ведрами кизил в окрестностях Севастополя или помогать рыбакам вытаскивать сети.

За время своих однодневных походов по Подмосквью я исходил, кажется, все берега рек и озер. Шагаешь с рюкзаком — легко дышится, «светло в России от берез»... У меня выработались любимые маршруты. Один из них — Ландышевый луг у реки Вели в окрестностях Загорска. Особенно красиво здесь весной. Очень люблю и уютную речонку Кокотку неподалеку от Тишкова. И третье приятное место — среднее течение речки Песчаной в окрестностях Истры. В походах я придерживаюсь трех правил. Первое — не пропускать ни одного воскресенья или субботы. Второе — не жалеть времени на дальнюю дорогу — лучше лишние полчаса проехать на электричке, зато добраться до тихого красивого места. Третье — походу надо посвящать весь день, с самого раннего утра и до позднего вечера. Только тогда вы получите запас бодрости на неделю. Я все это на себе испытал!

Для меня лечащим врачом всегда была и есть природа. Попав «на природу», я оказываюсь в удивительном мире. Растения — и травы и деревья, — защищая себя от болезней, вырабатывают вещества, убивающие микробов, — летучие фитонциды. Кстати, они не только убивают микробов, но, что гораздо для нас важнее, стимулируют защитные силы человеческого организма. Один гектар лиственного леса выделяет за сутки около двух килограммов летучих фитонцидов. В хвойных же лесах их вдвое больше... Так что загородный воздух не только чист и приятен, он и лечебен. Практически воздух в сосновых лесах стерилен. Вне зависимости от географической широты и близости населенных пунктов.

Поход по загородным местам, помимо медицинской пользы, хорош еще и тем, что позволяет «переключиться», дать разрядку нервной системе человека. Ведь пять рабочих дней подряд мы, горожане, практически не выходим из четырех стен: кабины автомобиля, квартиры, лаборатории. Взгляд упирается в стены домов. Просторы лугов и полей дают человеку тот успокаивающий эффект открытого свободного пространства, который ему необходим и которого он лишен, живя в городе.

Когда-то древние греки выбили на стене храма Дианы в Эфесе следующие слова: «Только солнце своим лучистым светом дает жизнь». А вот что говорит статистика. В Москве солнечных дней раза в два меньше, чем в окрестных селах, удаленных от столицы на 100—120 километров. Дело в том, что в серой дымке, окутывающей большие промышленные города, есть вещества, которые притягивают и конденсируют влагу. Появляются облака, туман закрывает солнце. Вот и делайте из этого вывод, где лучше провести выходной день — в городе ли под душным покрывалом промышленных аэрозолей или, скажем, на реке Веле, до которой от Москвы всего полтора часа езды...

* * *

Вот, кажется, и вся наша «...надцатая» беседа. На следующее утро профессор уезжал в лес...

Стояли последние дни марта. Профессор проверял лыжи. Лыжи он вообще считает идеальным видом спорта. Лыжня, петляющая меж сосен, — это лыжня здоровья. Идешь и пьешь целебный лесной воздух, и оставляешь после себя след. Профессор любит ходить по целине — чтобы обязательно идти первым...

ЗА МЕЧТОЮ НА ВЕСЛАХ

Из памяти никак не выходят слова автора «Писем русского путешественника» Николая Михайловича Карамзина, сказанные почти двести лет назад: «Друзья мои! Чтоб живо чувствовать всю дерзость человеческого духа, надобно быть в открытом море, где одна тоненькая дощечка отделяет нас от ближайшей смерти».

Знаю я одного замечательного человека, в жизни которого была тоненькая дощечка и двадцать семь тысяч километров, отмеренных веслом. За судьбой этого путешественника я слежу больше пятнадцати лет, с того самого дня, как в секции водного туризма ВЦСПС — это было еще до создания Центрального совета по туризму и экскурсиям — я случайно увидел письмо 28-летнего лесоруба Евгения Смургиса, который просил разрешения на поход по маршруту: река Колва, Вишера, Кама, Волга, Каспийское море, Урал, Тобол, Иртыш, Обь, Карское море, Енисей, Ангара, Байкал, Амур, Охотское и Японское моря. Длина пути — приблизительно 32 тысячи километров. Средство передвижения — обычная весельная лодка. Время похода — летние отпуска. У меня сохранилась копия ответа, посланного из Москвы смелому путешественнику: «Познакомьтесь внимательно, а не поверхностно с намечаемым вами маршрутом и сами убедитесь в нецелесообразности такого путешествия».

Тогда-то я и послал Смургису письмо с просьбой рассказать поподробнее о своей мечте.

Ответ Евгения Павловича не заставил себя ждать.

— Со времен Ермака русские люди, одержимые страстью познания, двигались на восток. Двигались с рек: Цны-голубки, Десны-красавицы, Волги-матушки. Уходили они за Уральский хребет на стругах и кочах. Их видели на берегах Амура и Уссури, они достигали Аляски и Калифорнии.

Кто с детства не бредил мечтами о дальних походах? Я не стал исключением. Давным-давно задумал свое путешествие — на весельной лодке. Как в старину. Хотелось напомнить, что сейчас, в век моторов, все же не следует забывать о веслах. Долго не могли решить проблему судна. Помог случай. На североуральской реке Кольве, где в то время я работал лесорубом вместе со своим другом Валерием Лютиковым, однажды увидели, как пожилая женщина быстро плыла на лодке против течения, орудуя лишь одним кормовым веслом. Вскоре мы узнали у местных жителей, что такие чудо-лодки в округе мастерил умелец Андрей Павлович Миков.

Ходят по Волге и Каме несколько десятков барок и лодок его изготовления. Мы приехали к деду Андрею в пермскую деревню Русиново, рассказали о своем замысле, попросили сделать устойчивую, быстроходную и грузоподъемную лодку для путешествия через всю страну.

За долгую жизнь устал мастер, казалось, не хватит сил сработать эту лодку. Сколько же их, лодок Андрея Микова, ходило по стране? Сам со счета сбился — ведь шестьдесят лет плотничал.

Отказывался мастер: «Боюсь — не успею».

Но мы были настойчивы.

— Нам нужна такая лодка. Позарез, — убеждали мы Микова.

Понял нас мастер: «Уж так и быть, сделаю свою последнюю в жизни лодку. Да такую, что полсвета обойдет!» Поутру взялся за топор и рубанок. Было ему семьдесят восемь лет.

Заказчики ходили в тайгу — подбирали материал. А Миков хмуро «браковал»: «Я же объяснял вам!» Сам отправился в лес и отыскал огромный, старый, как он сам, кедр:

— На днище пойдет.

Гости засомневались: кедр от корней до вершин был покрыт сучками.

— Сучки, паря, они для вашего дела на вес золота. Днище от растрескивания оборонят, коли вы и впрямь такое задумали.

А задумали гости поход, показавшийся деду Андрею несколько странным: все реки матушки России на веслах пройти. Зачем? Ему объяснили. Но старик лишь пожал плечами. Однако лодку делал. На борта пустил ель. И не просто ель, а ту, что растет на мари. Объяснил:

«Дерево это вязкое, плотное». А когда материал убрали под навес, старик прямо-таки ошеломил гостей:

— Теперь годика полтора полежит. Ветерком обсушит, морозцем да зноем закалит...

Да, шестнадцать лет назад были лишь заготовленная древесина и хрупкая мечта — пройти на лодке по всей державе.

Уж больно не терпелось Смургису: «А нельзя ли быстрее?» Но мастер был неумолим. И встретились они через полтора года.

Миков, словно бы расстались вчера, — за инструмент: «Пошли!»

Всю тяжелую работу выполнили заказчики — Смургис и Лютиков, а дед Андрей, как профессор, направлял их и лишь в трудных случаях брал у них топор или рубанок и, ни слова не говоря, колдовал над лодкой.

Весной 1967 года во дворе деда Андрея уже стояла на козлах готовая лодка. Ей предстоит пройти 27 тысяч километров и остаться через пятнадцать лет на зимовку на забайкальской реке Хилок. Лодка называется «Мах-4» — мах в четыре весла. Одна-единственная в своем роде. Сработана русским мастером — золотые руки по принципу обыкновенной академички. Длина судна — 8 метров, ширина между бортами — 130 сантиметров, весит она 130 килограммов, но может принять на борт полтонны груза и, что самое важное, оседает на воде лишь на длину ладони. Так что «Мах-4» может идти по самым обыкновенным ручьям и в то же время не боится испытания морскими штормами...

Смургис попросил деда Андрея, чтобы он специально сделал корму так, чтобы новозможно было поставить мотор (пусть все видят — экипаж за весла!).

9 июня 1967 года глухая таежная деревушка Тулпан проводила Евгения Смургиса и его друга лесоруба Валерия Лютикова в гребной сверхмарафон. Друзья хотели проверить лодку на более или менее спокойной воде и наметили маршрут — река Колва — Липецк: в этом городе жили родители Евгения, и там можно было оставить лодку на зимнее хранение. Гребцам предстояло преодолеть 4500 километров не более чем за 45 дней: отпуска кончались, а опаздывать на работу лесорубы не могли...

Несколько слов о том, как туристы готовились к переходу. Специальные тренировки длились два с полови-

ной года — многочасовые кроссы, пробеги на лыжах, ежедневная работа на лесосплаве — лучших естественных условий для физического совершенствования трудно и придумать-то. Смургиса выручала спортивная закалка, полученная в юности, когда он занимался боксом и даже завоевал серебряную медаль на первенстве РСФСР во втором среднем весе. В его домашней коллекции много призов и грамот за победы на лыжне и в состязаниях по народной гребле.

Вечерами друзья тщательно изучали районы плавания, анализировали весь картографический материал. Словом, готовились к сверхмарафону всерьез.

Удалось им утвердить маршрут и оформить необходимые для его осуществления документы.

Первый этап путешествия весельные первопроходцы посвятили 50-летию Советской власти и Международному году туризма. За 43 дня смельчаки преодолели четыре моря-водохранилища, Вишеру, Каму, Волгу, Дон, Воронеж. Первые тысячи миль остались за кормой.

В следующем сезоне, ударно поработав в тайге, друзья выполнили по полторы годовые нормы и со спокойной совестью уехали в отпуск. Второй этап путешествия они посвятили 50-летию рождения комсомола. За 33 ходовых дня прошли 3800 километров по маршруту: Воронеж, Цна, Мокша, Ока, Москва-река, Волго-Балтийский судоходный путь до Ленинграда. Затем Балтийским морем до Риги. Средняя суточная скорость составила 115 километров, несмотря на то что две тысячи километров пришлось подниматься против течения и заходить в Балтику... «Мах-4» выдерживала все испытания. Пессимисты, предрекавшие путешественникам неудачу, были повержены.

Наиболее сложным для туристов оказался третий этап похода, в 1969 году. Стартовав в Риге, они поднялись вверх по Даугаве, преодолев около двадцати порогов. Затем прошли более двух с половиной тысяч километров по открытым водоемам, Черному и Азовскому морям. Почти все время туристов поджидал встречный ветер. По протяженности и трудности этот этап можно сравнить со стартовым. Кстати, протяженность и продолжительность первого и третьего путешествий совпали. Трудности в пути друзьям помогли переносить четвероногие пассажиры — медвежонок Боря и восточноевропейская овчарка Ваган.

Когда «Мах-4» причалила к лодочной станции в Волгограде, гребцам пришлось попрощаться с медвежонком — за время путешествия он значительно вырос, привык к простору, снова почувствовал волю. Увозить его в квартиру, сажать на цепь было бесчеловечно. И друзья решили «переквалифицировать» Борю из Синдбада-морехода в... артисты. Смургис подарил медвежонка Ростовскому госцирку. Правда, Борю не сразу зачислили солистом, но он был способный, все схватывал на лету, и в цирке его сразу полюбили...

Следующий этап похода был посвящен 100-летию со дня рождения В. И. Ленина. В тот год Смургис впервые предложил плыть днем и ночью, сменяя друг друга, со среднесуточной скоростью 120 километров. Вдвоем друзья брались за весла, когда приходилось преодолевать сильные течения, а также в погоне за теплоходами, чтобы вместе с ними шлюзоваться. Один из волжских капитанов, увидев лодку «Мах-4», неотступно следовавшую за его пароходом, крикнул по радио: «Отпустите капроновую веревку. Все равно никто не поверит, что вы идете на веслах...» Когда же пароход причалил в порту, старый капитан пришел к спортсменам. Осмотрел лодку, поинтересовался: «А корму специально сделали так, чтобы невозможно было поставить подвесной мотор? Молодцы, с открытой душой идете...»

Как и в прошлые походы, бывали случаи, когда гребцы попадали в заторы из сплаваемого леса. Тогда приходилось тащить лодку по бревнам или высаживаться на берег и, дождавшись росы, волочить «Мах-4» по мокрой траве.

За три сезона за кормой чудо-лодки осталось 13 тысяч километров.

Много это или мало?

Конечно, в наш век стремительных скоростей и трансатлантических лайнеров такие расстояния не представляются огромными. И сам Смургис, раскладывая на столе фотографии, дневники, чертежи маршрутов, рассказывает о них спокойно и деловито, как о будничной работе. Я тоже воздержусь от эмоций, пусть читатель судит сам по этим вот цифрам. Весь поход занял в общей сложности 180 суток. 113 из них Смургис и Лютиков находились на воде. Из 13 тысяч километров треть — против течения, треть — по морям и озерам. Путь проходил по 29 рекам и 23 водохранилищам, озерам и мо-

рям, через 32 области, девять союзных республик. 28 раз лодку приходилось вытаскивать на берег и тащить волоком, что составило более 20 километров. Перевезено 500 случайных пассажиров. Для прибрежного населения прочитана 71 лекция по туризму.

По стечению ряда обстоятельств — семейные заботы и смена профессии (из лесоруба Смургис стал охотником-промысловиком и сменил место жительства: перелетел на Дальний Восток) — 1970 год не удалось использовать для путешествия. «Мах-4» два года пролежала на гребной базе в Волгограде.

Но перед очередным отпуском в 1971 году Евгений затосковал по голубым тропам. А вот Валерий пересел на мотоцикл, задумав с помощью лошадиных сил повторить их общий путь. И тогда Смургис вышел на очередной этап один, посвящая его V Спартакиаде народов СССР. 16 июля он стартовал, 21-го достиг Астрахани, а 1 августа, преодолев суровый Каспий, прибыл в Гурьев. Вот некоторые выдержки из дневника этого 1150-километрового перехода:

«Близ Астрахани услышал крики о помощи. Подобрал тонущих мужчину и женщину, доставил на косу.

В море попался на пути неподвижный катер. Отказал мотор «Прогресс». Отбуксировал его на мель.

После Забурунья сильный северо-западный ветер. Корму заносит вправо. Пять часов греб только одним левым веслом.

Шел постоянно в 20—30 километрах от берега. Два дня видел тюленей. Они резвились в воде в десяти метрах от меня.

В море недалеко от устья Урала обнаружил огромное скопление сазанов. В мутной воде сверху были видны хвостовые плавники.

Последние два дня теплые куртки не спасали от холода. Заснуть не удавалось, дремал».

Еще в устье Волги редкие встречные спрашивали у Евгения, куда он идет.

— Через море в Гурьев.

— Э-э, да брось ты. Чуть ветер подует и перевернешься.

Я сам лично рассказал одному гурьевскому мастеру спорта по гребле о переходе Смургиса.

— Не может быть. Ветер был, дождь. Не мог он по морю пройти, — сказал мне мастер.

Но факт остается фактом. Евгений и в ветер, и в дождь шел по морю со скоростью около ста километров в сутки. А ведь, как утверждает Большая советская энциклопедия, Каспийское море по силе и продолжительности штормов является самым бурным из всех южных морей Европы и Азии.

Но Смургис в одиночку покорил его...

«Цивилизация до минимума снижает мышечную деятельность человека, и, чтобы избежать всяких сердечно-сосудистых заболеваний, нам необходим активный отдых,— запишет он в своем дневнике.— Насколько богаче месячного лежания на южных пляжах пусть небольшое путешествие по нашим прекрасным рекам! Идти на веслах, чувствовать каждую мышцу своего тела — поверьте, здорово!»

Из Гурьева путь лежал против течения по реке Урал. Смургис, окончательно убедившись, что мотор мотоцикла больше привлекает Лютикова, чем весла, стал подыскивать товарищей для завершения намеченного маршрута. Многие смельчаки изъявляли желание попробовать свои силы, но не у всех хватило мужества перейти от слов к делу. Наконец, в лодку сели инженеры из Липецка Вячеслав Лыков и Николай Песляк. Трое — уже солидная команда. Но это и новые проблемы — создание внутреннего климата в коллективе. После шести летних отпусков на счет «Мах-4» было записано 18 тысяч километров. И все они отмеряны веслом Смургиса. 176 суток находился он в движении. Путь проходил по 33 рекам, 26 водохранилищам, озерам и морям. Через территории 40 областей, девяти союзных и автономных республик. 50 раз приходилось вытаскивать лодку на берег и тащить волоком.

Как бы ни было трудно, Смургис не сдавался. В его дневнике появляется такая запись:

«Парус и мотор — хорошо. И пешком путешествовать тоже приятно. Но ничто не может быть лучше и полезнее путешествий на весельной лодке. Чистый воздух, прохлада прибрежных лесов, вода, отражающая свет вечных звезд и золото солнца. И постоянное чувство, названное академиком Павловым «мышечной радостью», — вот что такое плавание на веслах».

23 июля 1972 года, делая последние гребки на подходе к причалу Оренбургского морского клуба, Евгений был уверен, что расстается с лодкой только до следую-

щего лета. Обстоятельства, однако, сложились иначе: продолжить путешествие довелось нескоро. Проходило очередное лето. В душе — тоска, чувство неудовлетворенности, немой укор его лодки, оставленной зимовать за многие тысячи километров. Однажды Смургис не выдержал — полетел в Оренбург, чтобы только посмотреть на «Мах-4». Убедился, что «корабль» требует лишь некоторого ремонта, стало спокойнее.

10 июля 1975 года он снова был на оренбургской земле. За пять дней до прибытия команды ему предстояло заменить покрытие подводной части корпуса стеклотканью и сделать еще кое-что по мелочи.

— И вот я встречаю команду «Мах-4», — вспоминает Смургис. — Это Вячеслав Лыков и Николай Песляк — мои сверстники, давние друзья, согласившиеся разделить со мной тяготы и радости нелегкого пути. Пути через континент — на Дальний Восток на веслах. На эту навигацию (на этот отпуск) намечен очередной этап плавания: подняться по Уралу и спуститься по Тоболу до Иртыша.

Вместе красим лодку в традиционные — красный с белым — цвета. Три дня «вгребаемся». Каждый из нас не новичок в гребле, но, чтобы дружно работать на «Мах-4», нужна некоторая сноровка, приходящая со временем.

19 июля. В 7.00 все на ногах. Сразу же, за первым поворотом — земснаряд, а чуть выше и первая ласточка — первый пережат, да такой быстрый, что выгresti не удастся, хотя гребем вдвоем. Вода тонким — не более 20 см — слоем стремительно несется по всей ширине реки. И вот, тяжело ступая по галечному дну, Николай тащит «Мах-4» за цепь, а мы со Славой продолжаем грести. Отдыхающие (а их было немало в тот солнечный день) провожают нас недоумевающими взглядами: куда это несет чудаков вверх по мелководью?

В голове беспокойные мысли. Сумеет ли пройти? Палящий зной иссушил землю. Совсем обмелел некогда полноводный Урал. Еще до отплытия мы уже несколько изменили первоначально намеченный маршрут. Нечего было и думать о подъеме к самым истокам Урала, чтобы затем перевезти лодку к истоку Уя! (Случись это, мы оказались бы в самом полном смысле на мели.) Решили подниматься по Уралу только до Ириклинского водохранилища, а затем по Суундуку до Андрианополя

и оттуда перебрасывать лодку машиной в город Бреды, расположенный на Желкуаре — притоке Тобола. Даже в этом варианте подниматься предстоит более 800 км! Надо быть готовыми к самым неприятным неожиданностям.

Кстати сказать, неожиданностей и впрямь великое множество. Вот, например, большой мост, соединяющий оживленную дорогу между Карачи и Нежинкой. Когда мы рассматривали этот мост на карте, и в голову не приходило, что его строители, учитывая полное отсутствие какого-либо судоходства, положат настил на такие низкие понтоны, что нам придется уже через четыре часа после старта лодку разгружать и перетаскивать через верх...

За сутки — 80 км пути. Такой подъем не назовешь быстрым, а ведь гребем в четыре весла весь день и в два весла — ночью! Мешают обилие перекаатов с сильным течением и устойчивый встречный ветер.

Лес понемногу отступает от берега, обнажая бескрайние степные просторы. 22 июля миновали Беляевку. Впереди длинный плес. Левый берег скрывается за стеной зарослей, подступивших к самой середине реки. На веслах усердно трудится Коля, стараясь вести лодку вдоль края камыша, где течение меньше. Мы со Славой созерцаем окрестности.

24 июля «потеряли» Славу. Дело в том, что ноги требуют привычной разминки — ходьбы. Поэтому тот из нас троих, кто свободен от вахты, старается отдыхать на суше: идет по берегу, наслаждается природой, лакомится ягодой. И вот Слава скрылся в узкой полоске леса, закрывающего бесконечные извивы русла.

Прошло два часа. Слава уже должен сидеть за веслами, а его нет. Сначала мы не беспокоились, зная, что пройденный по берегу километр на воде растягивается в несколько. Еще через два часа начали волноваться. Ведь он, выйдя на берег и не дождавшись нас, мог подумать, что мы впереди, и броситься догонять! Река пустынна, спросить не у кого.

Ночь прошла беспокойно. Утром Коля взял рюкзак, продукты, одежду Славы (ведь он мало того что без пищи, но в одних трусах) и пошел на розыски. Я продолжал подниматься, а он двинулся по берегу вниз, возвращаясь к тому месту, где Слава сошел с лодки. Если не встретит, сядет на машину (дорога проходит в несколь-

ких сотнях метров от реки), доедет до места, где мы расстались, и опять пойдет по берегу — уже вверх. Во всех случаях я дожидаюсь его в Донском. Ему предстояло шагать 50 км, мне — грести против течения 40 км...

Смеркается. До точки встречи нужно одолеть еще 15 км. К полуночи, может быть, и доберусь! Тело сковывает усталость, каждый километр дается с очень большим трудом. Поглотившая все темнота усиливает тревожное чувство беспокойства за товарищей. Встретились ли? Что со Славой? Ползу на ощупь. Справа надвигается гора. Течение почему-то заметно усиливается. Обнаруживаю, что, как ни налегаю на весла, топчусь на месте. Спрыгиваю в воду, берусь за цепь. (Как потом выяснилось, с Ириклинского водохранилища сбросили воду!)

Через некоторое время далеко впереди высматриваю огонь. Впечатление такое, что горит костер прямо посередине реки. Может, кто-то выехал на рыбалку с подсветом? Нет, костер на косе. Как было бы здорово, если это наши ребята! Вскоре различаю два силуэта. Они! Осунувшийся, искусанный комарами Слава отогревается у огня. Так и есть: чуть не двое суток догоняли друг друга!

Проснулись, когда солнце было высоко над горизонтом. По воде мчатся куски тины, водоросли, уровень ее стал заметно выше: это водохранилище утоляет жажду Оренбурга.

Постепенно горы стали оттеснять степь от реки, местами русло перерезает их. Чаше попадаются плесы. Мы входим в Губерлинские горы. В Новоуральске пополняем запас продуктов.

Ночью шли. Утром, как сговорились, почему-то завели разговор об ухе. При этом лица ребят выражали лукавство. Действительно, уже не один день на реке, а рыбкой не лакомились. Снасти не взяли специально: ловля — дело заразительное, требует обстоятельности, а дорога у нас длинная, время ограничено. Теперь каемся. Каждый вспоминает самую вкусную уху, какую ему приходилось когда-либо отведать, спорим о том, как лучше уху готовить. Коля несколько раз так смачно облизывается, что я не выдерживаю первый: лезу под банку и гордо достаю четыре плотвички и подлещика. На лицах разочарование, но когда, пошарив каждый в своем тайнике, они тоже вытаскивают ночной улов, и я

делаю вид, что ожидал большего. Ночью спящая в камышах рыба, испугавшись удара весла, выскакивала из воды и иногда попадала в лодку. Итого — 16 рыбешек. На обед — чудесная уха!

Встречаем собратьев из многомиллионной армии непосед — туристов. Прямо на нас, уткнувшись широким носом в воду, сплавляется новенький катер. Солнце играет на его холеном корпусе.

— «Мах-4»! — кричит вахтенный и, ловко подтолкнув катер шестом ближе к берегу, бросает якорь.

Знакомимся. Парни с Новотроицкого металлургического комбината во главе с Геннадием Солохой своими силами построили катер и теперь совершают на нем путешествие ни много ни мало — в Прибалтику. С восхищением осматриваем их детище. Впечатление такое, что перед нами выставочный образец. Каюта отделана цветным пластиком. Каждая деталь выполнена со вкусом и мастерством. Но ребята огорчаются — что-то не получилось с установкой мотора от «Жигулей». Делимся опытом прохождения Урала и, пожелав друг другу счастливое плавание, расстаемся.

Когда стемнело, движемся впритирку к левому берегу: справа должна впадать Губерля, так боимся сбиться и залететь в нее. Дождь. Несколько раз натываемся на коряги, садимся на мель. Угломонились часа в три ночи — после очередного удара о что-то. Но к утру, едва посерело небо, Слава тихонько вылезает из «каюты» — его смена — и садится за весла.

Просыпаюсь от людского говора: стоим в узком зато-не, приткнувшись к деревянным мосткам, в окружении нескольких лодок. База Орского союза охотников. Затон этот и оказывается остатками Губерли, которая по карте представлялась рекой «надежной» — полноводной. Зной лета прикончил ее...

На правом берегу показалось большое каменное здание — санаторий. Это значит — до Орска 50 км. К вечеру доберемся! Вот из-за поворота вырывается характерный шум несущегося потока. Мы знаем по карте, что это перекат Гремучий.

Каждый по очереди попробовал на нем свою силу и сноровку: ради интереса мы прошли его несколько раз! Перекат непростой. Река стиснута отвесными берегами, течение очень быстрое. Дно каменистое и гладкое, а глубина порядка полутора метров. Протащить лодку за

цепь не удалось бы ни за что — с ног сбило бы! Одним словом, потренировались.

Попали на большой и широкий плес, обрамленный каменными стенами. В конце его, у кустов, уютно примостилось несколько рыбацких надувнушек.

— Откуда фелюга?

Отвечаем. Рыбаки не верят:

— Однако ж шутники вы, ребята! А как вы все-таки прошли перекат?

— Так и прошли, помахав веслами...

На надувнушках дружно захохотали. Побились мы тогда об заклад, что пройдем у них на глазах!

Вся «кавалькада» сплавилась к перекату. Рыбаки приткнулись к берегу чуть выше, мы спустились ниже. Сели за весла вдвоем (а ведь только что одолевали поток в одиночку), естественно, рубеж был взят, как говорят, с шиком.

По традиции спорили на угощение, но, поскольку на время путешествия на спиртное наложено вето, мы тут же пожелали «туземцам» хорошей рыбалки и погребли дальше. Не тут-то было! Рыбаки взяли нас на абордаж. «Сражение» закончилось тройной ухой.

30 июля прощаемся с Орском и через сутки подходим к плотине Ириклинского водохранилища. Благожелательно настроенный начальник электростанции подал нам тракторную тележку, и «Мах-4» мгновенно оказалась на верхнем бьефе. Впервые за много-много дней перед глазами бескрайний водный простор! К вечеру ветер разогнал свежую волну, так что впечатления были самые морские. А разговоры ириклинских мореходов о том, что до Кваркено мы наверняка сумеем подняться по Суундуку беспрепятственно, прибавляли сил. Однако подпор воды довольно быстро кончился, Суундук вошел в свои берега и стал катастрофически мелеть с каждым километром пути.

— До Кваркено? Может, и проплывете, — уклончиво формулируют свои мысли встречные пастухи. — Правда, уровень упал метра на полтора...

Все оказалось гораздо хуже, чем можно было предполагать: вода местами исчезла. Река превратилась в цепь озер, соединенных мелями, кое-где прикрытыми тонкой пленкой воды. Зловеще торчат камни, все заросло осокой. Что же будет дальше?

Лишь 2 августа кончилась уральская эпопея.

Под ногами выжженная солнцем, потрескавшаяся степь — идем к геологам просить машину. Начальник партии Б. Маргер вошел в положение, выделил на ночь ЗИЛ с полуприцепом. Водитель Коля с готовностью помог погрузить лодку. Поехали! Когда «ездили» по карте, выходило, что перевезти лодку надо до города Бреды на реке Желкуар. Это что-то около 50 км. Засушливое лето заставило удлинить это расстояние втрое: лишь в 80 км от устья этого Желкуара, уже где-то в районе города Джетыгара, мы получили, наконец, возможность спустить «Мах» в воду. Да и то реки не было, был узкий и мелкий ручеек. Местами негде размахнуться веслами!

Говорят, беда не приходит одна. Когда перевозили лодку, плохо закрепили весла. И ветер скинул новую, лучшую пару, которую в основном держали в резерве. Остановившись на встречных «Жигули», возвращаюсь за веслами. Но удается только выяснить, что их «подобрал» самосвал. Непонятно, кому в этом безводном краю понадобились наши весла? К последней паре теперь внимание повышенное. Вырубили хороший шест: мелкие и узкие участки преодолеваем при помощи шеста. Дня не проходит без того, чтобы по нескольку раз не пришлось перетаскивать лодку через запруды. Если впереди деревня, знай: речка обязательно будет перекрыта низкой, глухой плотиной. Все придерживают воду — для скота, для орошения.

Когда мы рвались к Тоболу, наивно полагали, что здесь вздохнем облегченно и будем блаженствовать, спускаясь вниз по течению. Забегая вперед, скажу: последняя мель, на которой сидела лодка (осадка наша 15 см), оказалась всего в 300 км от устья Тобола, а прошли мы по нему около 2000 км...

Ночная работа исключена. С наступлением сумерек приходится устраиваться на ночлег. Теперь понятны слова, сказанные кем-то три года назад: «В истоках Тобол пропадает, проплыть не сможет!» Тогда я думал, что река пропадает буквально — исчезает под землю. Все оказалось проще — местами она почти пересыхает.

Только «обтащили» плотину у города Рудного — новое препятствие: река перегорожена дамбой, вода устремляется через бетонные трубы высотой в рост человека. Гребцы устраивают «Мах-4» еще одну проверку прочности: **не вытаскивая** из лодки снаряжение, перево-

лакивают ее машиной на противоположную сторону дамбы и осторожно спускают с крутой насыпи.

Таких «неожиданностей» и непредвиденных волоков в пути встречалось сотни. И все же навигацию 1975 года экипаж «Мах-4», как и планировал, завершил в Тобольске.

Отсюда Евгений Смургис прислал в Москву пакет с фотографиями и комментариями к ним.

«Вы удивитесь, когда увидите мальчиков на велосипеде. Только что вы вернулись с чемпионата мира по велоспорту из Бельгии, — я в библиотеке просмотрел ваши репортажи в «Правде», — и, наверное, не подозреваете, что на велосипедах можно ездить по ...Тоболу. Да, да, по тому знаменитому Тоболу... В книге «География Тюменской области», вышедшей третьим изданием в Средне-Уральском книжном издательстве в 1972 году, говорится: «Река Тобол, многоводный приток Иртыша, — типичная равнинная река с широко разлитой, затопляемой в период весеннего половодья поймой. Ниже устья реки Туры Тобол судоходен». Когда идешь на лодке по рекам, то убеждаешься, как быстро устаревают книжки. Протяженность Тобола свыше двух тысяч километров. Из них лишь одна восьмая — судоходна. Последняя мель, на которую села даже «Мах-4», встретилась у деревни Суундурово в 60 километрах от впадения Туры в Тобол. Мы сели на мель, хотя осадка подводной части нашей лодки всего 15 сантиметров.

Не могу скрывать: встретившись с Тоболом, мы были поражены его состоянием. В верхнем течении реки не существует: ребяташки по ней на велосипедах катаются. Поросшие камышом, узкие болотистые плесы из-за отсутствия стока воды не имеют между собой связи. В среднем течении Тобол — мелок, захламлен. На дне мы видели почти все — от тракторного двигателя до сенокосилки. Возле города Ялуторовска, давшего когда-то приют ссыльным декабристам, обнаружили тысячи кубометров затопленного леса. Породы его ценные — береза, сосна... На участке от Кустаная до Кургана обратили внимание на такую бесхозяйственность: руководители колхозов и совхозов строят различные плотины, чтобы задержать воду для поливных целей. При этом совершенно не учитываются возможности реки.

Все люди, встреченные нами в пути, с горечью вспоминают те времена, когда Тобол был судоходен до Звериноголовского и выше.

Для сохранения реки требуются экстренные меры...»

И вот такими водными дорогами Смургис и его товарищи привели лодку в Тобольск.

Следующий сезон не позволил напарникам руководителя похода прилететь в Зауралье. Смургис решил продолжить путь в одиночку. Помня о своей «Одиссее» в Каспийском море, он отваживается бросить вызов и Приполярью. 2260 километров по Иртышу, Оби и Обской губе, читай — «морю», отступили перед его мужеством. Северяне были поражены, когда возле мыса Каменный в Заполярье увидели необычную лодку и человека, который пригнал ее на Север, полагаясь только на силу своих рук и несокрушимость характера.

Последние дни похода были особенно тревожными: весельная лодка двигалась в лабиринте микроайсбергов, задевая веслами за звонкие ледяные бока. И как ни сумрачны и робки были осенние краски Заполярья, солнышко, изредка появлявшееся на небе, согревало Евгения Смургиса и давало ему дополнительные силы.

Лишь об одном жалел этот чуткий человек: он не успел увидеть цветение сиверсии — удивительного цветка, живущего до ста пятидесяти лет... Рассказывали ему местные жители, что весной, когда прогревает солнышко, темный куст сиверсии, скрытый под снегом, как бы притягивает лучи и, нагреваясь, растопляет снег вокруг себя. А сверху все же остается тонкая ледяная корочка, как стекло. И под этим «стеклом», словно в парничке, цветет сиверсия. Наверное, ради этого цветка стоит прилететь на Север весной. Но это время года никак не подходит для его маршрута. Льды Арктики в лучшем случае только в июле пропустят его лодку из Обской губы в Карское море и Енисейский залив...

И через год Евгений Павлович плыл один на веслах через Карское море.

Даже люди, хорошо знающие Север, не могут поверить, что в арктических водах и льдах человек в одиночку провел весельную лодку. И не просто провел. За 40 ходовых суток в полярном бассейне Смургис преодолел полторы тысячи верст. Он садился в лодку в 4 часа утра, тащил на своих плечах через ледяные торосы восьмиметровую громадину. Он спал в лодке, прислушиваясь к завываниям полярных волков, он играл «в догонялки» с белым медведем. Он дрейфовал вместе с паковыми льдами. Его дневник, который является удивитель-

ным документом мужества человека, наверное, нужно издать, чтобы молодежь, читая его, могла убедиться: упорству и воле людей предела быть не может.

Приведу выдержки из дневника путешествия 1978 года. Район плавания — мыс Каменный в Обской губе — порт Дудинка на Енисее. Начальник полярной станции Табидяха Юрий Жуковский пишет 24 июля:

«Мах-4» была первым судном, пришедшим на полярную станцию в навигацию этого года. Плавание проходило в условиях сложной ледовой обстановки. Даже не верится, что на лодке можно было пройти от Непалкова до Табидяха по фронту, забитому льдами. Но эти сорок километров другим путем не преодолеешь. А транспорта попутного не было никакого — ни вертолетов, ни ледоколов».

«Мах-4» прибыла на полярную станцию Игарка. Ледовая обстановка очень сложная. Район станции забит плавучими льдами сплоченностью 9—10 баллов, постоянно густой туман, низкая температура воздуха. Начальник полярной станции В. Куренков».

Смургис записывает своей рукой:

«5 августа. Обская губа. 72-й градус северной широты. В 4.00 я на ногах. Кругом, уже ставшие спутниками, туман и холод... Двигаюсь медленно. К девяти часам преодолеваю всего километр. Обед разогреваю прямо на льдине. Лед становится плотным. Кругом пустыня. Изредка пролетают с криком рыбницы. В 18 часов в тупике. Выбираю льдину побольше и затаскиваю на нее лодку. Корпус выталкиваю на одну треть над кромкой льдины. Если начнется торошение или льдина расколется, лодку легче будет спихнуть. Впереди высокий торос. До него 70 метров плотного льда. Аккуратно, с шестом в руках пробираюсь к нему. Взобрался повыше. По курсу никаких перспектив.

Лед движется из Губы со скоростью 10 миль в сутки. Консультировал меня перед отлетом из Москвы начальник Гидрометеобюро Министерства морского флота СССР Юрий Никифорович Синютин. Сегодня будет мой первый ночной дрейф. Посмотрим.

6 августа. 2 часа ночи. Температура воздуха плюс 1,7 градуса. Проснулся от треска. Льдина под лодкой раскололась. На одной ее части оказалась корма, на другой — нос. Вчера мне казалось, что треть лодки я вытолкнул над льдиной. Обманулся. Большая ее часть бы-

ла скрыта водой. Туман плотно окутал все кругом. Видимость 20—30 метров. Дует сильный ветер. Хватаю компас. Все тот же северо-запад. Лед в заметном движении. Вчера остановился напротив высокого берега. Сегодня его нет. Меня несет назад. Вот так десять миль вперед! Снесло за ночь на 400 метров...

16 августа. Мыс Маттесания. Северная точка полуострова Явай в Карском море. В два часа отмерил первые метры на пути к Диксону. Видимость хорошая. Какую ожидать погоду в ближайшие сутки, не знаю, а потому принимаю решение плыть не на северо-восток, а на восток. Северный ветер прижмет меня к мысу Олений. За сутки километров на 30 должно снести. Затем к острову Сибирякова. От его мыса Северный до Диксона мне чуть больше суток хода. Берег постепенно удаляется и скрывается совсем. Временами тучи разрываются и появляется бледное солнце. Кругом только одна вода. Волны умеренные. Уток не видно. Редко пролетит чайка. Даже такая погода меня устраивает. На четвертые сутки я должен причалить к Диксонской земле. За пять часов работы полчаса оторвал для записи в дневнике...

На слегка ломаной линии горизонта обозначился какой-то предмет. Приближаюсь. То, что я увидел, ввело в состояние растерянности, опять разрушало все теперь уже осторожно запрограммированные планы и поставило перед полной неизбежностью. Лед! Опять, какой уже раз — лед! Это злой рок. Он неотступно преследует меня. Лед движется стеной, закрывающей всю линию горизонта. Нечего и думать, чтобы попытаться обогнуть ледовое поле с северо-запада. За исключением двух дней, две недели дует северо-восточный ветер. Фронт льда, надо полагать, огромен. Это уже морской лед. Огромные льдины сомкнулись в плотный строй. Между ними нет разводов, есть только горы торошеного льда. Для меня остается один только путь. Спускаться по кромке льда на юг. Опять пропало солнце, опять прошел туман. Я возвратился в прошлый, казалось бы, ушедший безвозвратно мир Обской губы. Все начинается сначала. Где и когда будет конец?

19 августа. Гыданская губа. 72-й градус северной широты. Очень сильный ветер. Сумрак. Вокруг пляшут большие валы. Стоит гул. Гребу, облитый с ног до головы соленой водой. Хорошо, что предусмотрел гидрокостюм. Так начался день моего рождения. Его приходи-

лось встречать в путешествии на «Мах-4» и в прежние годы. Но чтобы в таких условиях?.. Никогда!

Ветер изменил свое направление. Дует с пролива Олений. С востока. При такой ситуации вперед я не продвинусь. Надо выбрасываться на берег. Все чаще рушится вал, образуя бурлящие, пенистые водяные массы. На море два цвета: белый — пены, грязно-желтый — воды. Мель. Вал стал круче, его стало срывать в лодку. Неожиданно открылся низменный берег. На всю видимость он забит бревнами. Последняя бегущая на берег волна разбивается о них. Нет даже узенькой полоски для причаливания. Пячусь кормой к берегу. Только так можно избежать затопления лодки крутой прибойной волной.

Пристать некуда. Бросаю якорь. Трижды пришлось его выбирать, прежде чем нашел самую удобную позицию в непосредственной близости от берега. Распаковываю спальные мешки и замертво, не раздеваясь, падаю на дно прыгающей на волне лодки. 5 часов утра... Я не спал и не ел уже 27 часов...»

Утром его заметил заведующий факторией Мачуй-Сале Виктор Алабушев. Он помог причалить к берегу, принес еды...

В бортовом журнале после этого дня осталась лишь такая запись: «Мах-4» прибыла на факторию Мачуй-Сале 19 августа в условиях сильного шторма на побережье Карского моря. Заведующий факторией Виктор Алабушев».

«4 сентября. Устье Енисея. Район Воронцово-Байкалово. Разлив 40 километров. Час ночи. Устраиваюсь на ночлег. Волна усилилась. Удержит ли якорь? Если будет дрейфовать, лодку выбросит на камни. Спать ложусь в штанах от гидрокостюма. В случае выброса нужно быть готовым к спасению лодки. В эту ночь так и не мог крепко заснуть. Каждый сильный рывок лодки настораживал. В пять стало несколько тише. Заснул. 7.00. Под тентом необычно светло. Сразу не сообразил, в чем дело. Снег?! Его еще не хватало для полного комплекта сюрпризов. По небу ползут рваные темные тучи. Ветер свежий северо-западного направления. Очень уж неуютно в такую погоду одному в необжитых местах. А впереди еще 400 гребных километров встречной воды...»

12 сентября 1978 года в Дудинском порту закончился восьмой этап трансконтинентального путешествия Смургиса на весельной лодке. Дежурные пограничного

поста с удивлением смотрели на провозимую мимо них на тракторной тележке необычную гребную лодку и недоумевали, как она очутилась в Арктике. А «Мах-4» в этот момент отправлялась на зимнюю квартиру в эллинг морского порта.

Смургис не верил, что все осталось позади, что теперь уже никогда не будет и студеного моря, и двухсоткилометровой ледовой преграды, и штормов северных. И не верилось, что эту огромную лодку он один протащил на своих плечах по льду при подходе к Дудинке. Нансен, путешествуя в полярном бассейне, заметил, что нет труднее пути, чем по дрейфующим льдам, где преодоление торосов утомит любого великана. А ведь Смургис — далеко не великан. Но перед силой его духа отступает любая стихия. Каждое путешествие отнимает у него по 10 килограммов веса. «Но это даже хорошо, — говорит он. — Сохраняю свой «боевой вес», словно и не расставался с рингом, словно дамоклов меч возраста не висит надо мной».

Видавшие самых отважных путешественников дудинские моряки развели руками: «Неужели ты смог с Оби к нам, на Енисей, идти на веслах?» Не верили. Стали листать бортовой журнал. Удивлялись еще больше, глядя на человека, прошедшего по 35 рекам СССР, 21 водохранилищу, по Балтийскому, Черному, Азовскому, Каспийскому и Карскому морям, одолевшему Обскую губу и Енисейский залив. Моряки не поленились сосчитать: Смургис был в пути 244 дня, разделили на одиннадцать лет — все правильно, лесоруб и охотник-промысловик путешествовал только в дни отпусков. И заинтересовались жители Заполярья: «А зачем нужно такое испытание? И что зовет человека в дорогу?»

И был такой дан ответ:

— Чтобы узнать свою страну, увидеть своими глазами. «Истязая» себя морозом, льдом и ветром, чтобы характер проверить, узнать, чего стою в дни испытаний. За сорок дней последнего одиночества я видел такие таинства природы, которые мне и не снились. Я был наедине с природой и ничем не вредил ей, не отравлял воду бензином. Весла — вот мое орудие. Руки — вот мотор. Кто-то скажет: в наш век Ту-144 и «Метеоров», когда в любую точку планеты можно долететь, доплыть, доехать в комфортабельных условиях, неумно тратить силы таким «варварским» способом, становясь рабом лодки...

Отвечу: человек должен знать свою силу, оценить заложенные в нем возможности. Поэтому естественно желание многих людей не только повторить, но превзойти достижения первопроходцев прошлого...»

«Мах-4» оставалась на временной стоянке в Дудинке до 1979 года. А ранней весной, как только потянулись на север гуси, гагары, розовые чайки и белые журавли, охотник-промысловик Смургис отложил ружье и капканы, сел в самолет, сначала — реактивный, затем — поршневой и примчался к своей лодке, своей «бригантине».

Плавание 1978 года убедило Евгения Павловича: одному на Севере ходить рискованно, но как найти попутчиков? Дать объявления в газете?

Смургис вспомнил всех своих напарников — три года он путешествовал с Валерием Лютиковым, в разные годы рядом с ним гребли преподаватель из Актюбинска Виктор Попов, инженеры из Липецка Вячеслав Лыков и Николай Песляк. Им впечатлений одного гребного маршрута хватило на всю жизнь — и детям, теперь и внукам рассказывать будут...

Поход 1979 года предстоял тяжкий: все время против течения Енисея, а река эта широка, как море, и быстра, словно с гор бежит... Мне вспоминается, на атомоходе «Арктика» капитан разговаривал со старпомом: «А где сейчас «Сибирь»?» — «В речку ушла» — это о Енисее, ширина которого в устье около пятидесяти километров: ничего себе, речка...

В Дудинке у Смургиса появился напарник — из Донецка, прослышав о чудо-лодке, прилетел фотогравер Леонид Микула. Познакомились. Смургис посмотрел руки гравера и предупредил: «Задубеют в дороге. Чувствительность пальцев нарушится. Не скажется ли это на вашей будущей работе?» — «Да вроде к физическому труду привычен». — «Мое дело — предупредить», — сказал Смургис.

Из маленького поселочка, не помеченного на генеральных картах, Смургис прислал мне телеграмму: «Среднесибирское плоскогорье тоже не остановило нас. До впадения реки Бахта в Енисей мы прошли за шестнадцать ходовых суток тысячу километров встречной воды, преодолели тринадцать перекатов, протяженностью восемьдесят шесть километров. Намерены финишировать в Енисейске. Экипаж хороший».

Вот и все, что известно о девятом походе, дальностью в тысячу шестьсот километров.

Десятый маршрут пролегал по Енисею и Ангаре до Иркутска — две тысячи километров. Прощел их Евгений Павлович снова в одиночку и все время выгребал против течения. Смургис телеграфировал мне из поселка Орджоникидзе Мотыгинского района: «Путешествие закончено за 29 ходовых суток восемнадцать часов. Преодолено 48 перекатов, восемь шиверов, два порога общей протяженностью 250 км».

Теперь за бортом «Мах-4» осталось 25 800 километров. Плавание Смургиса обрели общественный интерес. Их уже нельзя было замалчивать, но сам герой очень неохотно говорил о своих путешествиях. Правда, сам много писал вечерами, расшифровывая строки записных книжек. Думал ли он о будущей книге? Когда я спросил его об этом и посоветовал не откладывать на дальнюю полку рукописи, Евгений Павлович сказал: «Я плыву по стране не для того, чтобы книги штамповать. Будучи инструктором водного туризма, я полюбил путешествия и стараюсь пропагандировать их своими плаваниями. Хотите вы того или не хотите, но когда гребная весельная лодка плывет среди айсбергов — это растревожит любого скептика и на время пробудит в нем желание и самому собраться в дорогу».

«Я избегаю рекламы, практически отказываю всем телестудиям, которые хотят снять сюжеты о «Мах-4». Знаете, почему? Кто-то когда-то засомневался в искренности моей мечты и, взобравшись на трибуну, сказал приблизительно так:

— Зачем он плывет? Чтобы прославиться! Чтобы о нем книги написали! Вот какие цели он преследует...

Людам, далеким от туризма и спорта, трудно понять, зачем нужно идти в лыжный поход, покорять вершины. Какая неведомая сила гонит всю эту многомиллионную армию — старых и малых — в дебри лесов и на горные кручи?

За что они себя «истязают» пылью, бездорожьем, трудностями?

Скажу: для самоутверждения. Ведь это так важно: проверить себя, свою волю, выносливость, характер, почувствовать силу товарищества. В походе эти качества — как на ладони. Перед испытанием природой каждый сознает себя во сто раз сильнее. Раскрываются раз-

ные стороны человека. В общении с природой человек черпает силы жизни. Это надо прочувствовать. Хотя бы раз. И зря вы жалуете нас, — замечает Смургис, — жалеть надо себя. Вы не карабкались по крутой тропинке над бездонными обрывами, не балансировали с двухпудовыми рюкзаками за спиной на бревнышке, перекинутом через бешеный горный поток, не боролись с водной стихией. Вы не видели таинств природы, не замирали от восторга перед неожиданно открывшимися только для вас чудесными картинами природы. Впрочем, всего не перечислишь. Я вовсе не собираюсь доказывать, что туристы — особая каста людей, подобие йогов. Отправляются в походы и путешествия самые обычные граждане. Но то ли мозоли от походов влияют благотворно, то ли дым костров оказывает особое воздействие, людские характеры заметно меняются в лучшую сторону. И если вам еще не доводилось изведать путешествия, как бы ни было трудно, — решайтесь. Сама жизнь отправляет людей в дорогу. И не только в командировки. У многих стало потребностью путешествовать. Что же касается нас, то достижения на «Мах-4» показывают огромные возможности простейшей народной гребной лодки в оздоровительно-познавательных путешествиях. Лучшего средства для общения с природой, без вреда для нее, трудно придумать.

В старые времена существовала молитва «О плавающих и путешествующих». Сейчас провозглашают тосты за тех, кто в море, за тех, кто в пути. Это почитание смелого и надежда на то, что он невредим вернется домой».

В одиннадцатом походе — сезоне 1981 года — Евгению Смургису, наверное, в первый раз повезло по-настоящему. Его спутником оказался штурман дальнего плавания Василий Иванович Галенко, человек, известный своими походами по всей нашей стране на резиновой лодке.

Галенко путешествует по различным районам Советского Союза, проверяя легенды, версии, снимая фильмы. Действительный член Географического общества СССР, кандидат в мастера спорта по туризму, он за последние одиннадцать лет вместе с женой Татьяной Гончаровой проплыл на шлюпках вокруг Кольского полуострова из Североморска в Кандалакшу. В 1972 году прошел на веслах по своенравной Олекме от ее верховьев до впадения в Лену. Он так ярко написал об этом походе в жур-

нале «Турист», что его маршрут признали, сделали все-союзным и рекомендовали опытным путешественникам. Лето 1973 и 1974 годов Галенко провел на реках Нижняя Тунгуска и Витим, стараясь разобраться в феномене литературной топонимики: почему две реки — Нижняя Тунгуска и Витим — получили второе название «Угрюм-река»? Какую из них имел в виду писатель и гидрограф Вячеслав Шишков, создавая свой бессмертный роман? Каждое путешествие семьи Галенко имело второй смысл — не только пройти трудной дорогой, но и узнать много нового, обогатить историю литературы, географии и даже историю истории.

Когда начинает выглядывать весеннее солнышко, в душе Василия Ивановича Галенко растет беспокойство и пробуждается охота к перемене мест. Ему хочется увидеть что-то интересное. Он всегда полон желания разгадать гипотезы, снять завесы с вековых тайн. В 1975 году Галенко захотел найти точную границу между Европой и Азией в районе пролива Югорский Шар. Галенко взял за исходную точку наиболее логичную предпосылку: считать границу в точке наибольшего сближения острова Вайгач с материком. Он решил установить навигационный знак на границе двух континентов. Во время отпуска с единомышленниками — Татьяной Гончаровой, Юозасом Козлаускасом и Александром Антоненко — они воздвигли на самом дальнем мысу Югорского Шара «пограничный» столб с надписью: «Азия — Европа».

В 1976 году, наверное, единственный раз Галенко позволил себе отвлечься от гипотез и загадок и просто-напросто побродить с женой, киноинженером по профессии, по горам Танья-Шаня. Память о том лете — красивый видовой фильм.

На следующее лето Галенко улетел в Якутию, где собирался пройти по таинственной реке Гонам. Добрались они на вездеходе до этой забытой людьми и богом реки, постояли на берегу и... повернули обратно. Как руководитель экспедиции, Галенко обратил внимание на неуверенные действия водителя вездехода, который первый раз вел машину по болотам. Пока они ехали на Гонам, несколько раз летели «пальцы», соединяющие траки гусениц. Приходилось нырять в болото и забивать новые «пальцы». Один из туристов нырял, второй страховал, а водитель вездехода с ужасом смотрел на них и с отчаянием думал о предстоящей обратной дороге. «Он

ведь один погибнет, — подумал про себя Галенко, — его вездеход утонет в тундре». И он приказал сворачивать лагерь, ехать обратно. Так и пришлось тем летом спустаться по реке Тимптон. «Зато посмотрели места, где пройдет трасса БАМа», — успокаивали себя путешественники.

В 1978 году Василий Галенко, который после 22 лет работы на Севере, перебрался в Керчь, с удовольствием нырял с аквалангом в районе Таманского полуострова, отыскивая с экспедицией Дмитрия Кравченко якоря, сработанные еще до нашей эры...

Все эти годы штурман дальнего плавания Василий Галенко работает над книгами по истории судовождения. Сразу же была раскуплена и стала библиографической редкостью его монография «Курс — Север». Сейчас сдана в набор «Удивительная навигация». А литературным задумкам нет конца...

Семья Галенко — удивительная. Для старших нормальная жизнь — это дороги, открытия, книги. Прожив почти четверть века на Севере и заработав достаточное количество денег, чтобы купить машину или построить дачу, они отказались от автомобиля и «латифундии», как отказались от ковровой и хрустальной романтики, почти все средства вложив в свои путешествия.

Характерная деталь: Василий Иванович не мог жить в Керчи, потому что в ближайших полутьсячах километров не было необходимых архивов и библиотек, где бы он мог раздобыть интересующие его документы. И тогда семья переехала в подмосковный Звенигород: «Рядом — Ленинская библиотека, десятки архивов. Да и до ленинградских тайников всего одна ночь езды...»

В 1980 году Василий Иванович решил «раскопать» историю древнего волока на Таймыре и захотел своими ногами пройти «пространство земли», помеченное на карте Посольского приказа А. А. Винуса около 1689 года как Волочаны, где суда поморов перетаскивались, переволакивались из реки Пясины в бассейн реки Хеты. Проводник Василий Аксенов, всю жизнь проживший в Авамской тундре, спросил Галенко:

— Скажи, Иваныч, зачем тебе этот волок? Конечно, место знаменитое, но все же зачем ты его так шибко изучал?

— Понимаешь, пройти надо.

— Так ходим мы, ходим, что ты! Не веришь нам? С тобой вот прошли, и до тебя было.

— Все верно. Но чтобы написать правдиво, надо пройти самому — таков мой главный принцип в литературной работе...

В последних экспедициях жена не могла сопровождать своего «вечно витающего в загадках» мужа: переезд в Звенигород вызвал массу хозяйственных забот, да и сын Сергей заканчивал школу, требовал усиленного внимания. Поэтому Василию Ивановичу впервые пришлось подыскивать попутчиков. Это было не очень трудным делом. Но вот найти единомышленников, которые бы загорелись твоей идеей, поняли ее и отдали все силы для разгадки очередной тайны, — это дело непростое.

Как моряк и штурман дальнего плавания, знаток навигации и судовождения, Галенко знал, что в XVIII веке подштурман Алексей Пушкарев «с товарищи», как говорили в то время, обошел на лодке весь Байкал и составил на инструментальной основе первую гидрографическую карту уникального озера. Галенко захотелось подробнее узнать об истории открытия озера и написать об этом. Он собрал сотни документов, рассказывающих об истории картирования Байкала и участия моряков в этой работе. Но начать работу над очерками что-то мешало. Что? Галенко признается:

— Знать о том, как делалась карта, и не иметь представления о способе плавания! Выдумывать подробности опасного путешествия? Нет, так не годится. Но где же выход? Побродить по берегу Байкала, сотворив эффект личного участия? Нет, не то. А может, прокатиться на корабле или на моторке? Нет, это бессовестно — плыть по Байкалу на моторке и представлять, что испытывали два века назад Пушкарев и его друзья. Нет, хотелось почувствовать восемнадцатый век! Утлый дощаник, тяжелые весла, изматывающая гребля вдоль крутых берегов «славного моря»! Но едва ли удастся там, на озере, найти гребную лодку. Это я уже знал, когда несколько лет назад с экскурсией приехал в Листвянку, чтобы «из-за угла» взглянуть на сибирское диво... В лучшем случае можно достать тяжелый кунгас у рыбаков в их «мертвый сезон». Но далеко ли уйдешь на нем? И что делать с ним, когда случится несчастье? Кажется, выхода не было... Нужно либо в байдарку садиться, либо... строить нечто близкое к стружку или дощанику, на котором пустился в плавание подштурман. Я метался в догадках, когда услышал, что в том районе вот-вот должен поя-

виться Евгений Смургис, который шел на весельной лодке во Владивосток, и маршрут 1981 года у него должен был пролегать в районе Байкала. Но я не знал, какой путь выберет этот загадочный человек: северный, по Лене, или южный, через Байкал к Амуру?..

Связался с поселком Глубинное в Красноармейском районе Приморского края, где жил Смургис. Путешественник ответил телеграммой: «Лодка в Иркутске, иду через Байкал. Об остальном при встрече в Москве». Вот так просто было написано в телеграмме: «Иду через Байкал». Будто за грибами на тот берег реки...

Потом они встретились в столице. Галенко рассказал о своих походах и признался: «Я везде был руководителем экспедиций, а сейчас мечтаю побыть в роли рядового матроса, гребца, кашевара. На резиновой лодке я прошел на веслах несколько тысяч километров». Смургис уточнил: «Спускались по течению?» Галенко кивнул. «На «резинке» да по течению — это совершенно другая гребля, — сказал Евгений Павлович. — Но мы с вами пойдем через Байкал и против течения Селенги. Километров этак тысяча с гаком...» — «А большой гаком?» — «По карте — двести км, а в жизни и все пятьсот быть могут. Недели три будем работать, если по очереди...»

С первой же встречи бывалый моряк проникся уважением к Смургису, человеку, для которого не существовало трудностей, потому что их заменяла необходимость. Галенко думал о том, что Смургис, взявшись за весла пятнадцать лет назад, невозможное сделал необходимым. По крайней мере для себя. И еще поразило штурмана дальнего плавания отношение Смургиса к трудностям, которых много, когда идешь навстречу течению.

Они встретились в Иркутске. Смургис рассказал о своих порядках в походе и предупредил:

— Характер у меня жесткий, рассчитанный на неслюнтяев. Знакомство у нас не кабинетное. Тысяча двести верст против течения проверят нас. У меня один девиз: намечено — не отступать! Идти будем все время. Отдыхать после финиша. Из путешествия я не хочу делать увеселительную прогулку, рекламу. Поэтому все специальные кино- и телевизионные съемки исключены. Если хотим быть мужчинами, то надо ими быть.

Позднее Василий Иванович, более старший по возрасту и опыту плавания по океанам, морям и рекам, признался:

— У меня было впечатление, что Смургис хотел сделать из меня «отбивную». Я понимал: первые дни нельзя было и пикнуть. Терпеть, терпеть и терпеть!.. В новый экипаж со своим уставом не приходят... А вот если перетерплю, то капитан раздобрееет...

О подробностях одиннадцатого гребного марафона Евгения Смургиса рассказывает его напарник Василий Галенко:

— Давно осталась позади плотина Иркутской ГЭС. Ангара, а точнее, Иркутское водохранилище разливалось перед нами все шире и шире. Прижавшись к правобережью, мы плыли у глинистых заиленных берегов, где торчали полусгнившие деревья. Вдоль уреза тянулись кущи берез, перемежавшихся с темной зеленью сосен и кедров, они оживляли пейзаж и манили к себе, но, подходя к берегу, мы снова натывались на черные топляки и мутную зеленоватую воду.

— Надо идти к левому, там, кажется, есть осыпи,— Смургис всматривается в обрывистый левый берег. Весла ушли под борт, лодка развернулась, и яркое, слепящее солнце высветило атлетическую фигуру Евгения.— Пожалуй, самое время искупаться, а ты заступай на вахту.

— А как же купание в Байкале!

— А разве здесь не байкальская вода? Да и будет ли там так жарко?..— И Женя, словно освобождая место гребца, исчез за бортом, но через минуту сидел на крыше кокпита и тянулся к термометру в нише чуть пониже ватерлинии.

— Плюс одиннадцать. Но надо.— Похожий на команду призыв означал ускорить ритуал погружения...

Левый берег, густо поросший леском, притягивал уютными бухтами.

— Здесь и станем.— Женя поднялся, высматривая проход. Нос лодки ткнулся в песок. Через две минуты, потрескивая и скручиваясь, густо задымила береста под щепками из сосны. Потом я приладил над костром два еще не закопченных котелка и наконец взглянул на Ангару, неслышно уносящую байкальскую воду. Солнце, покинувшее нашу гавань, сверкало на воде, но борт лодки уже подсвечивался пламенем костра. Я оглянулся и только теперь понял, что бухта наша в глубоком ущелье.

— Ну что ж, открытие одиннадцатого сезона состоя-

лось, и по традиции первые сутки пойдём без остановок.

— А как же ночь?

— Ты сам рассчитал, что луна появится в полночь. Вот при луне и двинемся дальше. Сколько у нас варева?

— Варева хватит, — отвечаю я, прикидывая, что завтра к полудню будем в истоке Ангары. И добавляю:— Восемьдесят километров за два дня — неплохо.

— Дальше будет хуже. — Женья взял мою правую ладонь и посмотрел на набухшие бугры мозолей.

И мне представилась карта перехода, тщательно вычерченная еще в Москве. Одиннадцатый маршрут Смургиса выглядел так: от Иркутска по Ангаре, Байкалу и Селенге. Затем — переход в правый приток Селенги — Хилок и плавание по нему до города того же названия. Всего около тысячи километров. Но каких! За исключением 120 километров по Байкалу и «тихих» участков Иркутского водохранилища весь путь — против течения. А Селенга полноводна и коварна, да и Хилок знаменит своими мелями и меандрами... Но путь этот испытанный и пройденный до нас. Таким маршрутом впервые прошли казаки Петра Бекетова «с товарищи» в 1652—1653 годах.

Тогда казаки одолели это расстояние за семнадцать недель.

Составляя маршрут и график движения, Смургис и Галенко с уважением оглядывались на предков и постоянно помнили о том, что были они хорошими гребцами, умели бурлачить и волочить суда.

— Мы тоже это умели, — продолжает Галенко. — Но над ними не довлел технический прогресс и они «вкалывали», не оглядываясь и не соизмеряя свой ход с бегом моторок, поездов или автомобилей. А Смургис, похоже, соизмерял — и наш поход обещал стать настоящей гонкой, в которой мы не собирались считаться с временем суток, погодой, капризами половодья или обмеления...

Молодой матрос со спасательной станции на реке Иркут Саша Рудевский спросил Смургиса:

— Можно я попробую грести до моста?

Саша — страстный поклонник моторного плавания. И они спорили со Смургисом о преимуществах моторных и гребных судов. Смургис кривился: «Моторы с десятками «лошадей», синяя гарь выхлопов и дикий рев заполнили многие наши реки. Состязания по скоростному сжиганию топлива и распугиванию всего живого на во-

доемах — так я это называю...» После спора матрос и попросился в лодку Смургиса.

— Давай, садись, — сказал командор, — но только не пищать! Будем идти до городского моста часа два.

Лодка в Ангаре. Слева набережная Иркутска, а впереди путь против течения к плотине Иркутской ГЭС. Вот и мост. Короткое прощание. Саша доволен, и хоть смущен крупными водяными мозолями на руках, смеется:

— Вот не ожидал, вроде не белоручка.

— Ничего, привыкай. Мотор заглохнет — пригодится. А мозоли заживут. — Смургис треплет Сашино плечо: — Весло — это надежно, удобно и выгодно.

— Ага, да, — чисто по-сибирски приговаривает Саша. — Это выгодно. Вот и с вами прошел, считай, семь литров бензина сэкономил...

Гранитный берег повис над путешественниками, поросший кое-где по расщелинам хилыми березками. Иногда попадались витиевато выложенные каменные трубы водосточков и старые рельсы на редких осыпях — следы Кругоморской железной дороги начала века. Ради этого Кругоморья и следовало приплыть сюда — катером все равно не доберешься...

— Вот и приехали, — сказал Смургис и сел за весла, а Галенко стал готовить фотоаппарат. Лодка шла к Шаману. Евгений Павлович наваливался на весла. «Мах-4» была всего в километре от истока, поражающего своей мощностью: каждую секунду на глазах путешественников Байкал покидало почти две тысячи кубометров воды.

— На пути этого грандиозного вала некогда был мощный порог, от которого теперь осталось два обломка, — говорит Галенко. — Это и есть Шаманский камень. На него, по преданию, буряты в старину высаживали преступников, чтобы помочь им раскаяться.

— Ничего особенного, — Евгений перегибает течение с завидной легкостью.

— Пошли к берегу, — говорит Галенко, видя, как надвигается мыс у истока Ангары. На нем — ухоженный участок шоссе, туристские автобусы и фонари на высоких столбах.

Смургис просит своего товарища подняться к метеостанции «Листвянка» и взять прогноз погоды: «С Байкалом шутки плохи». Получив прогноз, штурман спустился вниз и протянул листок бумаги командору.

— Прочти сам.

Смургис уже приготовился сделать первый гребок по Байкалу. И Галенко стало ясно: чтобы сейчас ни услышал этот смельчак, он обязательно сядет за весла.

— Прогноз погоды от Байкал-метео, средняя и южная часть. С 15 до 20 часов 4 августа. Ветер северо-восточный, 6—9 метров в секунду, в Голоуственном до 10—11. Высота волны до одного метра; на востоке до полутора метров, зыбь.

— Неплохо, но тент придется соорудить, — Смургис поднял голову. — Дождь будет, — и он сделал тот самый байкальский гребок, который Галенко подстерегал с фотокамерой в руках.

— В мою первую вахту на озере лодку накрыл дождь, — вспоминает Галенко. — Тучи спустились с гор, и я едва успел накинуть капюшон рыбацкой штормовки, как послышался удар грома, а следом неутихающий шум водяного потока. Только шлепки весел да скрип сиденья говорили о движении вперед. Потом темень от туч, сбегаящих с гор, слилась с чернотой ночи. Смургис, сменив меня в один из немногих просветов в потоке дождя, греб бесконечно долго, и где-то в третьем часу ночи, наконец, загремела якорь-цепь и мы, похоже, прикнулись к галечной косе...

Так они пересекали «священное море». В поселке Голоустное не было связи, и друзья не смогли получить прогноза погоды. На почте говорили, что к вечеру телефон починят и тогда можно будет дозвониться и узнать сводку, но Смургис махнул рукой: «У нас отпуска короткие. Отдыхать некогда...»

— Сегодня ночью форсируем Байкал, остановимся перед бухтой Песчаной. — Евгений озабоченно посмотрел на карту и на небо. — Не нравится мне эта перемена погоды, надо спешить.

А потом наступил момент, когда в сгущающихся сумерках темным камнем, похожим на колокол, выдала себя бухта Песчаная. Левее «колокола» — россыпь огней.

— Вот по ним и придется ориентироваться. — Смургис укладывает инструмент.

Во все времена Байкал пересекали днем и ориентировались по берегам, которые видны на сто с лишним километров. Ночью даже обычные огни поселка видны за десять-пятнадцать километров. Вот лишь в тумане хочешь не хочешь надо смотреть или на небо, если видны звезды, или на компас.

Маленький школьный компас на борту «Мах-4» был на месте.

— Очертания берега пропали уже через полчаса,— говорит Галенко. — Я включаю фонарь и отмечаю время: 01.20. Ощущаю толчки сердца и всматриваюсь вперед, различаю слабые точки огней. Евгений словно почувствовал мое состояние, поднял весла, и я услышал, как с лопастей стекает вода.

— Ты чего?

— Буксирные огни прямо по курсу,— Галенко докладывал, как заправский впередсмотрящий.

— Похоже, плоты гонят в Голоустное.— Евгений опускает весла в воду. Потом поднимает голову: ищет Полярную звезду.

Через два часа командора на месте гребца сменяет штурман.

— По-прежнему курс ост,— пытается острить Смургис. — Да ты, я вижу, не спал.

— Не спал,— признался Галенко.

— В космонавты тебя не возьмут,— Смургис прячет-ся под навесом.— Больше правым гребни, нос к ветру приводится: что-то от Селенги тянет ветерок.

Ровно через два часа легкий ветерок окреп, и Смургис, проснувшись, пропел:

— Эй, баргузин, пошевеливай вал...

— Накличешь ты верховик,— Галенко спрятался под навес, чтобы отдохнуть в этом единственном сухом месте на лодке.

Утром, около семи часов, в дымке возникли очертания дальних гор, а близкого берега не было и в помине. Волны хлестали по навесу, перекатываясь на другой борт. А в открытой части Смургис крышкой от большого термоса выливал воду.

— Где берег?

— Берег вот он, рядом. Только в сор мы попали.

— Справа я различил низкие глинистые берега и обрадовался им больше, чем следовало,— Галенко иронически улыбается. — Сразу вспомнил Спафария: «Где Селенга и впадает в море устьем, оно насилу познается только по картам, потому что везде озера да болота до самой материшной земли. Потому без вожа сыскать устье Селенги реки зело трудно...» Пугает нас Спафарий, как и все, кого мы накануне встречали. Лихие моторки, как правило, стопорили ход, люди здоровались,

некоторые узнавали «Мах-4». «Через Байкал? Без мотора? Опасно! Баргузин! Верховик! Ангара!» — только и слышали явно смакуемые названия местных ветров...

А теперь все позади. Шли мы, как говорили раньше, увстречь байкальского ветра...

Я ощутил касание грунта и выскочил, чтобы бурлачить. Кажется, часов шесть мы бродили среди бесчисленных проток, натываясь на копны сена среди безлюдных, залитых водой луговин. Тащились, раздвигая камни, бросали щепы, пытаюсь уловить движение воды. Наконец, узкая извилистая полоса воды привела нас к протоке, где течение было быстрым.

Я сидел на корме и обрадованно рассматривал признаки близкого жилья. Наблюдая, как Евгений сражается с течением, прикинул, что двести километров мы наверняка прошли. Какая-то тысяча впереди. Я незаметно и со стыдом (только начали, а ты уже о доме!) подумал: как хорошо, когда у тебя есть дом, место, где проводишь большую и, может, самую лучшую часть жизни. И невольно с тысячей оставшихся километров я связывал те двадцать дней, которые отделяют меня от дома.

— Да ты ложись, поспи, чего мучаешься, — Евгений толкнул меня.

Я и в самом деле, наверное, задремал. В этот раз я не медлил, как обычно, оттягивая минуты расставания с миром, который за столько верст пришел познавать. Селенга усыпила меня мгновенно. Я лишь успел повторить про себя фразу, которую надо было записать в дневник: «пересекая Байкал, держали Полярную на траверзе левого борта...»

Сейчас за кормой «Мах-4» осталось 27 тысяч километров, 37 крупных рек, 31 озеро, в том числе и «славное море, священный Байкал», Балтийское, Черное, Азовское, Каспийское и Карское моря. Теперь до конечной цели путешествия — Владивостока — осталось уж не так и много... А чудо-лодка, выдерживая все испытания, отдыхает зимой в небольшом городке Хилок и не предполагает, что ей уже готовится почетное место среди экспонатов приморского музея имени В. К. Арсеньева...

Спутники расстались, удовлетворенные совместной дорогой. Галенко, улетая в Москву, был счастлив: он теперь понял, какие можно найти слова, чтобы описать историю картирования Байкала подштурманом Пушкаревым. Смургис, обычно молчаливый и замкнутый, на этот

раз дал волю чувствам: «Жаль, что в будущем наши пути не сойдутся. Тебя привлекает старинный путь казаков из Якутска в Охотск и Аян, ты хочешь рассказать, как на Дальний Восток шли первопроходцы в те времена, когда еще не был открыт Амур. Тогда крупнейшим портом России на Востоке был Охотск. Сюда труднейшими сухопутными дорогами добирались моряки... Тебе, моряку и историку, можно написать о них, даже не побывав в этих краях, но я убедился: ты — человек другого склада. Жаль, что пути наши расходятся... Мне в будущем плыть по Амуру-батюшке рядом со стадами моторок и байдарок. Но я дойду до Тихого океана. А там...»

Совместное плавание со Смургисом заставило Галенко еще раз задуматься о нравственном смысле любого путешествия. Дорога вынуждает человека честно-испытать свои возможности: на что ты способен и способен ли вообще? В пути на каждом шагу случаются трудности. А как сталкиваешься с неожиданностью, так в голове, где-то в подсознании, рождается трусливая мыслишка: «А может, не надо рваться изо всех сил? Благоразумнее свернуть, бросить, закончить, сделать перерыв... Никто ведь не упрекнет тебя, не осудит, не «вызовет на ковер». Но внутри каждого из нас есть нечто сокровенное, что заставляет человека бороться со своими слабостями... И тогда человек преодолевает себя, хотя и понимает, что никто не требует от него никаких рекордов, ведь плывешь-то по зову сердца и идешь вовсе не ради рекордов...

Одного мудреца спросили: для чего существует море? Он ответил: рыбам — плавать, птицам — летать, людям — ходить. Сколько себя помнят, люди всегда ходили по морю: за новыми землями, за товарами, кто-то, правда, и за жемчугом, но всегда были такие чудачки, что ходили просто потому, что не могли не ходить. Были среди них и те, кто любил ходить вровень с волнами, заглядывая им в глаза... И среди этих людей и наш герой — Смургис. Он отмерил веслом 27 тысяч нелегких километров, пятнадцать лет плывя к своей мечте на «тоненькой дощечке»...

С МЕТЕЛЯМИ НА «ТЫ»

С «Метелицей» — женским отрядом лыжниц и путешественниц (чуть-чуть не написал «клубом») — любители спорта нашей страны познакомились в декабре 1966 года, когда шесть молодых спортсменок прошли от Москвы до Ленинграда за семь с половиной суток. Был потом еще один тренировочный переход — 400 километров от Москвы до Смоленска. В этом сверхмарафоне проверялась команда единомышленниц, способных справиться с труднейшей задачей: накануне 100-летия со дня рождения Владимира Ильича Ленина совершить сверхдальний переход по ленинским местам Финляндии. Лыжницам предстояло пройти на лыжах 2600 километров. Взяв старт в московском парке «Сокольники», где так любил отдыхать Ильич, бесстрашные спортсменки за 33 дня добрались до Торнио. Таким образом, они установили своеобразный женский мировой рекорд. Это было началом биографии «Метелицы».

Пятнадцать лет назад лыжницы еще не знали, что трудные и манящие походы займут в их жизни такое важное место, что каждый день теперь будет начинаться с часовой зарядки, а неделя кончаться 50-километровым походом по Подмоскovie, что мужья, дети, родители, даже бабушки и дедушки, а позднее — и внуки, словом, все близкие станут жить их планами, маршрутами, которые выбирает на земном шаре «Метелица». Красивое русское слово. «Кому в голову пришла мысль именно так назвать группу лыжниц?» — об этом спрашиваю бесстрашного капитана команды Валентину Кузнецову, мастера спорта по лыжам, авиационного инженера по образованию, тренера-методиста по призванию.

— Начинать надо с того момента, как родилась идея создания коллектива, — говорит Валентина Михайлов-

на. — Пятнадцать лет назад мы, мастера спорта города Москвы, подтвердив на соревнованиях свои звания, вдруг задумались: «А что дальше в спорте? В сборную страны, скажем честно, не попадаем... Возраст уже переходный, да и детишки держат. По четыре часа в день уже не потренируешься. Но и спорт бросать нельзя. Я всегда завидовала тем женщинам, у которых все везде получается — и на производстве, и в общественной деятельности, и в спорте, и в семье. Правда, иногда у меня закрадывалось сомнение: «А уж не приукрашиваем ли мы? Не создаем ли идеальный образ нашей современницы? Не подгоняем ли задачу под ответ?» У меня всегда что-то страдало. Учеба в авиационном институте и лыжные состязания еще как-то сопрягались, но вот... родилась дочка — и «прощай скорость!». Семь лет на гонки не выходила. Потом, правда, выполнила норму мастера, но...

Как-то муж прочитал в газете, что мужчины-лыжники МВТУ прошли от Москвы до Ленинграда за шесть с половиной суток.

— Интересно, а мы бы от них отстали? — спросила я.

Вслух спросила. А муж — сам хороший лыжник — рассмеялся:

— Вы после первых двухсот километров сойдете... А уж после трехсот вас точно на «скорой помощи» увезут.

— А если нет?

Ударили по рукам.

Вместе со своими подругами-лыжницами по сборной нашего района мы продумали маршрут и стали тренироваться. Вера Ивановна Рагозкина и Вера Васильевна Кравченко поверили в наши возможности, и мы составили график на семь с половиной суток.

Теперь после трудового дня — а работали девушки на разных московских заводах — они торопились в Покровское-Глебово, где в маленьком лесочке располагилась уютная и гостеприимная лыжная база «Труда». Готовились к походу несколько месяцев. Оставляли маленьких детей на бабушек и дедушек. Мужья, еще не поверив окончательно в серьезность намерений своих подруг, согласились потерпеть и научились не только заваривать чай и бросать в кипяток пельмени, но и готовить щи, жаркое, печь пирожное.

Отпуска на предприятиях удалось взять. Оформили

документы 21 декабря, а на следующее утро в 10 часов утра стартовали со стадиона Юных пионеров.

Сейчас даже немыслимо представить лыжного старта из центра города, но зима 1966 года была суровой и снежной. Дорожные службы не справлялись с сугробами, и девушки воспользовались этим обстоятельством. Не было никаких митингов, напутственных слов. Лишь транспарант «Скоростной лыжный переход Москва — Ленинград в честь 50-летия Советской власти и 25-летия разгрома немцев под Москвой» напоминал о том, что на стадионе дается старт отнюдь не рядовому состязанию...

Девушек ждали 728 километров. Причем не укатанной лыжни, а обочин шоссе, вылизанных бульдозерами и кое-где присыпанных песком. Каждый день нужно было преодолевать не меньше 95 километров. И так — больше семи суток. Перед стартом Валя Курепкина сказала сквозь слезы: «А у нас сегодня ночью дом сгорел». Девушки так и присели: «Весь-весь?» — «Еле успели выбежать...» Подруги замолчали. Все они отлично знали этот небольшой домик в Покровском-Стрешневе: сколько раз команда приезжала к Курепкиным. Переодевались в гостеприимной семье и убегали на лыжню. Тренировались часов по шесть, а возвращались в дом — и их встречали горячий борщ, солянка, разваристая картошка, квас... И вот — этого дома нет...

— Перенесем поход на следующий год? — спросила Валентина Кузнецова.

— Зачем? Лыжи у меня не сгорели — они в сарае стояли, — ответила Валя Курепкина, — а помочь родным я сейчас ничем не могу. Для меня даже лучше уйти в дорогу, чтобы не думать ни о чем...

Биографию «Метелицы» начинали шестеро: Валентина Кузнецова — капитан, Анна Юрьева — самая старшая в команде, мастер спорта, ей было тогда 36 лет, работницы 2-го Московского часового завода Альбина Лунева и Эмма Лебедева, Валентина Курепкина и Татьяна Корнеева. Шестеро, конечно, во многом разных людей, они шли, связанные общей целью. Кроме заряда молодости и страстного желания заявить о себе, у них ничего не было — ни хорошего инвентаря, ни опыта дальних походов. Они шли по 9—10 часов каждый день. Со стороны на них никто не обращал внимания — лыжницы и лыжницы... Но транспарант со словами «Москва — Ле-

нинград» вызывал уважение: люди останавливались у шоссе и смотрели вслед смелым спортсменкам, кричали им вдогонку слова одобрения. Уже ближе к финишу — под самым Ленинградом — их стали встречать на дороге цветами...

Но до этого была еще целая неделя. И какая неделя! Неделя, решавшая самое главное — быть команде или не быть! В первый день девушки осилили 90 километров. Когда врач осмотрел в Клину их ноги, то предложил прекратить пробег: у всех были кровавые мозоли.

На следующий день девушки финишировали в Калининине — последние тридцать километров они шли, словно в тумане, отстаивая каждый метр дистанции. Задорные были, отступить не умели. Решили еще на ста километрах проверить себя — не увезет «скорая помощь», тогда уже полегче будет. Их излечила и поставила на ноги красота Валдая. Подъемы, спуски, озера и сосновые леса — чудо, пришедшее из русских сказок. Они шли и только восхищались: «Смотрите, это ведь что-то неземное!..» Так незаметно из преодоления трудностей и внутреннего сопротивления стало складываться их общее «я». Наверное, те первые триста километров и были самыми нелегкими за последующие пятнадцать лет.

Сопровождавший «Метелицу» мастер спорта Анатолий Коршунов свидетельствует:

— За все дни ни одна из них ни разу не пожаловалась. Ни одна не сказала, что ей трудно. Наоборот, каждая старалась изо всех сил показать, что ей совсем нетрудно, и таким образом подбодрить других. Я ни разу не видел, чтобы хоть одна из них поставила подруг в зависимость от своих личных интересов или своего настроения. И то и другое они умели глубоко прятать в себе, чтобы не повредить общей цели. И они оказались очень принципиальными в достижении этой цели. Даже щепетильными. Однажды за Новгородом, когда после ночлега они ехали в автобусе к месту, где окончили вчера маршрут, один товарищ предложил им проехать чуть дальше — за мост, который лежал впереди. Этот мост был совсем очищен от снега. И разговор шел о каких-то «сэкономленных» пятистах метрах. Тем более что за день до этого они сделали трехкилометровый крюк, когда заходили в Валдай. Я думаю, что и судья не возражал бы против того, чтобы проехать мост. Но предложение было встречено презрительным молчанием. Они начали

путь точно оттуда, где остановились вчера, и к таким разговорам больше никто никогда не возвращался.

Что было запомнившегося в том первом походе?

Все осталось в памяти. И первые два дня от Москвы до Калинина под аккомпанемент пурги и метели. Не тогда ли родилось и название отряда — «Метелица»? А потом были тридцать километров от Выползова до Валдая по дороге, посыпанной солью. А сто два километра, пройденные в предпоследний день от Новгорода до Любани? Это ведь больше, чем любая сверхмарафонская гонка на мужском чемпионате страны...

728 километров — это не олимпийская дистанция. Она длинновата даже для марафонцев. Теперь уж не надо скрывать того факта, что многие руководители и тренеры сомневались в успехе, решительно мешали переходу, и их успокоило лишь твердое и принципиальное заявление капитана команды Валентины Кузнецовой: «Мы идем в дни своих отпусков. Мы не ставим никаких рекламных целей, кроме одной, — хотим доказать сами себе: никакие расстояния женщинам, тренировавшимся по специальной программе, не страшны. По всей трассе мы договорились с врачами о медицинском контроле, поэтому никакой самодеятельности не допустим...»

И хотя многие считали, что женщинам не нужно идти так далеко и с такими скоростями, они пошли! И дошли! Над этим фактом теперь предстояло многим задуматься.

Спорт многогранен. Он позволяет человеку в полной мере раскрыть свои физические и моральные возможности. Одни люди тратят годы на то, чтобы, может быть, раз в жизни под одобрительный рев трибун пересечь линию финиша на долю секунды раньше, чем предшественники. Не спорим, для этого нужно мужество. Но какое же мужество требовалось тем, кто семь с половиной суток шел вдоль шоссе, без зрителей и без аплодисментов, доказывая возможность задуманного, работая на мечту, утверждая таким образом свое «я».

Когда девушки дошли до Ленинграда, одолев 728 километров, им стало грустно: «Неужто все кончилось? И в жизни никогда не будет походов, ветров, сомнений, метелей?» Будут, обязательно будут! И в жизни, и в спорте! Но с метелями мы на «ты». Кто это — мы? «Метелица» — так пришло название отряда. Естественно, отряда сугубо женского.

Попробуем нарисовать обобщенный портрет «Метелицы»:

— Милая и симпатичная женщина. Идя в поход по арктическим островам, она кладет в рюкзак палатку, спальный мешок, примус, запас продуктов и... модное платье. А одна из путешественниц обязательно берет набор косметики. Зачем? Сознание того, что она красива, помогает женщине одолеть любую дорогу. Но мы отвлеклись... Средний возраст — 32 года. Не удивляйтесь, еще пять лет назад средний возраст был 35 лет. Ветераны, к сожалению, прибавляют года, а вот команда молодеет — в последнее время к ним влилась большая группа молодежи — их дочери. Средний рост — 165 см, вес (опять-таки средний) — 65 кг. Спортивное звание — мастер спорта по лыжам, альпинизму, туризму, радиоспорту. Образование высшее (техничко-медико-гуманитарное).

На счету «Метелицы» — мы уже упоминали — ряд примечательных сверхдальних переходов. Самым главным из них можно назвать маршрут, подсказанный сердцем, — Москва — Ленинград — Лахти — Хельсинки — Турку — Тампере — Лапуа — Калайоки — Торнио. Если до государственной границы СССР и Финляндии девушки прошли 913 километров, то по городам и поселкам, связанным с жизнью и деятельностью В. И. Ленина в Финляндии, спортсменки преодолели 1687 километров.

Она и сейчас перед их глазами — белая, нескончаемая, убегающая вдаль лыжня. Стоит только закрыть глаза — и каждая из лыжниц увидит в белом безмолвии и себя, и своих четырех подруг, и дорогу без финиша — от зари до глубокой ночи. Порой им кажется, что ничего этого не было, этих нескончаемых 2600 километров, — разве мыслимо их преодолеть за месяц? Но они их прошли!

В доме Валентины Кузнецовой на бульваре Яниса Райниса стоят в коридоре зачехленные, наполовину истертые лыжи «Ярвинес». Это — вторая пара. Первой едва хватило на 700 километров до Ленинграда. А вот вязаные варежки — их протянула капитану команды какая-то пожилая финская женщина в приполярном Оулу. Она пожалела, очевидно, девушек, идущих навстречу морозам и метелям. Капитан «Метелицы», из которой в дни походов слова жалости не выжмешь, вдруг чуть не расплакалась: она подумала, что, наверное, бабушки на всей земле одинаковые (в годы Великой Отечественной войны наши русские старушки вот так же стояли в темных платках у дорог, протягивая связанные ночами ва-

режки безусым солдатам, уходящим на передовую).

А вот коллекция медалей. Самая редкая из них — «Большая лахтинская». Она ежегодно вручается лучшему атлету города Лахти и еще тем финским спортсменам, которые попадают в число шести первых на олимпиадах. Переход «Метелицы» финны расценили так же высоко и наградили советских путешественниц медалями.

Сверхмарафон Москва — Финляндия готовился два года. Эта страна была выбрана не случайно. Вождь русской революции неоднократно бывал в Финляндии — в 1905, 1906, 1907, 1917 годах. Здесь он руководил работой ряда конференций РСДРП, инструктировал активистов партии, много работал над теоретическими произведениями. Именно из Финляндии Ленин выехал в октябре 1917 года в Россию, чтобы возглавить Великую Октябрьскую социалистическую революцию. Наконец, 31 декабря 1917 года Ленин подписал постановление Совета Народных Комиссаров РСФСР, которым Советская Россия первой из всех государств мира признала независимость Финляндской Республики.

Идея пройти по всем местам, где работал величайший мыслитель XX века, теоретик и практик коммунизма, была замечательной. Но право на организацию похода нужно было доказать. И капитан «Метелицы» Кузнецова стала формировать команду. По разным причинам первопроходцы команды, участвовавшие в переходе Москва — Ленинград, не смогли стартовать в 1969 году. Необходимо было в суровых условиях проверить новых лыжниц. В 1968 году Кузнецова провела своих подруг по очень плохой — разбитой, расхлябанной, мокроватой — лыжне от Москвы до Смоленска. Капитан команды понимала: недостаточно включить в коллектив только сильных лыжниц. Необходимо подобрать людей, среди которых полностью исключался фактор психологической несовместимости. Кузнецова знала по собственному опыту: когда нервы и физические силы путешественниц на пределе в течение полутора месяцев, любая мелочь во взаимоотношениях может вырасти в целую проблему. Как отобрать из двух десятков равноценных претенденток шестерых — стойких, мужественных, дисциплинированных, готовых все свои стремления подчинить воле коллектива? И еще хотелось, чтобы все девушки вписывались в общественный портрет «Метелицы»: «Милая и симпатичная... веселая...»

«Метелица» — команда самодеятельная. Здесь все решалось коллективно. Общим голосованием выбирался и состав для очередного похода. Каждая из лыжниц писала свой вариант, потом подсчитывались голоса и объявлялось общее мнение. Причем деньги в организацию похода вносили все спортсменки, независимо от того, почастливится ли им на этот раз быть в авангардной группе или придется остаться в роли наблюдательниц.

Итак, в пятерку 1969 года попали: Татьяна Дьяконова, Антонина Егорова, Надежда Кузина, Светлана Александрова и, конечно, Валентина Кузнецова.

Коротко о каждой из них. Дьяконовой — выпускнице авиационного института — было тогда 25 лет. Мастер спорта по лыжам. Хрупкая на вид, темноволосая девушка с приятным лицом, она не производила впечатления сильной. Финны удивлялись, как это она может проходить в день по 90—100 километров. Но подружки знали, каким терпением и мужеством обладает Татьяна. Однажды во время тренировки с ней произошел такой случай. Путешественницы, заранее приучая ноги к мозолям, без которых не обойтись в походе на две с лишним тысячи километров, много бегали босиком. К началу осени твердости и невосприимчивости их подошв, вероятно, вполне могли позавидовать австралийские аборигены. И вот как-то Таня Дьяконова наступила на значок, не заметила, как он вонзился ей в пятку, и убежала на тренировку. Когда вернулась, то почти весь значок стерся. «И ты ничего не заметила?» — допытывались у Татьяны подружки. «Вначале было больно,— отвечала она,— а потом... потерпела немного, привыкла к боли, перестала замечать ее...»

Антонина Егорова — помощник капитана, инженер. Вместе с Кузнецовой она закончила МАИ. Мастер спорта по лыжам. «Человек-плечо» — так можно сказать о ней. Она тверда характером, надежна в любой ситуации, физически крепка и вынослива, рассудительна и смела. В «Метелице» ее называют «министром финансов» — все щекотливые, деликатные и тонкие дела она ведет четко и безошибочно.

Мастер спорта Надя Кузина училась в тот год на вечернем отделении Московского инженерно-строительного института. Днем работала на стройке, вечером занималась, а приходя домой около полуночи, выбегала на тренировку. Она очень хотела попасть в команду и боялась

подвести подруг. Веселый, со всеми уживчивый человек, всегда в хорошем настроении, старательная, трудолюбивая, хоть и была в свои 23 года самой молодой в команде, но удачно дополняла коллектив.

Мастер спорта Светлана Александрова — техник из объединенного института ядерных исследований в Дубне, была выбрана комсоргом команды. Невысокая, живая, как ртуть, она любила петь и танцевать. Даже по лыжне частенько шла с песней. Светлана стала первой «киногородней» в московской «Метелице»...

По внутреннему конкурсу в команду попали Галина Харламова, Ольга Тарасова и Галина Попова. Они прошли полный цикл тренировок, но при заключительном обследовании врач не дал девушкам «добро» на долгую и опасную дорогу. Как трудно было им, троим, прощаться с подругами,— этого не выразить словами. Галя Харламова, мастер спорта по лыжам, врач, окончившая плюско всему еще и институт физкультуры, долго не могла смириться с мыслью, что ей нельзя идти в поход. Она все равно взяла отпуск на работе, проводила подруг до финской границы, в дороге готовила девушкам обеды, вечерами проверяла их функциональные данные, вела медицинский дневник похода на 900 километров, помогала всем, чем могла. Наверное, не всякая мать или сестра сделает для близких столько, сколько делала для своих счастливых подруг Харламова. А вот ночью, когда девушки, измученные дорогой, спали, «неудачница» не могла сомкнуть глаз — плакала... Женщина, она оставалась женщиной, но позволяла себе расслабляться только в те минуты, когда ее никто не видел... Позднее Валентина Кузнецова и ее спутницы признались: единственное, что омрачало их переход,— это сознание того, что две Гали и Оля остались в Москве. Но дружба девушек, увлеченных одной мечтой, не дала трещины после такого трудного испытания. Впереди у всех еще были десятки совместных походов и согни увлекательных тренировок...

Кстати, об этих тренировках скажу подробнее. Обычно в выходные дни группа «Метелицы» приезжала на дачу капитана команды в Опалиху. Здесь они совершали скоростной поход на 40 километров, где бег чередовался с быстрой ходьбой. Потом проводился массовый заплыв на озере, а заканчивался выходной футболом, где женщины играли против сборной своих мужей.

В отпуск все уходили одновременно и устраивали для

себя настоящий спортивный сбор. Каждое утро начиналось с бега и ходьбы на пятьдесят километров. Заканчивался день баскетболом, футболом или гимнастикой. По подсчетам капитана команды, которая все увереннее набиралась тренерского опыта, у каждой претендентки на поход объем проделанной работы выражался достаточно внушительной цифрой — около пяти тысяч километров.

Дорога всегда есть дорога. Она полна неожиданностей. Снег в Подмоскowie валил такой, что лыжницы чуть не утопали в глубоком снегу. А на Валдае тридцатиградусные морозы обжигали горло, пронизывая до костей. Руки и ноги девчат деревенели. Врач команды мастер спорта Виктор Аниканов, сын известных конькобежцев Ивана и Марьи Аникановых, однажды прошел с девушками двадцать километров и ворвался в автобус с мороза, хрипя: «Это вынести невозможно».

Ничто не могло сбить «Метелицу» с пути, нарушить график. На одиннадцатый день лыжницы прибыли в Ленинград «подсушенные», потерявшие в весе до пяти килограммов, обветренные, румяные. Журналисты, встречавшие отважных путешественниц, впервые написали об особом характере «Метелицы», выделив основные черты: «умрем, но выдержим», «смейся, как бы ни было тяжело» и «умей держать себя в руках».

На государственной границе спортсменок встретили финские корреспонденты, фоторепортеры, представители телевидения, так называемой электронной прессы. Пришлось остановиться и провести «летучую» пресс-конференцию.

— Не утратите ли вы женской мягкости после 2600-километрового пути?

— Приезжайте 3 марта в Торнио. Там посмотрим, — отпарировали девушки.

— Умеете ли вы танцевать?

— Вечером увидите сами.

— Как, сегодня, после девяноста километров пути вы будете танцевать?

— Мы танцуем и после ста...

Хохот и аплодисменты сломали лед первого недоверия. Далее посыпались серьезные вопросы: кто они, где работают, учатся, чем интересуются, есть ли у них мужья, дети, что они знают о Финляндии... С этого дня на целый месяц «Метелица» прочно прописалась на пер-

вых полосах финских газет, пришла на экраны телевидения, подружила представительниц Советской страны с тысячами жителей Финляндии.

В этом утверждении нет преувеличения и натяжки. Финны прекрасно знают цену лыжам, понимают, как нелегко преодолевать в день по 80—90 километров. Больше тысячи километров спортсменки шли по людскому коридору — финны зимой приветствовали их живыми цветами... Так как график выдерживался с точностью до минуты, то на трассе во всех школах детей освобождали от занятий, и они высыпали на улицы, чтобы встретить «Метелицу».

По всей Финляндии девушек сопровождал финский лыжник, призер Всемирной универсиады Кари Никкенен. Его отец — в прошлом тоже отличный гонщик — работал в локомотивном депо города Хювенкяя. Он ремонтировал паровоз, на котором Ленин прибыл в октябре 1917 года в Петроград. В 1957 году его передали Советскому Союзу. Старший Никкенен тоже прошел с «Метелицей» десять километров. Вообще, как подсчитали финские журналисты, вместе с нашими девушками на лыжне побывали пять тысяч жителей Финляндии. Они-то и помогли выдержать невероятную скорость — свыше 15 километров в час.

Почти по всей стране девушек ждала прекрасная лыжня. Подчас ее никто специально не готовил. Просто она существовала как неотъемлемая часть финского зимнего пейзажа. Где только ни живет человек — он обязательно прокладывает лыжню. По ней он ходит сам. По ней могут идти и все желающие.

Погода в Финляндии нередко мешала спортсменкам. Так, на этапе между Хельсинки и Карьей метель разыгралась не на шутку и заставила поволноваться девушек. Вместо восьми часов они находились на трассе целых четырнадцать. Это был единственный раз, когда «Метелица» выбилась из графика. Но все эти лишние шесть часов мэр Карьи стоял на морозе и ждал посланниц мира и дружбы. И прием в Карье задержался до полуночи. Но никто из приглашенных не ушел домой, все сидели у экрана телевизора и смотрели, как пять маленьких черных фигурок боролись с метелью и крошечной снежной каруселью... А когда девушки приблизились к городской черте, то все высыпали на улицу и встретили

мужественных девчат финскими и советскими флагами.

Поход по Финляндии подарил путешественницам сотни незабываемых дружеских встреч. Неподдалеку от города Лапуа, когда сумерки уже повисли над лесом, девушки увидели у лыжни супружескую чету. Это были уже немолодые люди. Они стояли рядом с большим портретом Владимира Ильича Ленина. И когда девушки остановились, то мужчина сказал по-русски:

— Это наш самый большой друг,— и показал на портрет.

Наши лыжницы расцеловали финнов и долго потом еще не могли успокоиться после волнующей встречи. Сбившись со спортивного шага, шли прогулочным и вспоминали все удивительные и теплые беседы с северянами. Девушки даже не заметили, что в этот день «отмахали» на двадцать километров больше, чем намечали.

А разве забыть тот день, когда во время пурги 17 февраля жители Тампере Селена и Арво Хуммала сели на трактор и сорок километров ехали впереди девушек, прокладывая лыжню и подсвечивая ее фонариком. Они смогли выдержать график.

Финиш сверхмарафона транслировался по всем каналам финского телевидения. На следующий день в Торнио появилась машина шведского телевидения. Шведы проехали тысячу километров из Стокгольма, но опоздали. Кузнецова предложила повторить для них финиш, чтобы увидели и скандинавы.

«Метелицу» принял тогдашний президент Финляндии Урхо Калева Кекконен. Он говорил о том, что Финляндия обязана Владимиру Ильичу Ленину своей независимостью и финны никогда не забудут этого. Он сказал, обращаясь к лыжницам:

— Вы не только установили замечательное спортивное достижение, но и мировой рекорд дружбы между двумя народами. Финляндия благодарит вас за то, что вы избрали именно ее лыжню для своего нелегкого пути. Ленин часто бывал в нашей стране и любил ее. Надеюсь, ее полюбите и вы.

Президент Финляндии завел разговор о лыжах. Выяснилось, что Кекконен очень любит этот вид спорта и хорошо разбирается в нем. Сам он ежедневно проходит по двадцать километров в любую погоду.

— Пока что я в этом сезоне находил маловато — все-

го 600 километров,— улынулся президент.— Попозже, на отдыхе, наверстаю упущенное.

Разговор проходил в начале марта, а снег в Финляндии лежит, как известно, до середины апреля. Так что президент имел полную возможность достичь границы 1500 километров за сезон. Что, кстати, семидесятилетний энтузиаст и сделал в 1969 году...

— Не сестра ли вы чемпиона мира Владимира Кузина? — спросил он Надежду Кузину.

— Нет, — ответила Надя.

— Все равно,— сказал Кекконен,— ваша фамилия ко многому обязывает.

А на заключительном банкете появились те самые журналисты, которые опасались за цвет лица и женственность советских путешественниц. И на этот раз спортсменки поразили корреспондентов своей грацией, нежностью и обаянием. Симпатичные, стройные, веселые, каждой на вид не больше двадцати лет — и это после такой дороги!..

— Вот это — «Метелица»! — восхищенно говорили вчерашние скептики и давали слово, что теперь они изменят свой образ жизни — будут проводить выходные дни не за столом с баночным пивом и проглядыванием телевизионных программ, а в лесу, где сверкают ровные лыжни, где резвится ветер, а мороз пощипывает щеки, где любому желающему дарится здоровье и хорошее настроение...

Установив мировой рекорд дальности походов на международной лыжне, девушки из «Метелицы» задумались о будущих путешествиях. Впрочем...

— Почему мы говорим слово «походы», когда есть другое, более объемное понятие — научно-спортивная экспедиция? — спросила капитан команды Валентина Кузнецова у своего штурмана Антонины Егоровой — давней и самой близкой подруги.

— Ты права, не хочется повторять маршруты, уже пройденные мужчинами,— согласилась Антонина.

— Давай изучим историю всех путешествий по Арктике и выберем маршрут, по которому никто еще в мире не ходил.

— Легко сказать,— улынулась Егорова.— А кто нам, женщинам, доверит пойти на лыжах на Северный полюс, хотя с Евразийского материка никто еще не доходил до географического полюса на лыжах. Мы разрабо-

таем план, продумаем все детали, организуем экспедицию, а в решающий момент вместо нас пойдут... мужчины.

— Постараемся смотреть на вещи оптимистичнее,— Кузнецова постучала пальцем по дереву, чтобы не сгладить.— Я знаю точно: в Северном полушарии мужчины исходили все, кроме маршрута Евразия — полюс. Ты права, его могут не доверить нам... А так как здесь не осталось «белых пятен», давай замахнемся на... Антарктиду? — это был даже не вопрос, а робкая попытка утвердить женское «я», постоять за свое достоинство.

Женщины, возраст которых был в пределах 35 лет, придумали для себя интересное дело, если угодно,— игру в мечту. Они запланировали дойти на лыжах до Южного полюса. Маршрут — 1275 километров. Старт от советской станции «Восток», расположенной на абсолютном полюсе холода нашей планеты, где зафиксирована температура 88,8 градуса. «Метелица» была намерена достичь американской станции «Амундсен-Скотт». Экспедицию планировали на пятьдесят дней. Ориентировочный срок — 1975 год, который по решению Организации Объединенных Наций назывался Международным годом женщины. Советские путешественницы мечтали первыми в истории достичь Южного полюса.

Шесть лет отпустили они себе на подготовку к рискованной экспедиции. Когда Валентину Кузнецову спрашивали: «Зачем это вам надо?» — она приводила вместо ответа такой пример: «А что понадобилось на Южном полюсе поморнику, птице, обитающей на побережье Антарктиды? В глубь континента поморники никогда не залетают — там нет птиц. И вот представьте себе удивление американского полярника Хили, который увидел поморника вблизи научной станции «Амундсен-Скотт». Хили удалось сфотографировать птицу, прежде чем она улетела, с расстояния всего трех метров. Что привело поморника в глубину ледяной пустыни, на расстояние 1300 километров от ближайшего его гнездовья? Наука не может ответить на этот вопрос...»

«Метелица» поставила перед собой сверхзадачу — дойти до Южного полюса. Мечтательницы, фантазерки и величайшие труженицы организовали подготовку к антарктической экспедиции на строго научной основе, посоветовались с учеными — начальником первой советской дрейфующей станции СП И. Папаниным, академи-

ком, Героем Советского Союза Е. Федоровым, академиком К. Марковым, профессором, доктором физико-математических наук А. Гусевым, заслуженным мастером спорта, первым из советских людей проложившим лыжную на далеком континенте. Добрыми наставниками «Метелицы» стали начальник администрации Главсевморпути К. Чубаков, член-корреспондент Академии наук СССР, Герой Социалистического Труда А. Трешников, капитан дальнего плавания И. Ман, первым пришвартовавший советский дизель-электроход «Обь» к берегам Антарктиды... Они наметили программу, которая была рассчитана на... 12—13 лет. «Метелица» должна была к Антарктиде готовиться... в Арктике. Свои возможности бороться с суровой природой женщинам приходилось доказывать несколькими походами по Заполярью и дрейфующим льдам Северного Ледовитого океана.

Правда, что касается трудностей, то их, пожалуй, до сих пор больше в преодолении некоторых мужских предрассудков, чем в преодолении торосов, морозов, ветров и прочей атрибутики полярных районов. Отговорка: «А там очень трудно!» — давно уже представляется обидной для женщин. Когда-то и в Арктике женщинам не рекомендовалось жить. А сейчас — на любой полярной станции трудятся женщины. На дрейфующих обсерваториях «Северный полюс» их, правда, нет, но народная артистка Вера Дулова четверть века назад прилетала на СП-4 и играла на арфе для суровых бородатых мужчин, а другая народная артистка Людмила Зыкина пела в центре Ледовитого океана, там, где на тысячи километров вокруг не было никого, кроме зимовщиков...

Сейчас в команде почти не осталось никого из первопроходцев шестидесятых годов. Иные времена — другие требования. Чтобы удержаться на уровне задач, надо от многого отказываться, целиком подчинять себя общей цели. Три года подряд Кузнецова и Егорова подыскивали себе соратниц. Наконец, после длительных и целенаправленных тренировок «Метелица» снова выплыла из кажущегося небытия — путешественницы отправились в Заполярье. В долине Хальмер-Ю — Долине смерти, как это переводится на русский язык, в 1974 году свирепствовали яростные пурги. Но десять несгибаемых лыжниц словно ждали этой атаки стихии — они отправились в самый сложный поход через тундру от отрогов Заполярного Урала через хребет Пай-Хой в Амдерму, расположив-

шуюся на сваях, вбитых в берег Северного Ледовитого океана.

За тринадцать суток экспедиция преодолела 300 километров, увидев весь набор арктической романтики — морозы, пурги, оттепели, торосы, заструги, полыньи. Каждая из спортсменок везла на санках груз до 50 килограммов. И хотя это был первый арктический поход «Метелицы», никто из девчат не обморозился. Испытание неизвестностью и белым безмолвием было выдержано. Первый шаг к Антарктиде сделан. Экспедиция показала: «Метелица» и ее научные консультанты находятся на правильном пути.

— Помнит ли те триста километров капитан «Метелицы»?

Когда я задал этот вопрос Кузнецовой, она ответила излишне эмоционально:

— Да на вас креста нет... Разве можно их забыть?

И я попросил Валентину Михайловну рассказать о том давнем походе.

— Часто меня спрашивают: «Зачем и для чего нужны сверхдальние переходы, да еще для женщин?» — говорит капитан «Метелицы». — Неугомонный разум и великая миссия — быть Человеком — вели и ведут людей в неизведанное. «Хотел бы я знать, зачем звезды светятся. Наверное, затем, чтобы рано или поздно каждый мог вновь отыскать свою». Так сказал Экзюпери.

Можно ли ответить точнее?!

У одной из моих подруг по «Метелице», которая живет романтикой дорог и открытий, в путевом дневнике есть такие строки, написанные в тундре в момент нечеловеческого напряжения в борьбе со стихией, когда жизнь была, казалось, на волоске:

Я верю, что жар-птицею
Перо где-то потеряно,
И вот хожу я по свету
И то перо ищу...

Видели ли вы радугу зимой? Однажды на пятый день пути по тундре между долиной Хальмер-Ю и Амдермой нам открылось редкостное зрелище — несколько радуг нежных тонов, переплетенных, словно олимпийские кольца. Ради одного этого стоило пройти сотни верст на лыжах с тяжелым рюкзаком сквозь обжигающую пургу.

В первых пробегах были у нас чисто спортивные цели — пройти на лыжах дальше, больше, быстрее... Пе-

реход через тундру был уже, скорее, научно-спортивной экспедицией. Цель ее — выполнение программы Научно-исследовательского института медико-биологических проблем. Каждая из нас в ходе эксперимента ответила на восемьсот вопросов, связанных с психологическим состоянием и совместимостью в длительном походе (работе) в условиях Крайнего Севера.

Вышли мы из долины Хальмер-Ю, когда в тундре всю властвовала зима. Десять женщин на лыжах ступили в снежную пустыню навстречу испытаниям и неизвестности. Долго можно рассказывать обо всем необычном и интересном, чем тундра встретила «Метелицу». Вот выдержка из нашего дневника (мы его зовем боржурналом) об одном только дне.

«...Седьмые сутки в пути. День, как обычно, начали в 6 часов. В тундре тишина. Только ветер поет струями летучих снегов да скрипит наст под лыжами и санями, которые каждая из нас тянет на лямках. Как все-таки очаровывает эта странная тишина тундры! Здесь, в царстве белого безмолвия, душу охватывает какое-то чувство умиротворенности перед ощущением вечности. Ночь встретили около скалистых черно-красных каньонов. Сказочный, нереальный свет. Пепельная синева разрезов. Первозданные кратеры. Мы замерли замороженными! Такое впечатление, словно попали на луну...»

Утром тундра подала голос. Поднялась страшная пурга, словно начался шабаш всех северных ведьм. И странно, что сквозь эту ревушую бездну снега изредка просвечивает солнце. Ветер такой, что палатку держим только мы — рюкзаками и своим весом. Кажется, еще мгновение, и наша палатка взлетит, как ковер-самолет. Такое впечатление, что все адские силы тундры и хребта Пай-Хой (Кривого хребта) объединились против нас. Выйти из палатки невозможно. Но времени мы не теряем. Медики — Таня Кузнецова и Ангелина Маркова — проводят свои эксперименты. Мы штопаем, чиним свои бахилы, сушим в спальных мешках лыжные ботинки, носки. И, конечно, мечтаем.

О чем? О будущих походах...

К выходу снегопад стихает. Но видимости никакой. Белая слепота. Наш штурман берется за компас. Но глазу не за что зацепиться. Идем по компасу и не знаем, где небо, где земля, где овраг, где заструги. Вверх — вниз. Вверх — вниз.

На спусках сани опережают. Их несет в одну сторону, нас — в другую. Трижды сегодня сломались нарты. Останавливаться же ни на минуту нельзя. Моментально мороз с ветром пронизывают насквозь. Видно, сегодня день невезения. Нигде не можем спуститься, словно попали в заколдованный круг...»

Остальные 12 суток были чуть хуже, чуть лучше. Самыми трудными оказались последние метры к Амдерме, к Карскому морю. Для нас все слилось в этом слове — Амдерма. И мы пришли туда!

Видели бы глаза лыжниц «Метелицы» те из женщин, кто в 35 махнул на себя рукой. В цветущую сиренью Москву вернулись они, щедрой ладонью зачерпнув из кладезя природы душевное здоровье. Вот вам и тундра, вот и Север дальний!

А теперь настало время познакомить вас поподробнее с составом «Метелицы» первого арктического призыва.

Галина Рожальская — мастер спорта международного класса по альпинизму. Одна из немногих в мире женщин за покорение всех семитысячников СССР носит звание «Снежный барс», и так оно не подходит к хрупкой, миниатюрной, веселой нашей Галке — мудрости и душе «Метелицы». Работает она диспетчером на Челябинском металлургическом заводе. Самая старшая в группе. У нее уже внучка Оксаночка.

Таня Ревтова — самая молодая в «Метелице». Выпускница Московского института электронного машиностроения, с отличием защитила диплом, написанный на английском языке. Серебряный призер чемпионата СССР по радиоспорту. Была бригадиром студенческого стройотряда на Сахалине. В поход через тундру брала радиостанцию, собранную своими руками. Имеет выход в международный эфир, свои позывные...

Светлана Цветкова окончила Московский авиационный институт, работает ведущим инженером. Ас в вопросах радиододела. Увлекается бегом и лыжами.

Татьяна Кузнецова — кандидат медицинских наук, сотрудница института имени Н. И. Пирогова. Человек дела, твердого слова. Отличная лыжница, инструктор по альпинизму.

Ангелина Маркова — тоже врач, заведующая отделом реанимации института имени Сеченова. С ней ничего не страшно. Ее профессия — возвращать к жизни лю-

дей. В Ангелине сочетаются мягкость, женственность и в то же время сила, выносливость лыжницы и альпинистки. Успеваает многое — воспитывать сына, работать над диссертацией.

Антонина Егорова — боец испытанный. Как и во всех предыдущих походах, уверенно держит портфель «министра финансов» «Метелицы». Заботится обо всех, как мать.

Валентина Шацкая — штурман-метеоролог. В команде ее звали «дитя природы». О ней можно написать целый приключенческий роман. Если бы проводился чемпионат мира по туризму, то ей сложно было бы подыскать конкурентку. Парашютистка и любительница охоты. Мастер ориентирования. Единственная в мире женщина, сумевшая в одиночку на лыжах пройти почти 500 километров по тундре до побережья Северного Ледовитого океана.

Ольга Грошенко — кинооператор из Новокузнецка. Год назад защитила с отличием диплом во ВГИКе. Кадры, снятые в тундре, позднее вошли в фильм о «Метелице». Оля — турист, имеет за плечами маршруты 5-й категории сложности.

Марина Томашевская — кандидат в мастера спорта по лыжам. Альпинистка. Работает специалистом по акустике в Министерстве путей сообщения. В «Метелице» отвечает за спортивную подготовку и экипировку участников похода.

Эта десятка успешно прошла испытание тундрой.

Едва «Метелица» вернулась на «материк», так северяне называют Большую землю, как началась индивидуальная подготовка к будущим походам. В боржурнале экспедиций появились очертания архипелага Северная Земля — одного из самых холодных мест в мире. Сюда собирались приехать путешественницы. Они мужественно признали, что не сумеют к Международному году женщины осилить научную программу, предложенную учеными-метеорологами и работниками института консервной промышленности, не успеют провести достаточного количества походов по Северу в специальной экипировке, не успеют... а с Антарктидой шутки плохи... Поэтому женщины придумали красивый маршрут, который начинался на Таймыре, в бухте Марии Прончищевой — первой русской женщины, принимавшей участие в полярной экспедиции XVIII века и погибшей в лютую

стужу... Посвящая свой переход Международному году женщины, «Метелица» специально выбрала чисто «женский маршрут» — от бухты Марии Прончищевой через мыс Восьмого Марта до залива Терезы Клавенес на мысе Челюскин — самой крайней точки Евразии. На этот раз в экспедиции участвовали Галина Рожальская, Татьяна Кузнецова, Валентина Шацкая, Татьяна Ревтова, Светлана Цветкова — бывалые полярницы. Вместе с ними шли кандидат психологических наук Ирина Соловьева и инженер из Усть-Каменогорска Римма Диденко. «Метелица» 550 километров пробиралась по южному берегу Северного Ледовитого океана.

Как и в любом походе, на этот раз тоже было много неожиданностей. Началось с того, что врачу Татьяне Кузнецовой не с кем было оставить в Москве сына. На помощь пришла бабушка... Кузнецова: мама капитана «Метелицы» согласилась посидеть с малышом своей однофамилицы во время ее экспедиции.

В этом факте, как в капле росы, отразилось отношение родственников к заботам членов команды «Метелицы». Все они, объединяясь, решали общие задачи и всегда приходили на помощь.

Последние сумасшедшие дни подготовки проходили в московской квартире Светланы Цветковой. Подшивали куртки, палатки, мешки. Муж Светланы не только терпел весь этот хаос, но и во всем помогал путешественникам. «Везет же некоторым женам», — завидовали подруги, а Светлана отвечала гордо: «Он у меня всегда такой».

Неожиданно выяснилось, что к сроку не успеют сделать санки-волокуши, на которых девушки везли груз экспедиции. Находчивость проявила Ира Кузнецова — дочь капитана «Метелицы». Она обежала соседей в Тушине и с лихвой обеспечила полярниц детскими саночками. Это был первый вклад в общее дело «Метелицы» четырнадцатилетней школьницы, которая, правда, давно уже жила по режиму «Метелицы» — вставала с мамой в шесть утра, убегала на зарядку, участвовала во всех тренировках в подмосковной Опалихе...

Стартовали пятого мая. Необычно было после весенней Москвы опять попасть в царство холода. Сани с непривычки переворачивались, увязали в больших надувах снега, летели, обгоняя лыжниц на твердом, как мрамор, насте. В первый день туристки преодолели всего

десять километров, но устали так, словно отшагали сотню верст.

На второй день спустились на лед моря. Лавируя между торосами, еле успевали поднимать санки. Как назло, под ними стали ломаться лыжи. Три пары за один день! Юмора в запасе еще оставалось много. Ремонтируя лыжи, шутили. Полную замену не делали, потому что в запасе оставалось всего одна пара... Шли десять часов, держа курс на охотничью избушку, помеченную на старой карте. Неожиданно увидели на снегу следы белого медведя. На всякий случай достали ружье. Шли, постоянно меняясь в колонне. Седьмая частенько обращивалась: не пристроился ли сзади восьмой, симпатиченький, в этакой белой шубке?..

Вперед продвигались только ночами — не так слепило яркое северное солнце, да и скольжение было лучше. Постепенно привыкли к саночкам, научились чувствовать их ход, и когда те собирались сделать «оверкиль», то успевали задержать их и завести в сторону. Ирина Соловьева на ходу решала свою проблему: что же главное в туризме? И приходила к выводу, что самое основное — это когда лыжи катят хорошо, а сани бегут ровно, когда звучит сигнал «отбой!» и можно лечь в спальный мешок и расслабиться. А вот у Риммы Диденко свои заботы: тот медведь, который оставил следы на снегу, так и не появился перед ее камерой.

Перед тем как забыться в тревожном сне, девушки иногда думали: зачем они пошли по льдам? Бегали бы сейчас по Москве и другим городам в легких платьицах и туфлях на шпильках, играли бы с детьми, сажали цветы... А здесь мороз, солнце, весенние реки, бегущие по льду... Зачем? Засыпали, а за тонкой стеночкой свистел ветер, скрипели лыжи, воткнутые в снег для растяжки палатки, и казалось, что кто-то ходит вокруг. Уж не хозяин ли Заполярья?.. С этим вопросом и засыпали... Просыпались от дурманящего запаха французских духов — это Ира Соловьева, не забывая, что она — женщина, готовилась к очередному походу так, словно шла на бал. А колдуя у примуса, она читала вполголоса стихи Блока: «...узнаю тебя, жизнь! Принимаю и приветствую звоном щита!..»

На мысе Гагарина, на островах «Комсомольской правды», путешественницы соорудили памятный знак —

Ира Соловьева укрепила фотографию первого космонавта Земли, которую она привезла из Звездного. Это был снимок с автографом Юрия Алексеевича. Рядом с памятным знаком укрепили маленькую модель ракеты, в тур вложили записку и фотографии спутников «Союз» и «Аполлон» с автографами советских и американских космонавтов. Долго горели на мысу факелы. Ира Соловьева рассказывала о том, как училась в академии имени Н. Е. Жуковского вместе с Гагариным, как он был тамадой на ее свадьбе с парашютистом Сергеем Киселевым, как трогательно и тепло ухаживал Гагарин за Киселевым, когда тот упал во время съемок фильма из-за неисправности парашюта и больше года пролежал в больнице...

Медведя они увидели только в последний день. Ирина Соловьева, стараясь сохранить спокойствие, сказала негромко:

— Девочки, а к морю идет медведь!..

Достали ружье, ракетницу. Посовещались. И все же пошли вперед. Солнце, безудержное, залило море и тундру, скрасило все бугорки и торосы, спрятало медведя. Как обидно было терять время, когда до избушки Папанина оставалось всего двенадцать километров. Медведь шел как раз по направлению к ней. Он-то людей прекрасно чуял, но, наверное, был сыт и не хотел связываться с девушками...

— Нет, мы все же пойдем в избушку Папанина! — сказала руководитель похода Галина Рожальская. — Я в детстве в Папанина играла, в Северный полюс!

— Вот и доигралась, — шутили подруги.

— А что я внучке скажу — испугалась медведя? — продолжала Рожальская.

— Будешь ты у Ивана Дмитриевича, будешь! — пообещала Соловьева и, взяв ружье, смело пошла в молоко тумана.

В избушке они оставили запись в книге посетителей. Отдохнули два часа — и отправились к финишу. Решили двигаться, не останавливаясь, и за тридцать два часа пути установили рекорд похода — отмахали шестьдесят километров. Пришли в полярный поселок. Их никто не встречал. Зимовщики спали. Места в гостинице, оказывается, кто-то для них забронировал. Разделись и, не поужинав, не поздравив друг друга с победой, уснули, словно подстреленные. Только утром поняли: маршрут

позади, еще один шаг к Антарктиде сделан, еще одна сказка прочитана...

А когда они поднялись в небо и летчики предложили им попить горячего чайку, то стало девчатам весело и немного грустно. Там, внизу, они увидели следы своих лыж.

Неужели все позади?..

Нет, каждый новый год будет дарить им необыкновенно трудные маршруты. В 1976 году «Метелица» пройдет от мыса Челюскин через пролив Вилькицкого на студеные острова Северной Земли. Позади остались остров Большевик, пролив Шокальского, Краснофлотские острова и острова Октябрьской революции. За восемнадцать дней лыжницы преодолели 420 километров. Причем на этот раз они шли четко по графику, составленному учеными, учитывавшими их предыдущие экспедиции: 50 минут тяжелого пути на лыжах с буксируемыми нартами и 10 минут отдыха. В сутки нужно было сделать одиннадцать переходов. В группе на этот раз шли испытанные Галина Рожальская, Валентина Шацкая, Татьяна Ревтова, Римма Диденко, Марина Томашевская и новичок — врач отряда, кандидат в мастера спорта по горному туризму Александра Рогова из Владимира.

Что ни год, «Метелица» меняла часть состава, доверяя молодым туристам право на экзамен Севером. Ветераны бережно сохраняли традиции, проверяя и оценивая резерв. С каждым разом усложнялись научные программы экспедиций. Институт, занимающийся консервированием продуктов, просил их проверить в экстремальных условиях питание двух типов: обычное — туристское и специальное — сублимированное. Девушки сами разработали конструкцию лыжных арктических ботинок «Метелица» — утепленных, просторных, с широким носом. Сшил их на московской фабрике «Спорт» Михаил Колесников. Эти ботинки оставались сухими в любую погоду.

Опять-таки сами, после нескольких экспедиций, туристки сшили палатку шатрового типа. В каждой экспедиции палатку модернизировали: так, в 1981 году в палатке сделали своеобразный тамбур. Внутри стало теплее, потому что холод задерживался «в прихожей»...

Опыт арктических походов подсказал и «перевернутый» режим движения: ночью — поход, а днем — отдых. Ночью лучше скольжение. Днем солнышко сильнее про-

гревает палатку, и спать в ней значительно теплее...

В последних экспедициях «Метелица» берет с собой и альпинистское оборудование — ледорубы, крючья, кошки. В рюкзаках обязательно есть резиновые лодки, потому что на дрейфующих льдах Арктики полыньи достигают нескольких километров...

Приведу отрывок из дневника радиста экспедиции 1976 года Татьяны Ревтовой:

«16 мая. Только во второй день пути набрали нужный ритм — сделали одиннадцать переходов. Неожиданно над нашими головами прошумел вертолет, и с него сбросили вымпел. В записке — приветствие «Метелице» и сообщение, что на полярной станции Солнечная — надо же придумать такое название! — нас ждет жарко натопленная банька.

Лишь на третий день пути мы увидели заветные очертания Северной Земли, веками хранившей тайну своего существования и открытой лишь в 1913 году русскими моряками — участниками гидрографической экспедиции.

На берегу пролива Вилькицкого прилепилась станция Солнечная. С берега полярники приветствовали нас ракетами. Мы отвечали им тем же. Последние километры тянулись необыкновенно долго...

Самый юный полярник станции — пятилетний Саша Березин поспешил нас предупредить: «Здесь много разных винтиков, но их крутить нельзя». Мы ему пообещали, что не будем «крутить винтики», и он успокоился. Много принес нам радости этот малыш...

Кстати оказалась обещанная жаркая банька...

Когда мы пересекали остров Большевик, немало хлопот доставил нам ледник Кропоткина. То и дело приходилось огибать излучины речушек, забираться на ледовые «языки», а затем с них съезжать. Но взаимопомощь — неписанный закон нашей группы — позволила преодолеть и эти трудности.

В одном из каньонов мы вышли к скале, напоминавшей по конфигурации средневековый замок. Наверху оказалось гнездовье чаек. Поднявшиеся при нашем приближении, они казались розовыми в розовом тумане... Я даже стихи написала:

И напрасно ребята твердили о том,
Что не женское дело ходить с рюкзаком,
А Север все чаще являлся ко мне

Розовой чайкой во сне.
Я ушла в Заполярье, в голубые снега,
По Быррангам ходила, морем Лаптевых шла,
И приветствовал Север, являясь ко мне
Розовой чайкой во сне.
Нет, когда-нибудь все же я сюда убегу,
Потому что иначе уже не могу.
Зовет к себе Север, являясь ко мне
Розовой чайкой во сне...

На одном из привалов на Краснофлотских островах Марина Томашевская преподнесла нам приятный сюрприз. Неожиданно для всех она достала из рюкзака настоящие жареные семечки. Представьте себе, семечки на Северной Земле!

24 мая. 22 часа. На небе радуга. Торошение льда небольшое. Идем весело по проливу Шокальского. Солнышко начинает пригревать, и лыжи скользят все хуже. Опять след медведя. Уже который раз. За каким торосом зверек притаился?

С каждым переходом чувствуешь все большую усталость и смотришь не по сторонам, а под ноги и на оранжевый мешок впереди идущего. А когда уж очень тяжело, начинаем вспоминать о чем-нибудь приятном, о тех, кто остался дома, о том, что в Москве весна и...

9 часов 30 минут — привал. Тепло, безветренно. Галя с Мариной в купальниках позируют Римме для кинофильма. Девчонки моют ноги снегом, устроили себе маленькую снежную баньку. В палатке по-домашнему тепло и уютно. После снежной баньки все ожили, стали активными, шустрými...

Каждый сеанс связи — как дополнительное тепло. Где-то там — в Подмоскowie — пляшет дождичек, шагает по земле весна, расцветают сады, зеленеют леса. Здесь же природа еще охвачена зимним оцепенением. Под ногами толстый зеленый лед. Лучи солнца, с трудом пробиваясь к земле, бессильно блуждают среди торосов.

Нелегко нам здесь, но никто не жалеет о том, что сейчас мы находимся в тундре, а не дома у телевизора. Кто-то говорит: «Туризм — лучший отдых». Дружный смех...

1 июня. Сегодня — День защиты детей. Отмечаем праздник. Надуваю два шарика — красный и синий. Ветер поднимает их и уносит все дальше и дальше, к белым медведям.

На привале завхоз Марина Томашевская достает для нас гостинцы, припрятанные на «черный день». Оказы-

вается, Ирина Соловьева — психолог — передала испеченное ею в Звездном печенье. В записке несколько слов. Но каких! «Здравствуйте, лягушечки (стало быть, путешественницы). Как идет-ся-может-ся? Завидно ведь мне! Недлинной вам дороги!»

А впереди последние тридцать километров пути. По прямой — совсем ничего, а зигзагами, может, и на два дня?..»

Все дальше на Север уходила «Метелица». Складывалось ее прочное ядро, ширилась география участниц — по программе «Метелицы», составленной в Институте медико-биологических проблем, уже занимались в Усть-Каменогорске, Петропавловске-Камчатском, Челябинске, Кемерове, Владимире... Сам дух дружбы в команде неповторим и прекрасен. Коллектив живет как бы одной семьей. Например, все расходы туристки делят пополам. Прилетает, скажем, Диденко из Усть-Каменогорска в Москву — так стоимость ее авиационного билета раскидывают на всех москвичек. В 1976 году Валентина Кузнецова и Ирина Соловьева не смогли пойти в экспедицию на Северную Землю, а их мужья Михаил Кузнецов и Сергей Киселев дали «министру финансов» по 400 рублей — так, на всякий случай, на непредвиденные расходы, на оплату спецрейса, если вдруг с кем-то из девушек произойдет несчастье.

Мужья туристок уже давно стали негласными членами «Метелицы». Это лишь в первые месяцы они скептически улыбаются: «И что затеяли? За домашним очагом надо следить — а вы поход за походом». А потом, когда увидели, какими цветущими возвращаются жены после арктических переходов, то объединились и начали им помогать. Увлечение стало общим. Жены — в походы. И мужья с ними. «Слабые» несут за плечами по 50 кг, а здоровякам — отступать негоже. Поначалу детей в рюкзаках носили, когда те были маленькими и уставали... Словом, что ни выходной — двадцать-тридцать семей выезжают за город. Своеобразные семейные клубы образовались. И что любопытно: каждая из «Метелицы» старается полностью выполнить месячную программу. Физических нагрузок хватает. Но туристки всегда помнят заповедь: что слишком, то нехорошо. Поэтому тренировки чередуют с развлечениями. «Метелица» — женщины, мужья спортсменов, дети, родители — стала, повторяю, как бы единой семьей. И только такое отношение

к общему увлечению давало силы для экспедиций. Если бы не помогали мужья и дети, то женщинам невозможно было бы выкроить время для тренировок. Но близкие, уважая их мечту, взяли часть чисто «женских», непрестижных дел на себя — обеды, белье, прачечную, заходы в магазины. Мужья поняли: им, «метелицам», мало только семейного благополучия, удовлетворения своей работой, им необходимо было все время чувствовать себя в пути.

Спрашиваю капитана «Метелицы» В. Кузнецову: «Как вы все успеваете делать?» Отвечает: «Всего выполнить «не успеваю». Что-то, кроме работы, обязательно хромает. Свободного времени нет, как и у любой женщины. Но 24 часа в сутки — они в полном нашем распоряжении. Итак, с утра — пробежка и зарядка. Хочешь не хочешь, а час подари себе и спорту. По два раза в неделю вечерние тренировки — часа по полтора: бег, теннис, игры, штанга, словом, набор того, что мы называем «общефизическая подготовка». В субботу или воскресенье, вы знаете, стараемся встретиться на одном из московских вокзалов и убежать за город. Вылезем на какой-то станции — и в путь! Километров сорок-пятьдесят отмахаем — холодная ночевка. На снегу, на морозе, в лесу. Костер, песни под гитару — это уж как полагается...»

Так они живут. Так тренируются. Так приближают мечту.

Если пятнадцать лет назад у них были только чисто спортивные цели — пройти дальше мужчин, побыстрее, то вот уже около десяти лет они выполняют специальную программу. Академик О. Г. Газенко так сказал об их походах: «Экспедиции, которые связаны с преодолением больших трудностей и проходят в экстремальных условиях автономности, удаленности от жилья, позволяют глубже изучить человека в естественных, натуральных условиях. Наука не может ограничиться только лабораторными, камерными исследованиями... Данные, полученные в ходе самостоятельных экспедиций, результаты испытания различных образцов одежды, рационов питания, средств выживаемости также ложатся в копилку необходимых знаний».

Много новых данных принесла науке экспедиция «Метелицы» по островам архипелага Земли Франца-Иосифа с 5 по 22 мая 1977 года. На этот раз состав команды был самым боевым: Валентина Кузнецова, Антонина

Егорова, Ирина Соловьева, Татьяна Ревтова, Галина Рожальская, Марина Томашевская, Римма Диденко, Татьяна Кузнецова, Ольга Грошенко и единственная из дебутанток — Тамара Афанасьева, летчица, штурман, умеющая хорошо определяться по небесным светилам.

С Земли Франца-Иосифа стартовал к Северному полюсу знаменитый гидрограф Георгий Седов. Передо мной дневник второго матроса экспедиции 1914 года Алексея Пустошного, который ушел к полюсу вместе со своим командиром: «13 февраля. Погода стояла скверная. Шел снег почти весь день, берегов не видно, и нам приходилось идти версту вперед, на $\frac{1}{2}$ версты назад, чтобы правильно держать курс... Пройденное расстояние... точно подходит — 175 верст. 15 февраля. Пройдя $1\frac{1}{2}$ версты от берега в море по направлению к земле, куда лежал наш путь, встретили снежный солончак и, как только на него заехали, тотчас пошли под лед. Провизию мы не подмочили, потому что она в каяке».

Бывают такие неожиданные совпадения: читая выписки из дневника матроса Пустошного, я заглядывал в дневник-бортжурнал экспедиции «Метелицы». Та же Арктика, та же 82-я параллель. Термины, правда, немножко другие. Во времена Седова — верста, соленый лед, снежный солончак. Через 63 года — километр, милья, темный нилос...

«Теряя сознание, Седов не выпускал из рук компаса. А спутники его везли своего командира на север. 1 марта 1914 года Седов сделал последнюю запись в дневнике:

«Посвети, солнышко, там на родине, как тяжело нам здесь, на льду» — так писал выдающийся исследователь Арктики дважды Герой Советского Союза И. Д. Папанин о своем предшественнике Седове.

Чтобы добраться до Арктики, у многих уходила вся жизнь. А люди шли вперед и шли. Погибали, уходили в бессмертие. ...Гляжу на карту Арктического бассейна, которую подарили мне полярные летчики, и отмечаю, отмечаю про себя: мыс Челюскина, бухта Марии Прончищевой, заливы Русанова, Неупокоева, Седова — всех героев, нашедших себе вечный приют во льдах...

Арктика и сегодня осталась прежней Арктикой — коварной, не прощающей ошибок, спрашивающей с человека по самому большому счету. Это только литераторы красиво придумали — «обыкновенная Арктика». Вовсе не обыкновенная...

Первоначально «Метелица» мечтала пройти путем Георгия Седова, посвятив экспедицию 100-летию со дня рождения отважного путешественника. Но метеоусловия не позволили девушкам сделать этого. Еще на Диксоне, в управлении гидрометцентра, они ознакомились с результатами многолетней ледовой обстановки Земли Франца-Иосифа. На карты экспедиции нанесли польньи, заснеженности, торошения, толщину льда. Но Арктика встретила путешественниц сюрпризами: уже в заливе Вандербильдта появился мокрый снег — первый предвестник польньи. Следующий день подарил очередную неожиданность — белую мглу, сильное торошение и разводья.

Вот записи из боржурнала:

«Метель разыгралась такая, что бежишь, если ветер дует в спину, или с трудом передвигаешь ноги при встречном ветре. В отверстия очков задувает снег, ничего не видно; закрываешь отверстия — очки запотевают. Много трещин, есть польньи. Пока идем цепочкой без страховки, стараюсь не скапливаться на одном участке. Но в некоторых местах проходим связанные веревкой по одному и без нарт. Тяжело даются ледяные километры».

10 мая неожиданно рядом оказался атомоход «Ленин». Как ни радостно было девушкам увидеть первенца атомного флота нашей страны, но их волновало другое — не отрезал ли ледокол путь к островам? Хорошо, что он прошел чуть южнее — в шести километрах. С атомохода прилетел вертолет. Моряки поздравили лыжниц со всеми праздниками — Днем 1 Мая, Днем печати, Днем радио и Днем Победы.

13 мая рядом с палаткой появились медвежьи следы: в трехстах метрах от оранжевого шатра прогуливалась медведица с медвежонком. Оруженосцы экспедиции Ирина Соловьева и Марина Томашевская приняли готовность номер один, остальные девчата проверили пиротехнические патроны. Медведица спряталась за торосы, но часа через два снова показалась, видимо, вспомнила, что она внесена в Красную книгу защиты животных, и пошла по лыжне.

На ночевку остановились рядом с островом Грили — любимым местом отдыха медведей. Слышали, как за стенкой палатки ходила медведица. Спать никто не мог. Лежали, вышивали, выполняли медицинские исследования. Медведица, очевидно, пошла за советом к более

опытным хозяйкам Арктики и вскоре привела к палатке восемь громадных хищников. Звери остановились неподалеку от палатки, красиво светящейся на белом снегу, и ждали, пока погаснет огонь внутри. «Дежурная по медведю» зорко наблюдала за всеми передвижениями зверей, а вот остальные путешественницы, сморенные усталостью, заснули. Во сне, правда, Марина приняла бой с непрошеными гостями, а Римма Диденко, как выяснилось, заявила о них в милицию своего родного города Тольятти...

Когда засветило солнце и штурманы Егорова и Афанасьева смогли сориентироваться, то выяснилось: медведица увела «Метелицу» в сторону на три-четыре дня пути. Девушки сразу же захотели наверстать упущенное и сократить путь. Они пошли по острову с названием Угольные копи, но путь им преградила открытая вода с битым льдом. Припая не было. Слева и справа грозно чернели скалистые берега. Пришлось повернуть назад. Попробовали обойти Угольные копи. Большие торосы, пронизывающий ветер со снегом заставили остановиться на ночевку в двух километрах от острова Винера, да, именно Винера, а не Венера, как чуть-чуть не вывела рука... И в эту ночь путешественницы спали тревожно — над палатками кричали пролетающие птицы. Временами раздавался такой треск и шум, что казалось, рядом рушится весь лед океана. Дул влажный, порывистый ветер, чувствовалась близость воды. О медведе уже никто не думал — привыкли...

Два последних дня — 21 и 22 мая — были самыми тяжелыми. Шли по океану. Ширина трещин достигала 35 метров. Переpravлялись, строя из лыж мостики с перилами. Шли медленно, потому что лыжи намокли и не скользили. Часто приходилось снимать их и идти пешком.

В 14 часов финишировали у обсерватории имени Э. Т. Кренкеля. Отважных покорительниц Севера встречало все население острова Хейса. На камбузе их ждала крошка — самая настоящая, со свежими огурцами. Оказывается, зимовщики специально для девушек сняли первый урожай в теплице. У входа в столовую красовался плакат: «Милая «Метелица», мы тебя любим! Поздравляем с успешным завершением экспедиции» — и семьдесят пять подписей.

«...Мы тебя любим!..» — полярники, изучающие са-

мую суровую часть нашей планеты, признали «Метелицу», они давно уже помогают ей во всех начинаниях. Известный писатель и путешественник, автор многих книг, посвященных зимовщикам Арктики и Антарктики, Владимир Санин утверждает:

«Стать у полярников своим, пожалуй, труднее, чем бальзаковскому провинциалу проникнуть в высшее светское общество. Глаз у них острый, их не обманешь показной бравадой, внешним видом и грубоватой лексикой «своего в доску», и, когда инженер-конструктор попросится на любую черновую работу, они скорее всего недоуменно пожмут плечами: «Зачем? Зря, что ли, ты учился? Хочешь экзотики — иди в турпоход, в горы... вот тебе и целый отпуск романтики».

Кстати вспомнилось, — в гостях у меня была почти в полном составе «Метелица»: милые девушки во главе со своей бесстрашной Валентиной Кузнецовой. Отряд уникальный... Но каждая из этих удивительных женщин — сама по себе личность, уважаемый специалист, завоевавший твердое положение здесь, на Большой земле. Испытания, которым они подвергают себя в труднейших арктических походах... не только дают им радость «упоения в бою», но помогают самоутвердиться, с большой уверенностью и страстью выполнять свою главную работу».

Через два года «Метелица» повторит поход по Земле Франца-Иосифа. Другим маршрутом, по другим островам она преодолет все проливы, горы и выйдет опять-таки к обсерватории имени Э. Т. Кренкеля на острове Хейса. И полярники наградят настойчивых туристов «фирменной грамотой», в которой напишут: «И все же, несмотря на наше огромное восхищение вами, вашим мужеством, нам вас немного жаль. Ведь после Антарктиды, где вы (мы не сомневаемся) обязательно проложите лыжню свою, для вас практически не останется «белых пятен» на карте» — это сказано 21 мая 1979 года. Запомним дату — ровно через десять лет после нашумевшего пробега в Финляндию. Десять лет упорных тренировок, десять лет мужества, десять лет самоотверженной работы для осуществления мечты.

Ни одна из экспедиций «Метелицы» не была легкой, и спокойных дней почти не выпадало за эти десять лет. Мне доверили прочитать боржурнал отряда за май 1981 года. Снова был поход по островам Земли Фран-

ца-Иосифа. Но если раньше в экспедициях группа состояла из шести-десяти человек, то последний раз лыжниц на маршруте было пятнадцать. Даже когда шли по два человека, колонна получалась внушительная. Экзамен сдавало много новичков. Из участниц похода 1977 года остались лишь трое — В. Кузнецова, А. Егорова и Т. Ревтова.

В те дни на островах архипелага работал по заданию московской киностудии оператор Сергей Рахомяги. Попутно он решил снять сюжет о «Метелице» и пошел на лыжах с девушками, чтобы немного «вжиться» в коллектив. Вертолет, который должен был забрать кинооператора, не смог прилететь за ним из-за плохой погоды. Так богатырь — а Рахомяги весит больше ста килограммов — стал невольным спутником и «пленником» женского отряда. 13 мая он записал свои впечатления об одном из дней экспедиции:

«Вроде бы подумать обо всем можно, пока идешь по лыжне, тем более что иду следом за санями Вали Кузнецовой. Но стройных мыслей не получается. «Дорога» вьется между торосов, вернее, вьет ее штурман Тоня Егорова. Впечатление такое, что она знает именно нашу единственную тропу, так как по сторонам стоят ледяные стены, и вообще все вместе торосы кажутся непроходимыми, хотя каждый по отдельности и по очереди можно преодолеть.

Сани — по прозвищу «солнышко» — опять перевернулись и провалились между торосов, — и в душе я ругаю эти торосы, эти сани, Арктику и так далее. Сани, оказывается, можно вытащить, торос объехать — и опять жизнь прекрасна. К своему грузу уже привык, хотя «Конвас» не лучший аппарат для переходов без собак и без мотора.

Первые четыре часа проскочили очень быстро. Стоянка для перекуса выбивает из ритма и сильно остужает. Спасение в движении.

Вновь мы идем. Впереди длинный подъем. Длина его и высота рождают в душе уныние, но девушки уже карабкаются, и мне — представителю сильного пола — ничего не остается, как, широко улыбаясь, взбираться в гору. Однако вверх — это еще не самое худшее. Теперь надо съехать вниз с санями — вот тут-то и сказывается многолетний перерыв в тренировках — грохнулся два раза.

День кончается. Быстро развернуты шатры. Готовится ужин. И снова жизнь прекрасна...»

Для него, сильного мужчины, она прекрасна, наша жизнь, когда горит примус и пахнет жареным мясом, когда пуховый спальный мешок лежит под локтем... Сергею не изменяет чувство юмора, и он, как умеет, подыгрывает девушкам, но в его строках сквозит глубокое уважение к делу, которым они заняты, к мужеству, которое отличает их — первопроходцев по складу характера.

«Метелица» активно живет заботами полярников нашей страны. Она всегда в гуще событий, а подчас и опережает эти события.

Поздравляя начальника дрейфующей станции «Северный полюс-1» Ивана Дмитриевича Папанина с его 85-летием, «Метелица» написала в приветственном адресе:

И если завтра донесет эфир:
«Метелица» штурмует полюс Южный!—
Пусть знает мир, что на Руси
Есть женщины папанинского мужества.

Сказано очень верно. Мужества им, подружившимся с метелями, не занимать. Древние говорили: «Дорога — это жизнь». Точнее не сформулируешь. Человек по природе своей создан для того, чтобы рисковать, штурмуя Эверест, совершать прыжки с парашютом из стратосферы, на утлых суденышках переплывать океаны, устремляться к полюсам планеты...

— Я люблю слова великого путешественника современности Тура Хейердала, — призналась как-то мне Валентина Кузнецова, душа «Метелицы». — Норвежец предупреждал всех, кто собирается в дорогу: «Но если за этим стоит только жажда сомнительной славы, — тогда вам лучше отказаться от своего намерения. Если же в основе вашей идеи лежит благородное стремление помочь науке, открыть новые возможности человека, если вы физически и морально готовы перенести суровые тяготы, — тогда в добрый путь».

Самодетельная группа «Метелица» за пятнадцать лет своей прекрасной биографии доказала и свое мужество, и бескорыстие, и самоотверженность, и верность идее.

Задаю последний вопрос капитану «Метелицы»:
— Более десяти лет назад вы задумали покорить

лыжню в Антарктиде. За эти годы вы, как сами отметили, моложе не стали. А кое-кто из первого состава «Метелицы» уже отошел от активных тренировок. Стоила игра свеч?

— Никто в «Метелице» не чувствует дамоклова меча возраста. Если мне не удастся быть в Антарктиде, то пойдет моя дочь — у нее уже первый разряд по лыжам. Пойдет и Наташа Егорова — дочь штурмана «Метелицы» Антонины Егоровой. Готовится к экспедиции и Ира Гурьева — клинический ординатор, перворазрядница по лыжам, из семьи заместителя капитана «Метелицы» Светланы Гурьевой. Хорошую компанию им составит Ольга Аграновская — новичок «Метелицы», девушка с далекой Камчатки. Дочь знаменитых альпинистов Людмилы и Германа Аграновских, она была чемпионкой СССР по горным лыжам, первой из женщин нашей страны совершила спуски на лыжах с Эльбруса и пика Ленина. Она так легко вписалась в коллектив, так весело и задорно вела себя во время последней экспедиции на Землю Франца-Иосифа, что всем хотелось следовать ее примеру. Словом, у нас есть кому передать эстафету, хотя сами мы в тень уходить не собираемся. И пусть жизнь, как говорится, обкатана. Мечты свои в архив списывать не намерены...

...Нашу беседу прерывает телефонный звонок. Валентина Михайловна берет трубку: «А зачем записывать? Я и так все запомню — всю жизнь стремилась к этому... Итак, ожидается самолет в Антарктиду... Места забронированы?» Она кладет трубку.

— Ты перестанешь быть «вотчиной» только мужчин!

И долго ведет рукой по карте.

Капитан «Метелицы» скоро вылетает с особым заданием в Антарктиду. Она узнает на вкус и на цвет эту нелегкую землю. И, конечно, возьмет с собой лыжи...

Вот он, закономерный итог. Наперекор пургам и сомнениям, скептикам и метелям, взбиралась «Метелица» все выше и выше на Север. За птицей своей мечты женщины шли больше десяти лет. Разве это не великолепно? Они ощутили, как трудна и красива походная жизнь. И она стоит риска, и некоторых житейских неудобств, и недосыпаний, к которым в конце концов привыкаешь. И новую значимость обрели в их жизни такие слова, как: «подъем в 6 часов... тренировка в 6 часов 15 минут...»

Так каждый день. Иначе свою звезду не отыщешь...

А когда у нас, северян, наступает зима, в Антарктиду приходит лето. Мороз всего-то — двадцать — сорок градусов. Начало пути намечено у станции «Восток» на высоте трех с половиной километров над уровнем моря. Трасса все время идет под уклон: Южный полюс на целый километр ниже. И к нему, оказывается, уже прилетали морские птицы. Что искали они в полутора тысячах километров от гнездовий, науке пока неизвестно..

У КАЖДОГО СВОЯ «БРИГАНТИНА»

Туристы бывают разные. Некоторые, пройдя километров пять от железнодорожной станции, находят полянку. Костер, гитара, закуска — и они вполне удовлетворены. Они ничего нового не увидели и не узнали. Да им это, наверное, и не надо.

Другие идут и идут вперед спортивным шагом, наматывая километры на свой «спортивный спидометр», набирая баллы для получения мастерского звания. Километры — их цель. Они тоже почти ничего не видят вокруг: некогда...

Третьи... Эти идут, едут на велосипеде, плывут, потому что любознательны и пытливы. Этим туристам интересны новые места и новые люди. И путешествие для этих «фанатов» не просто отдых или разрядка после трудового года, но и возможность приобрести новые знания, увидеть новые места, получить интересные сведения...

Герой этого очерка — человек именно такого склада. Я знаю его давно, знакомы мы с ним около двадцати лет.

В сентябре 1963 года я, проработав несколько лет на Камчатке, летел в Москву, а мой герой этим же самолетом прилетел с материка, чтобы...

Впрочем, не буду додумывать за него. Пусть сам ответит на вопрос:

— Что привело на Камчатку — романтика, желание увидеть экзотику, стремление познать себя в трудных условиях? Что?

— Один из моих друзей по Рязанскому медицинскому институту долгое время стремился попасть именно на Камчатку. «Это у меня еще с первого класса — с последней парты, называемой камчаткой». Заявления с требованием распределить его именно на вулканический полуостров он писал так: «Мне стало душно в Рязани. Я связал себя с будущим. Умею работать только для не-

го. Это неправильно, что я живу в Рязани. Камчатка переродила меня. Без нее мне нечем было бы дышать.

Впустите на Камчатку. Я не буду ходить без шапки и стонать о столовых. Я могу жить без кино, не могу без веры в себя. Я выхожу навстречу будущему и неизвестности. Всю жизнь работал на мечту. Для других это незаметно. Впрочем, и для меня тоже. Мечта была такой близкой и такой нужной, что я не замечал ее. Люди ведь тоже не замечают воздуха, без которого нельзя жить. Впустите на Камчатку...»

Впустили. Он сейчас стал лучшим хирургом на Камчатке, защитил кандидатскую диссертацию. И многих выпускников Рязанского медицинского института агитировал приехать на полуостров.

— И вас, конечно? Не разошлось ли первое впечатление от Камчатки с его агитацией?

— Когда я несколько суток бродил по коридорам скорого поезда Москва—Владивосток, все старался представить себе землю, на которой мне предстоит жить. Теперь знаю я ее. Видел ее, ходил по ней. На полуострове, который в полтора раза больше Италии, нет ни одного поселка, где бы я ни побывал.

Это говорит Зорий Балаян — врач по образованию и призванию, собственный корреспондент «Литературной газеты» по должности, член Союза советских писателей; мастер спорта по водно-моторному спорту, перворазрядник и судья республиканской категории по тяжелой атлетике, путешественник, исходивший и изъездивший всю страну во время отпусков, художник-график, сам оформляющий свои книги, талантливый ученик великого телепата Вольфа Мессинга, краевед — автор исследований о жизни малых народностей Крайнего Севера, член Союза журналистов СССР, напечатавший более 500 очерков на страницах центральных газет, кинематографист, по сценариям которого снято три фильма, отец троих детей...

Побываем в рабочем кабинете путешественника. Комната напоминает музей — вдоль одной стены туго натянута рыбацкая сеть. В ячейках ее — звезды из Бухты ложных вестей, охотские крабы, ус кита, загарпуненного у берегов Антарктиды, меч акулы, пойманной в Индийском океане. На потолке висит вместо лампы огромный стеклянный шар — рыбацкий кухтыль — поплавок трала... В центре комнаты — два стола. На каждом — пишущая машинка.

— Почему две машинки? — спрашиваю Зория Бала-
яна.

— А почему на стенах две картины — силуэт дву-
главого Арарата и панорама камчатских вулканов —
Авачинского и Корякского? — вопросом на вопрос от-
ветил он. — Наверное, потому, что и Армения и Камчат-
ка стали частью моей жизни. Как они похожи — эти два
гористых района нашей страны. Эту картину подарил
мне художник Сарьян. Арарат... камни. Те, о которых,
перефразируя Г. Эмина, можно сказать: «Здесь нет не-
грамотных камней»... Камчатские пейзажи отличаются
от сарьяновских тем, что на Севере солнце прохладнее.
Мартирос Сергеевич это чувствовал. Когда он дарил од-
ну из книг, то так и написал: «...желаю много солнца».
В Армении я вижу величественные горы с белоснежны-
ми конусами. И на Камчатке десять лет их наблюдал.
Но в Армении в сорокаградусную жару бьет из земли
ледяной родник. А там, за двенадцать тысяч километров
от Еревана, в сорокаградусный мороз взметнулся вверх
кипящий гейзер.

Каждый день я пишу. В пять утра, когда трое малы-
шей будят меня, я вскакиваю, делаю зарядку, напевая
про себя: «Вставай, земля уже полна работающими».
Пять утра в Ереване — значит, на Камчатке уже трина-
дцать часов. Рабочий день в разгаре. Стараюсь жить и
по-ереванскому и по-камчатскому времени. В сорок
шесть лет сил на «расщепление» хватает. Утром пишу
книгу — отчет о путешествии на собачьих упряжках по
камчатской тундре. В 1972—1973 годах вместе с друзья-
ми я повторил маршрут легендарного отряда Г. Чубаро-
ва, преследовавшего белогвардейцев.

После завтрака иду на работу, ведь моя главная
профессия — медицина. Работаю в республиканском
врачебно-физкультурном диспансере...

Вечером, уложив спать буйную тройцу любопытных
малышей, сажусь за другую машинку — здесь в карет-
ку заправлены страницы книги «Мой дед хлеб резал
стоя» — это повесть о Нагорном Карабахе, о родине, о
дедушке, который заменил мне отца.

Зорий Балаян, окончивший двадцать лет назад ме-
дицинский институт, был счастлив, получив распределе-
ние на Камчатку. На полуострове он трудился более де-
сяти лет. В «Камчатском комсомольце» напечатал свои
первые стихи, статьи и рассказы. Он стал создателем и

первым редактором спортивного приложения к «Камчатскому комсомольцу» — «Эстафеты»... Позднее его «Заметки врача» появились в «Медицинской газете», «Правде», «Литературной газете», «Советском спорте», «Комсомольской правде», в десятках центральных журналов... Вышло в свет восемнадцать книг — на армянском и русском языках.

— Как на все хватало времени? — вопрос к нему. — Медицина, спорт, туризм, литературная работа...

— Когда я работал на Камчатке, — улыбается Зорий, — времени свободного оставалось много. Не был женат. Все сутки в полном моем распоряжении. Придешь с работы — пурга. В двух шагах ничего не видно. Уверенно могу сказать, что цивилизация была создана в перерывах между пургами... Дома каждый вечер обязательно заставлял себя записывать впечатления дня. Например, услышал разговор в приемной диспансера: «У меня дома есть один красный помидор. Уже пять дней берегу». — «А у меня свежий огурец». — «Давай поменяемся». — «На сколько дней?»

Напечатав на машинке этот диалог, сделал пометку: «Это — Камчатка». Так пришло название первой книги. Мальчик родился на Камчатке. Спрашиваю его: «Юрочка, тебе нравится, как цветут яблони?» — «Нет. А как цветут яблони?» Это — Камчатка.

По воскресеньям, когда день не обещал пурги, мы договаривались с другом: «Жалко портить выходной. Пойдем на бухту». И бродили по берегу знаменитой Авачи, той, в которую одновременно могут войти все корабли земного шара... Но для меня она не этим знаменита, а тем, что глаза не уставали смотреть на нее, обрамленную ожерельем вулканов... Каждый день, прощаясь с бухтой, думал про себя: «Неужели когда-нибудь уеду отсюда и всего этого больше не увижу?..» Настал день — сослагательное наклонение исчезло, став повелительным советом жены: «Едем на родину!» Вот и живу без Авачи, без вулканов... Но тоска о них в рукописи, той, что печатается на старенькой, с расхлябанным шрифтом «Москве»... Далеко теперь — моя Камчатка...

Мы стоим у огромной физической карты Советского Союза. Жирной линией на ней проведены маршруты — те, которые уже пройдены, и те, что ждут еще своего покорителя. Сразу обращает внимание путь от Петропавловска-Камчатского на две тысячи верст на север, до

развалин села Наяхана — это маршрут отряда коммуниста Чубарова, через полвека повторенный Балаяном и его друзьями.

Идея совершить поход по маршруту красноармейцев, которые в 1923 году прошли на собачьих упряжках более двух тысяч верст и на севере Камчатки добились последний оплот белогвардейщины, родилась у Балаяна в 1967 году, когда наша страна отмечала юбилей Великого Октября. На торжественном заседании в Доме политического просвещения Зорий познакомился с учителем Михаилом Порфирьевичем Стельных. Историк-краевед рассказал о том, что собирает материалы о «ледовом», «фантастическом» походе воинов Красной Армии по зимней Камчатке. «Этот переход можно назвать самым тяжелым и самым продолжительным в истории войн. Жаль, что никто не повторил маршрута солдат революции. А ведь не исключено, что в некоторых селах еще живы люди, которые помнят героев красноармейцев. У меня не хватит сил на организацию экспедиции за «последним выстрелом», а вот вам, молодым, и карты в руки. Карты, разумеется, географические. Я помогу, чем сумею», — пообещал учитель.

Этим же вечером Балаян впервые ознакомился с увесистой папкой, собранной пытливым человеком. Лист за листом, материал за материалом, справка за справкой рассказывали о том, как двадцать молодых парней, разделившись на две группы, прошли через весь полуостров на север, к материку. Более двух тысяч верст. Шли с боями и шли на бой. Шли, не подозревая, что им суждено завершить гражданскую войну.

Шли день и ночь. Собаки дохли от голода и мороза. А люди шли. Учитель нашел записи полувековой давности, дневники. Балаян читал и удивлялся: у каждого из бойцов было по два-три класса образования, но каждый из них аккуратно вел дневник. Впервые в истории полуострова, после знаменитой книги академика С. П. Крашенинникова «Описание земли Камчатки», были подробно обозначены все поселки далекого краешка русской земли и рассказано, сколько живет в них человек, в том числе мужчин, женщин, детей. Чем они занимаются. Национальность. Вероисповедание. Собраны данные о местности, о погоде, даже о глубине снежного покрова.

Вот такой бесценный клад оказался в руках Балаяна. Учитель Стельных предложил Зорию Гайковичу на ос-

нове архивных данных написать книгу о юных бойцах, многие из которых впервые начали бриться после последнего выстрела в последнем бою.

Может быть, окажись на месте Балаяна другой литератор, он согласился бы с этим предложением, поблагодарил краеведа и создал бы книгу, а там, глядишь, и сценарий...

Но Зорий, прежде чем взяться за ответственное дело, решил пережить сам хоть немного из того, что пережили они — люди двадцатых годов. Так было честнее. Словом, он задумал совершить поход на собаках по Камчатке и Чукотке. Повторить маршрут отряда Чубарова.

Зорий стал подбирать команду. Первым отважился Никита Михалков — популярный киноактер, который в те годы служил в армии на Камчатке. Никита мечтал в будущем стать кинорежиссером и для дебюта решил снять картину о преображенной Камчатке, побывать в тех местах, где еще не ступала нога человека с кинокамерой.

Третьим членом экспедиции был корякский поэт Владимир Косыгин, писавший под псевдонимом «Коянто», что в переводе на русский язык означает — «оленный человек». Именно — оленный, а не олений. Это разные понятия. Оленный (коряк.), по Крашенинникову, — человек, который ведет кочевой образ жизни. Как раз такой кандидат и требовался в экспедицию. Плюс ко всему он знал корякский и чукотский языки и мог стать незаменимым в общении с местными жителями, которые в отдаленных ярангах плохо понимали русский язык, но хорошо помнили события полувековой давности. Их рассказы должны были существенным образом дополнить папку учителя Стельных...

Четвертым в группу попросился заведующий лекторской группой обкома ВЛКСМ Евгений Миловский...

29 октября 1972 года четыре путешественника, одетые в теплые куртки, взяли старт из Петропавловска-Камчатского, с той самой улицы, где 50 лет назад по команде 25-летнего командира Григория Чубарова красноармейцы заняли места у собачьих упряжек и отправились в путь.

Группа Балаяна путешествовала по Камчатке и не переставала удивляться: что ни географическое название — то поэзия.

Красивая девушка, участница обороны Петропавловска 1854 года, самоотверженно спасла под градом английской и французской корабельной артиллерии раненых. Солдаты ее звали Сероглазкой. Так и поселок назвали...

На Кроноцком полуострове геологи искали нефть. Рядом протекали две безымянные речушки. И разведчики недр, пользуясь правом первооткрывателей, по своему проявили любовь к великой русской поэзии: речушки получили имена героинь «Евгения Онегина»: Татьяна и Ольга.

Во время путешествий человек начинает понимать: первооткрыватели — всегда поэты. И так будет до тех пор, пока есть на земле такие сказочные места, как Камчатка.

Незадолго до своей трагической гибели А. С. Пушкин прочитал «Описание земли Камчатки», составленное С. П. Крашенинниковым, и дал высокую оценку работе знаменитого исследователя и первопроходца. Находясь под впечатлением прочитанного, поэт писал: «Камчатка — страна печальная, гористая, влажная. Ветры почти беспрестанно обвевают ее... Снега выпадают на три сажени глубины и лежат на ней почти восемь месяцев... Настанет лето. Камчатка, от наводнения освобожденная, являет скоро великую силу растительности; но в начале августа уже показывается иней и начинаются морозы».

Морозы...

В походе Балаяна по тундре самые суровые морозы выпали в ночь под Новый год. Небо сравнялось с землей. Перехватывает дыхание. Собаки задыхаются. Останавливаться нельзя. Только двигаться. Перевалы и спуски. Перевалы и спуски. Временами ни зги не видно. Четыре упряжки идут друг за другом.

На одном из крутых спусков, задев о пень, перевернулась нарта Жени Миловского. Сквозь пронзительный вой пурги было слышно, как завизжали собаки. Вся «эскадра» — около сорока собак — остановилась. Балаян подполз к Жене, который лежал на животе и шарил по снегу руками. Искал очки. Женья не мог стать на ноги. Подвернул голеностоп. Балаян подтащил Женю к нарте и стал на шестидесятиградусном морозе стаскивать с пострадавшего торбаса — оленьи сапоги — и жичи — меховые носки. Врач хотел убедиться, что это не перелом. Припухлость была огромной. Восьмиобразная по-

вязка вышла очень сырой, несмотря на то, что врач накладывал ее под брезентовым чехлом, закрывавшим нарты. Долго пришлось потрудиться всем, чтобы, слыша стоны Миловского, вновь натянуть на ногу торбаса.

До Нового года оставалось полдня. Решили дать собакам передохнуть, понимая, что, если в такую погоду и дальше двигаться без остановки, можно загнать собаку.

С трудом натянули брезентовую палатку. Ее почти мгновенно занесло снегом с подветренной стороны. Собаки тотчас же свернулись в комочки и улеглись спать, прямо на снегу, на ветру. Вскоре под каждой из них от таяния образовалась довольно глубокая яма, и они в ней грели сами себя.

Прямо у дороги, рядом с палаткой обнаружили симпатичную пушистую елку. Никита Михалков долго рылся в своем громадном рюкзаке, пока не извлек какую-то коробку. Снял крышку — все ахнули. Елочные игрушки. Увидел их в магазине районного центра и купил на всякий случай. Достали нитки и стали привязывать ими игрушки к елке.

Одинокое деревце вмиг стало таким родным, таким близким сердцу! Путешественники, любуясь им, разожгли костер. Это был самый незабываемый Новый год в их жизни.

А после полуночи — снова в дорогу. При шестидесятиградусном морозе каждый метр тундры преодолевается с невероятными трудностями. Снег становится похожим на песок, как на пляже, — такой же крупобразный, сыпучий. И нарты не идут по нему, как по песку.

Они двигались вперед чуть ли не весь день. Солнце на несколько минут появилось на небе и спряталось за тучи. Слишком короток световой день на Севере, и слишком медленно передвигаются наши путешественники. Им оставалось дойти до небольшого поселка Парень всего шестьдесят километров. В хорошую погоду на порожних нартах можно за четыре-пять часов добраться до теплой баньки. На груженных — за шесть — восемь часов. А вот при такой погоде шестьдесят километров — это целая вечность.

Группа торопилась, потому что местные охотники в последнем селе предупредили их: в тундре появились волки, до пятидесяти зверей объединились в стаи в поисках добычи.

Хорошо знающий законы тундры коряк Владимир Косыгин предложил идти по реке Парень:

— Двигаясь в низинке, мы оба берега будем видеть. Так что эти лютые разбойники нас врасплох не застанут.

По реке так по реке... Труднее всего было двигаться первой нарте: собаки с напряжением и повизгиванием преодолевали целинный снег. Пришлось установить очередность, словно в командной гонке велосипедистов. Через каждые двести метров меняли лидера. Реже всего пускали вперед Михалкова — он никак не мог привыкнуть к собакам. А может быть, эти великие труженицы тундры хотели, чтобы самый крупный из членов экипажа, везший к тому же тяжелую киноаппаратуру, пересел на другую нарту? Но как бы то ни было, Никите тоже приходилось открывать дорогу.

Михалков ехал первым, за ним — Балаян. И вдруг лидер, толкая нарту, стал ростом наполовину меньше. Нарта дернулась, собаки потащили ее дальше, а Никита остался стоять на месте, будто вколоченный по пояс в сугроб. Он куда-то провалился. Видя, что упряжка Балаяна приближается, Никита закричал, замахал рукой.

Видимо, осенью, когда выпал первый снег, в этом месте был тонкий лед. Потом снегу навалило больше и это многослойное одеяло не позволило морозу добраться до льда. Вот он и остался в этом месте тонким.

Вытащили Никиту из реки чаутом — веревкой, которой ловят оленей. На открытом воздухе пришлось ему переодеваться. Долго возились, пока сняли с него ледяные торбаса, брюки и переодели в сухое.

Из-за замены лидера каждому приходилось по очереди соседствовать со всеми. По силуэтам даже в темноте они легко распознавали друг друга, хотя все были одинаково одеты — полная корякская одежда. Люди шли пешком рядом с нартами, держась за них.

Балаян обратил внимание, что Женю Миловского заносит куда-то в сторону. Даже на твердом насте он все равно не мог «брать ногу», выходил из колеи. Зорий спросил тревожно:

— Что с тобой?

— Стекла очков лопнули. Ничего не вижу.

Остановились. Подождали Михалкова и Косыгина.

— У Жени очки разбились, — сказал Зорий. — Что делать?

— У меня тоже лопнули стекла, — сказал Косыгин. —

Запасных нет ни у него, ни у меня. Давайте, чтобы не сбиться, мы будем идти в середине. Ты, Зорий, в авангарде. Никита, как самый молодой, пусть замыкает группу.

— Других предложений нет? — спросил Зорий. — Остатываться на ночлег глупо — мороз под семьдесят. Ооченеет.

Позднее Балаян признался мне:

— Я впервые в жизни испытал чувство страха, когда узнал, что у ребят полопались стекла. Не берусь описать это состояние. Думается, нам было бы худо, если бы мы, готовясь к походу в экстремальных условиях, не проработали заранее всевозможные варианты. Я много читал о людях, которые попадали в такие вот ситуации, когда холод начинает ощущаться по-особому, приобретает какую-то осязаемую форму, когда начинают мерзнуть белки глаз. У многих погибших, которых обнаруживали поисковики, в рюкзаках имелись теплые вещи, еда, спирт, даже палатки. Если бы пострадавший не растерялся и воспользовался всем тем, что у него было, то никакой бы трагедии не произошло.

Готовясь к походу, Балаян и его единомышленники учили и психологическую подготовку в необыкновенных ситуациях. Они разговаривали с камчатскими специалистами-поисковиками, которые указали им на типичные ошибки людей, уходящих в открытую тундру и оттуда не возвратившихся.

И несмотря на такую вроде бы подготовленность, треснувшие стекла очков нагнали на них страху. Ведь почти сутки никто на нарты не садился. Только пешком. Собаки еле тащили нарты — никакого скольжения... Как же Жене и Володе идти, если при сильной близорукости они в двух шагах ничего не видят?

— Вот тебе и мелочь, — сказал Балаян Михалкову. — При подборе членов экспедиции не учли одного обстоятельства: как носить очки на морозе?

Они шли рядом — сорок собак и четыре путешественника. Балаян и Михалков не отпускали от себя своих, по сути дела, ослепших друзей.

Шли молча. Неожиданно раздался крик:

— Торбаса! Мои торбаса!

Все почти одновременно подбежали к кричавшему. Тот сел на снег и обхватил руками голенища. Ребята глазам своим не поверили. Торбаса, оба сразу, раскры-

лись, как лилии. Лоскуты шкур положено сшивать жилами. Так было всегда, так было во все века. Но сейчас многое даже в тундре делается по-современному. Вместо жилок — леска. Синтетика. Выгодно. Дешево. И вот результат. Синтетика не выдерживает семидесятиградусного мороза.

К счастью, лишь у одного из туристов торбаса были шиты леской. И к счастью, имелась запасная обувь.

Так они двигались по тундре в первый день Нового, 1973, года. К ночи собаки остановились. Заскулили жалобно, словно честно предупредили: мы выдохлись, надо отдыхать. Нет, лайки не хитрили. Они сразу же расположились звездочкой — все сорок собак сошлись в центре. Мордами друг к другу. Им теплее от общего дыхания. Каждая собака вырыла себе довольно глубокую ямку, именуемую не иначе как постель, и улеглась в ней.

Собаки отдыхали. Ребята присели на нартах. Решили бросить жребий: кому забираться в меховые кукули — спальные мешки, а кому нести вахту. О волках, конечно же, никто не забывал.

...Кажется, огоньки они увидели одновременно — Балаян и Михалков. Сначала не поверили. Думали, галлюцинация, померещилось. Закрыли глаза, сильно зажмурили веки. А потом снова открыли — огоньки не исчезали. Парные огоньки. Мерцают и двигаются. Их становилось все больше. Зорий и Никита повернулись на сто восемьдесят градусов — и там огоньки.

Никита тихо спросил:

— Я не сплю?

— Ты тоже их видишь? — еще тише спросил Зорий.

— Что делать? — выдохнул Никита. — Карабины наши, что палки. В них смазка замерзла.

— Ты помнишь, как старый охотник рассказывал про волков? Как они окружают со всех сторон и по команде вожака все вместе, разом, набрасываются на жертву?

— Мы уже жертва, отлично звучит, — попробовал пошутить Никита. — А ты вспомни, что старик говорил о том, как он делал факел. Набрал в рот керосину, зажег спичку, поднес ко рту и стал дуть. Факел разогнал зверье. А у нас есть ракетница, — и Никита побежал к нарте, на которой находился рюкзак с ракетницей.

Огоньков становилось все больше и больше. Кольцо медленно сжималось. Хитрыми обычно считают лис. Но волки им в этом не уступают. Словно на цыпочках под-

ходят к жертве, и никто не смеет раньше времени броситься вперед. Причем в зависимости от силы противника они ведут себя по-разному. Была бы, скажем, одна упряжка, они, может быть, и не стали бы мудрить, вмиг растерзали бы ее. А тут понимают, что четыре человека и сорок собак — это сила...

Почувствовав волков, проснулись собаки. Заскулили тихо и трусливо. Все это еще нагнало страх.

— Как звезды на небе, эти глаза,— продолжал шутить Никита. А потом серьезным тоном: — Ракетница замерзла начисто, не могу согнуть.

Неожиданно Никита сорвал с рук двойные перчатки, бросил их на снег и начал голыми руками растирать ракетницу.

— Ты с ума сошел, без рук останешься, на таком-то морозе.

— Лучше без рук, чем без головы.

Не поддавалась единственная спасительница. Решили греть ее на теле. По очереди приподнимали полы свитеров и клали на грудь.

Щелчок раздался в тот момент, когда огоньки были уже в пяти шагах от ребят.

Выстрел — и над уснувшей тундрой вспыхнуло маленькое солнце. Оно тут же погасло, чтобы вновь родиться высоко над головами. Пока красный огонь стремительно падал в одну сторону, на другой — зажглось новое солнце, уже желтое.

В тот же миг слышались какие-то глухие звуки — это волки, стремительно поворачивая назад, ударялись телами друг о друга. Солнышки зажигались одно за другим. Зеленое, красное, желтое. Прекрасный получился салют.

Женя высунулся из кукуля и сказал:

— А какие они худые, прямо кости и кожа. Совсем как я...

— Кто? — вырвалось сразу у двоих.

— Волки.

— А откуда ты знаешь, что они были худыми?

— Когда убегали, слышно было, как костями гремят. Все засмеялись.

— Не пора ли в путь? — спросил командир. — Везение нужно уважать. Волки могут вновь нагрянуть.

В крошечной темноте, держа путь на Полярную звезду, двинулись в дорогу. Шли всю ночь...

Восток сначала залился белым светом, потом розовым. Это самое холодное время суток, когда солнце начинает пробуждаться.

Двум полуослепшим путешественникам пришлось идти во главе каравана, потому что Балаян, прихватив с собой походную аптечку, сел с Никитой на нарту и начал медленно растирать ему руки.

— Такое впечатление, что ты натянул на руки белые перчатки. Уж не на бал ли собрался? — спрашивал он погрустневшего товарища.

— А ты знаешь, первый слой кожи так и остался на ракетнице, — сказал Никита.

— Думаю, что не только первый. На морозе под семьдесят градусов дотронуться до железа голой рукой — это безумие!

— Зато это безумие позволяет нам с тобой сейчас вести разговор, а не...

— Сколько их было, как ты думаешь? — спросил Зорий. — Сорок, не меньше!

— Думаю, что гораздо больше! — Лишь через несколько часов пальцы стали двигаться, но врач все растирал и растирал их спиртом.

— Ампутировать не придется, только честно? — спросил пострадавший.

— Нет. Но семь шкур слезет.

— Пусть хоть десять.

— Нет, всего семь. Хотя десять было бы лучше.

— Это еще почему?

— Чтобы каждый из нас побольше шкур взял себе на память. Твои руки спасли всех нас, — признался Балаян.

Он перевязал с разогретой мазью руки Никиты, а сам ушел вперед, сменить одного из «слепцов», как шутливо называли Женю и Володю...

В середине дня группа добралась до небольшого сельца Шестоково.

В единственном домике села, оставленного людьми, после горячего чая стали устраиваться на ночлег. Балаян накормил собак юколой и, войдя в избу, спросил:

— А чего же последние известия не слушаете? Газет уже сколько не читаете? Совсем от культуры отстанете.

Он настроил «Спидолу» на волну «Маяка». Радио передавало, что даже старожилы камчатской тундры не помнят такого мороза. Надо же было случиться, что он

разгулялся именно в те дни, когда экспедиция двигалась по тундре.

А потом они услышали информацию о своем походе. Ребята не очень вслушивались в слова диктора, каждый из них думал об одном: кто из родных и близких сейчас слушает эту передачу? И важно для них было то, что если о них говорят, значит, их поход «за последним выстрелом гражданской войны» имеет значение для истории, значит, он нужен. А раз так, то они обязательно дойдут и принесут людям яркие рассказы, новые документы, магнитофонные записи с очевидцами и участниками героического похода... Они напишут после похода новые книги — Владимир Косыгин станет первым коряком, принятым в Союз писателей СССР, Никита Михалков создаст захватывающий двухсерийный детектив о гражданской войне «Свой среди чужих, чужой среди своих», а Балаян по мотивам своего путешествия напишет несколько книг о тружениках тундры...

Им предстояло преодолеть последний перевал. Даже не перевал — небольшой подъемчик. Уже видна цель... Кажется, рукой подать. Но ноги словно налиты свинцом. Где оно, знаменитое второе дыхание на финише? Очень холодно и хочется только одного — тепла. Хочется остановиться, сесть, поспать. Те несколько минут, когда вдруг попадетсЯ хороший наст и нарта бежит легко, они ухитрялись подремать. Даже сны видели. Просыпались оттого, что надо было вскочить с нарты и столкнуть ее с кочки. И вновь засыпали, продолжая видеть прерванный сон.

Три месяца и одну неделю они находились в дороге. Не верилось, что через несколько часов они достигнут цели.

Экспедиция, организованная З. Балаяном, внесла значительный вклад в историю установления Советской власти на Камчатке. Путешественники и исследователи собрали множество документов, свидетельских показаний и воспоминаний, которые ранее не были известны. В одном из них есть описание Паланы — сегодняшнего центра Корякского автономного округа, красивого и благоустроенного села. А в 1923 году село это выглядело так:

«Селение Палан. Имеет 43 дома, 30 амбаров, 5 бань. Численность населения: взрослых мужчин — 64, женщин — 68, детей мужского пола — 66, женского — 75.

Грамотных мужчин и женщин — 25 чел. Имеется школа, учитель и учащихся 11 человек. Комячеек и союза молодежи нет. Вероисповедание православное. Имеется церковь и священник. Государственных и других учреждений нет. Занятие жителей — охота, рыболовство, животноводство. Пушнина сдается частью в отделение фирмы «Свенссон», а в большинстве случаев в кооператив в обмен на продукты питания и мануфактуру. Постоянных и заезжающих скупщиков нет. Доверенный фирмы «Свенссон» — Флетчер. Спрос на спирт большой. Имеется при устье р. Палан японский консервный завод... В пути благонадежно» (данные начальника 1-й разведпартии тов. Чубарова).

Обращает на себя внимание то, что Чубаров всегда свои донесения заканчивал фразой «в пути благонадежно». Так писал и до боя, и после боя, и тогда, когда в пути было действительно благонадежно, и когда бывало по-настоящему тревожно. Думается, что в этой фразе был особый смысл. Ведь в любом случае нужно было двигаться на север, в любом случае помощи ни от кого ждать не приходилось. Значит, вся надежда на самих себя и на местное население. А в этом смысле действительно все было благонадежно.

Отряд Чубарова двигался по следам белогвардейского атамана Бочкарева — не человека, а зверя, который собственноручно бросил в паровозную топку легендарного героя гражданской войны Сергея Лазо... «Сам Бочкарев, — читаем мы в другом донесении, — выехал в Олу на катере. С ним 11 офицеров: Фиалковский, Шевчунас... Увез с собой 10 тысяч рублей золотом... Поляков заготовил теплую одежду... В Оле Бочкарев встретился с Олафом Свенссоном, снабдившим его оружием. Генерал Поляков готовился к бегству через Чукотку на Аляску...» Донесение большое, насыщенное многими деталями, раскрывающими подлинное лицо белогвардейцев.

— Обратите внимание на одну из фамилий, — говорит мне Балаян. — Шевчунас. Этот пират, носивший на левом глазу черную повязку, был «командирован» Бочкаревым на север Камчатки, чтобы наводить там страх и ужас на местное население. Отряд Шевчунаса как бы прокладывал дорогу для всей банды, которая, учитывая наступление весны, тщательно готовилась к последнему маршу на северо-восток. На Аляску.

Недалеко от села Каменского отряд Шевчунаса был

разбит чубаровцами. Сам полковник пленен. Красноармейцы перехватили у бандита письмо, которое он собирался отправить с нарочным есаулу Бочкареву. Вот несколько строк из него, которые раскрывают методы врагов революции: «Очень прошу выслать мне 12 человек... Когда возьмем Марково и захватим Караева, Кибизова и Кузьмича (местных руководителей Советской власти), я сначала предложу, чтобы каждый из них внес определенную сумму (собственные деньги у них, наверное, есть). Это как наказание, то есть выкуп от расстрела. Когда получу выкуп, все равно расстреляю. Словом, от взятия Маркова какая-нибудь польза будет...»

Читая собранные экспедицией Балаяна документы, невольно думаешь о том, сколько бед предотвратили чубаровцы, сколько людей спасли от гибели. Ведь Бочкарев и Шевчунас не просто пробирались бы через Камчатку и Чукотку к Аляске. По пути они продолжали бы грабить, убивать, сжигать. В предсмертных судорогах бандиты были готовы на любое зверство.

Я прошу Балаяна разъяснить выражение: «Последний бой в гражданской войне», «последний выстрел в гражданской войне».

— Разумеется, и после наяханского боя слышны были выстрелы, и не только на северо-востоке, но и по всей России,— говорит Балаян.— Еще разбойничал на западном побережье Охотского моря со своей бандой генерал-лейтенант Пепеляев (который, между прочим, находился под влиянием Бочкарева). С этой бандой разгорится бой через три месяца после наяханской битвы. Даже выстрелы из кулацких обрезов в тридцатых годах можно считать последними выстрелами гражданской войны. Шолоховский Давыдов тоже был убит последним выстрелом. И все-таки чубаровцы свой исторический бой в ночь с 10 на 11 апреля вели с последним оплотом белогвардейщины, которой усердно помогали представители Антанты. Вели бой с последним лютым атаманом, у которого была настоящая армия, был штаб во главе с генералом, была мощная боевая оснащённость, радиостанция.

Позднее в архивах нашел Балаян такую запись:

«В Гижиге отряд Чубарова находился до открытия навигации. В середине июля 1923 года пришел пароход, на котором прибыл уполномоченный Камчатского облревкома. На сходке уполномоченный выступал с речью,

в которой рассказал гижигинцам о том, что в России уже много лет идет строительство нового, самого справедливого строя — социалистического, что отныне к этому строительству приступают и народности северо-востока России».

Поход на собаках по маршруту отряда Чубарова помог Зорию Балаяну узнать фамилию уполномоченного и его адрес. Позднее он встретился в Москве с Борисом Александровичем Левановым, которому шел девятый десяток, но об этом можно было судить только по паспорту. Внешне Борис Александрович выглядел лет на семьдесят. Наверное, есть нечто общее у всех участников тех далеких событий. Это какая-то молоджавость и бодрость в старости. Так, по-видимому, дает о себе знать та закалка, которую они волей-неволей получили в юности на Крайнем Севере, преодолевая невероятные лишения и испытания.

Те испытания, о которых теперь имеет моральное право рассказать Зорий Балаян — путешественник и писатель...

* * *

Итак, мы вернемся в его рабочий кабинет, где снова остановимся у карты нашей Родины. Об одном из маршрутов первопроходца мы рассказали. А теперь вопросы по трансконтинентальному переходу на моторных лодках по рекам нашей страны от Тихого океана до Атлантики. Длина перехода — тридцать одна тысяча километров.

— Больше пятнадцати лет назад четыре водителя автобусов — камчатские путешественники Виктор Царев, Анатолий Гаврилин, Валентин и Анатолий Сальниковы, изучая карту — открыли для себя, что бассейны рек Амура, Енисея, Оби и Волги своими притоками и рукавами соединяются друг с другом, если не считать нескольких водоразделов по 20—30 километров, — рассказывает Балаян. — И родилась идея... Зачем в отпуск обязательно стремиться к Черному морю, к его золотому песку и круглой гальке? Зачем? Играть в пляжный волейбол, гоняться за воланчиком в бадминтоне? Резаться в преферанс? Бесплезно лежать под солнцем и хвалиться перед друзьями качеством загара? Зачем? Ребята решили не следовать моде, а отдохнуть по-своему — ис-

пытать себя по самому большому счету: Они исходили из условий жизни на Камчатке — для людей, работающих на полуострове, полагается отпуск в 36 рабочих дней за год, но, учитывая, что проезд на «материк», как зовут Большую землю, стоит дороговато, люди предпочитают брать один отпуск в три года — следовательно, набегает четыре с половиной месяца — за это время можно только устать от отдыха и взвыть от безделья.

Если суммировать все отпускные деньги за три года — триста — четыреста рублей умножаем на четыре с половиной месяца, получается около полутора тысяч рублей, если добавить к этому кое-что из личных сбережений, то можно отправиться хоть на край света.

Почему решили идти именно по рекам?

Реки были теми дорогами, которые проложила сама природа. К походу готовились два года. Устанавливали маршруты. В библиотеке все карты наизусть выучили. Одновременно пополняли свои знания в области географии, истории, экономики. Для того чтобы узнать, как пройти из Енисея в Обь, встречались с крупнейшими учеными страны, с путешественниками, с туристами, которые уже побывали в тех местах. Мы узнали, что сто лет назад купцы прорыли канал, соединяющий две великие реки, и что этим каналом в последние годы никто не пользуется. Но изучение маршрута — не самое трудное. Мы представляли себе, что значит осуществить транспереход Тихий океан — Атлантика, готовились к встрече с тайгой, болотами, с порогами, с мелководьем, интересовались «волоком» — техникой того, как тащили суда по пути «из варягов в греки», как преодолевали путь из Онежского озера к Белому морю, когда не было Беломоро-Балтийского канала.

Сами понимаете, очень трудно было подготовить к мысли о походе наших жен — они уже привыкли, что отпуска мы проводим вместе: улетаем к Черному морю, ходим в театры, Третьяковскую галерею, в Ленинграде стоим у полотен Ренуара и Гогена. Помню даже случай, когда у нас остались деньги, мы решили слетать на Кавказ и покататься в августе на горных лыжах. Повторяю, все это было очень приятно и... скучновато. Но сила привычки часто давит на нас тяжелым прессом. Приходилось день изо дня, исподволь приучать жен к мысли, что трудности для того и существуют, чтобы их преодолевать, что если когда-нибудь и решишься дерзнуть на

сверхпоход, то лишь сейчас, ибо молодость, к сожалению, отпущена нам лишь на короткое время. В итоге жены молчаливо согласились и даже стали помогать нам.

Лодки мы конструировали сами. После работы собирались в старом сарае. Все рассчитывали сами. Делали «посудину» из дюрала, как говорится, на совесть, ибо знали: впереди нас ждут тысячи неизвестных миль. А это — четыре месяца каждодневных испытаний, встречи с Амуром-батюшкой, озером Байкал, Ангарой, Енисеем, Обью, Чусовой, Камой, Волгой-матушкой, Окой, Москвой-рекой. Это названы лишь крупные реки. А сколько их — милых, коварных, свирепых, хитрых, нежных речушек, которые не значились на больших картах?!

— Что вам запомнилось из четырнадцати тысяч километров пути?

— Помнится все, но особенно трудности. Из четырнадцати тысяч километров около тысячи мы прошли без моторов. Представляете, полноводный Амур сменяется речушкой по колено, и мы топаем по руслу реки, словно бурлаки, тащим на себе лодки. То попадаем в штормовое «священное море» — озеро Байкал. То выискиваем и наносим на карту забытый людьми Обь-Енисейский канал, которым уже сто лет почти никто не пользовался. Старый речной капитан Николай Иосифович Тычков припомнил лишь один случай:

— В 1947 году мы несколько неожиданно воспользовались каналом и перебросили с Енисея в Обь два буксира «Хасан» и «Капитан».

Канал и шлюзы, рубленные из тяжелой лиственницы, вроде бы устояли под натиском веков. Когда мы пробирались по заброшенному каналу, то не смогли найти все 9 шлюзов, 6 плотин, 6 шлюзоплотин и 2 водоспуска, построенные более ста лет назад. Как патриоты Сибири и ревностные хранители традиций, мы уверены, что со временем этот канал восстановят и для промышленного освоения недоступной тайги, и для туристов, мечтающих побывать в заповедных уголках.

Может быть, кому-то описанный ниже эпизод из походной жизни покажется незначительным, а его участники считают иначе. В 1965 году праздновался 70-летний юбилей Сергея Есенина.

— Мы очень любим его стихи, — рассказывает Балаян, — и потому стремились успеть в день рождения Есенина в село Константиново — на родину поэта. Шли по

Оке, и вдруг кончается бензин. Опоздание на один день. Казалось бы, что такое — один день! Но мы хотели побродить по селу именно в день рождения поэта... Остановили моторки. Толя Сальников побежал в ближайший колхоз (он был в семи километрах), взяв две канистры... Там он купил сорок литров бензина и один дотащил эти сорок литров до лодок. Заправились. Только запустили моторы — поломка. Ночь уже спустилась над Окой. В темноте долго возились с мотором Сальников и Гаврилин и устранили неполадку. В Константиново прибыли за полчаса до смены суток. Успели. Шли по селу радостные, гордые, а на душе так и пелось: «Эти волосы взяла у ржи, если хочешь, на палец вяжи — я нисколько не чувствую боли. Я готов рассказать тебе поле...»

Можно ли переход Балаяна и его товарищей считать спортивным?

В том смысле, как мы понимаем спорт со времен древних Олимпийских игр, дальнейшее спортивное плавание — не спорт. Классические виды спорта имеют свои определения, свои рамки и свои пределы. Дальнейшее спортивное плавание к ним не отнесешь.

Но все же переходы, подобные этому — Тихий океан — Атлантика, являются больше чем спортом. Это синтез путешествия и спорта, проявление человеческого характера и средство познать себя. Это — труд.

Дальние спортивные плавания являются кульминацией спорта — настанет время, и их назовут двадцатитридцати- или сорокаборьем. Появятся со временем свои рекорды, свои нормы.

Каждый здоровый человек сможет повторить этот переход. Но... при следующих условиях: если он не нытик, не хлюпик, не позер, если он не пьет спиртное, если он любит восходы и заходы солнца — ведь трудиться приходится от зари до зари. И еще: если будет знать моторы не хуже, чем их создатели.

Пройти тысячи километров в самом деле может каждый. Но при условии — если в каждой лодке имеется хотя бы один человек, разбирающийся в моторе не хуже самого конструктора. Даже не верится, что туристы сумели починить мотор в темноте, спеша «к Есенину». Но это был тот случай, когда еще можно было не спешить, дожидаться утра и чинить мотор при свете. А однажды Сальников ремонтировал «Вихрь» во время шторма в Каховском море. Вот чем можно гордиться! Сальников

и Гаврилин — замечательные механики. Они могли на равных спорить с конструкторами «Вихрей». В Куйбышеве на моторостроительном заводе два Анатолия вели профессиональный разговор с рабочими предприятия. Конструкторы назвали их «внештатными испытателями». На следующий год подарили им новые моторы, чтобы испытать в очередных путешествиях...

А старые моторы «Вихрь» руководство завода попросило туристов выслать на их предприятие с подробным перечнем дефектов, неполадок, с замечаниями и предложениями.

Финишировав в 1965 году в Москве, камчатцы решили продолжить маршрут в год пятидесятилетия Советской власти. Наметили маршрут: Черное море, Азовское море, Дон, Волго-Дон, Волга, Волгоград, все города-герои, Ульяновск — родина Ленина, Казань, Кокушкино. Словом, все ленинские места в Поволжье, Москва, Калинин, истоки Волги, затем волоком до истоков Днепра, вниз по Днепру, финиш в городе-герое Одессе. На пути было три моря, 15 водохранилищ, каждое из которых считается морем, десятки шлюзов. Маршрут равнялся 8 тысячам километров. Но при этом не надо забывать, что, поднимаясь снизу, Дон и Волгу путешественники прошли против течения, и эти великие реки каждый час отнимали у них по 5—7 километров. Тривиальная арифметика показывает, что маршрут удлинился приблизительно на три тысячи километров. А взять переход через Азовское море. Они прошли его за два с половиной дня.

Весь поход по рекам нашей страны — от Тихого океана до Атлантического — занял три лета и осени — 1965, 1967 и 1970 годов. Камчатцы преодолели 31 тысячу километров и финишировали в Ленинграде, пройдя по всем городам-героям (поэтому-то на карте, висящей в кабинете Балаяна, наклеены красные звездочки). За установление неофициального рекорда СССР по дальнему спортивному плаванию все участники похода были удостоены звания «Мастер спорта СССР».

Знала ли история спортивного плавания переходы, подобные этому — 31-тысячному?

В последнее время стало больше разных походов. Я не хочу говорить о сверхгигантских проплывах Хейердала, Бомбара, Чичестера. Назову лишь людей, шедших по «речной» специфике. «Микешкин» с известинцами и поэтом Е. Евтушенко, «Щелья» по Ледовитому океану.

Ребята из Новосибирска прошли частью маршрута камчатцев — от Новосибирска до Москвы. Почти на каждой лодочной станции туристам говорили о различных путешествиях, о самых оригинальных и немыслимых маршрутах. И хотя все эти маршруты являлись лишь десятой частью сверхмарафона Тихий океан — Атлантика, отчаянный поход камчатцев не стал исключением.

— Чем объяснить, что именно они замахнулись на 31 тысячу километров? Наверное, потому, что переход от океана до океана через реки двух континентов не каждому под силу с чисто организационной точки зрения. На Камчатке отпуска у рабочих в два раза больше, чем на материке, да и северные надбавки к зарплате причисляют.

— Морские и речные походы за последнее время вошли в моду. Гнались ли камчатские первопроходцы за модой, задумывая маршрут?

— В 1963 году, когда приступили к подготовке, такие гигантские переходы не были еще модны, — говорит Балаян. — А вообще, что касается моды, мы не боимся этого слова. мода всегда приходит вместе с эпохой. В тридцатые годы были популярны лыжные маршруты. В 1960 году лауреат Ленинской премии Василий Песков написал о Тихоне Худоярове, который проехал на мотоцикле от Владивостока до Москвы. Он покрыл расстояние 12 814 километров за 122 дня. Мы шли на лодках. Но, несмотря на то, что моторы «Москва» слабее ИЖа, мы сумели преодолеть 14 тысяч километров за 127 дней.

Каждое утро мы просыпались в четыре утра — и в путь! Нас ждали каждый день 200—250 километров.

Нам до сих пор не верится, что мы прошли всю Волгу и весь Днепр. Впечатление от этих рек сверхнеожиданное: после Калинина, в верховьях, Волга, оказывается, не судоходна. Мы, как бурлаки, протащили на себе лодки от истоков Волги к истокам Днепра. И снова неожиданная встреча. «О, Днепр, Днепр, ты велик, могуч», — поется в песне. А мы перепрыгивали через маленький ручеек. Это был еще не могучий и полноводный Днепр, а «днепренок».

Думали ли мы, что на свете есть такие чудеса? Вот вам и ответ на вопрос: «Получили ли мы удовлетворение и в чем оно выражается?»

Слушаю Зория и листаю уникальный в своем роде

альбом в черном переплете. В нем коллекция, собравшая разноцветные печати городов, городков, поселков, населенных пунктов от Камчатки до Москвы — простые отметки, что туристы прошли тот или иной населенный пункт. Сто одиннадцать печатей. Практически такой журнал аргонавтам не был нужен, ведь никакого официального отчета от них не требовалось, а суточных им никто не платил. Этот альбом был куплен, когда один из товарищей сказал: «Вот вы пройдете по рекам страны от Камчатки до Москвы, а вам даже родные не поверят...»

Уходил я из квартиры Балаяна вьюжным зимним днем. Старожилы уверяли, что такой зимы в Ереване они не помнят лет сорок, винят во всем циклоны и антициклоны. «Столько снега привез с Камчатки я, — улыбался Зорий Балаян. — Но никто в Армении этого не знает».

Ереван, гордый от древности и молодости, красный от туфа, хрупкий от стекла, почему-то напомнил мне город солнца Кампанеллы. Город, которому снег не к лицу. Неожиданно увидел табличку: «Дом-музей М. С. Сарьяна». Вошел. Кажется, это было единственное во всем Ереване место, где в тот день было много света и тепла, богатства чарующих красок. Так много того настоящего, что называется солнечной Арменией. Не отрываясь от полотен великого художника, неожиданно вспомнил его слова, занесенные в походный дневник З. Балаяна в графы «убыл-прибыл».

Сарьян писал: «Желаю удачно завершить свой фантастический переход на лодках и рассказать нам о впечатлениях, радостях на далеком пути. Желаю вам здоровья и счастья для завершения этого по-юношески задорного замысла».

До сих пор Балаян еще не создал полной книги о своем трансконтинентальном переходе. Почему?

— Все время ловлю себя, что много в рукописи местоимений — «я», «мы»... Раз в тридцатый переделываю книгу. А конца и краю не видно. «Я, мы, свои, твои»...

— Так ли это плохо — «я», «мы»? — спросил у писателя, врача и путешественника. — Речь ведь идет о конкретном походе, о живых людях. Кто вас упрекнет в нескромности... Задумайтесь, о чем лирика Лермонтова?

НАД НАМИ — АРКТИКА

Тех, кто видел своими глазами подводную Арктику, — единицы. Фотографий — всего несколько. Киноматериалов — ни одного метра. Так было...

А вот 8 мая 1977 года после шестичасового полета над Северным Ледовитым океаном, над его трещинами и мрачными черными разводьями под крылом самолета Ан-24 на белом снегу показались черные точки домиков, арктических палаток, антенны аэрологической и метеорологической обсерваторий. Самолет сделал круг и пошел на посадку. Вот она, долгожданная дрейфующая станция «Северный полюс-23». Айсберг, давший ей приют, был неморского происхождения. Сверху льдина показалась плоской. Площадь айсберга — это было известно заранее — двадцать квадратных километров, толщина льда до девяти метров. Лед ее почти пресный, пригодный для питьевой воды. Этот «кусочек льда» оторвался от большого ледника где-то в районе Земли Элсмира в Канадской Америке и поплыл по океану, обреченный на «умирание» — медленное таяние. Но советские полярники вовремя заметили его во время ледовой воздушной разведки, «оседлали» и воспользовались им, как кораблем, для проведения научных исследований. Был на айсберге и свой аэродром. Сейчас он готовился принять героя этого очерка.

Зимовщики СП-23 ждали пиломатериалы, о которых их извещала радиограмма из поселка Черский. Когда люк-челюсть самолета опустился, на лед стали выгружать... акваланги, киносъёмочную технику, портативную электростанцию. Вслед за грузом готовились появиться два сияющих от счастья кинематографиста — режиссер и оператор Владлен Крючкин и его помощник — инженер по кинотехнике Илья Могилевский.

Оператор уже жил своим фильмом. Не теряя времени даром, он решил сразу же начать съемку картины, в которой, кроме названия «Над нами — Арктика», ничего еще не было, сценарий не был даже написан, а рождался по ходу событий. Итак, сейчас будут отсняты первые кадры... Впрочем, о них лучше расскажет сам Владлен Крючкин:

— Еще секунда, и покажется голова одного из полярников, в меховой шапке, с изморозью на усах и бороде. Улыбаясь, он скажет: «С при-ез-дом!» — и у меня на пленке останется волнующий момент первой встречи с полярниками дрейфующей научно-исследовательской станции «Северный полюс-23».

Но через объектив вижу черную лохматую собачью голову, затем еще одну — белую... Слышу радостное повизгивание, и, наконец, один из ворвавшихся в самолет лизнул сначала меня, потом объектив, и я выключил камеру. Передо мною неистово прыгали и визжали от радости два пса — один черный как ночь, другой белый как снег. Позже я узнал их клички: черного звали Мишкой, белого — Белкой.

Это зрелище поразило меня. Я никогда не видел, чтобы собаки с такой страстью встречали самолеты и так ловко влезали в них по трехметровой лесенке, по которой и человеку-то взбираться неудобно.

Я спустился на лед, и меня окружили еще несколько псов самых разных мастей. «Зачем они здесь? Столько? — подумал я. — Ведь на СП давно не ездят на собаках. Зачем держать такую свору? Кормить? Лишние заботы».

Но скоро мое отношение к здешним собакам резко изменилось...

Со временем изменится отношение не только к Мишкам и Белкам, но и к самой Арктике. Если раньше Владлен относился к Северному полюсу возвышенно и романтично, если раньше в его представлении об Арктике было много наносного, книжного, песенного, кинематографического, словом, много бутафории и мало людей, которым вовсе не хотелось бы быть романтиками, потому что это тяжело — быть романтиком, оттого что это холодно — быть романтиком, это, кроме всего, и опасно: белые медведи, разлуки по году, испытания верности. Владлен Крючкин всегда отличался строгостью по отношению к себе, держал себя в жестких рамках дисципли-

ны, не позволяя себе отвлекаться от работы ни на что, кроме подводного плавания и горных лыж. Но и то же подводное плавание он использовал, чтобы добиться успехов в операторской работе, чтобы снимать под водой так, как никто, кроме него, и не умел бы снимать. Владлен получил права профессионального водолаза, пробыл под водой более тысячи часов на Черном, Азовском, Белом и Баренцевом морях. В океане же, да еще в Северном Ледовитом, да еще подо льдом, ему бывать не приходилось. Но мечта первым в мире спуститься с кинокамерой под лед и снять картину с интригующим названием «Над нами — Арктика» не давала ему покоя несколько лет. Он знал: ни одна киноэкспедиция в мире еще не отважилась на съемки подо льдами. Правда, в газетах промелькнуло сообщение, что великий путешественник и ученый Жак-Ив Кусто собирается в 1979 году погрузиться под лед в районе Северного полюса и снять цветной фильм.

Владлен Крючкин решил опередить знаменитого француза. На его счастье, как раз в это время на станции «Северный полюс-23» работал отряд ученых-гидрологов «Природа» — Владимир Грищенко, Николай Шестаков и Геннадий Кадачигов. Каждый из них накопил большой опыт арктических погружений с аквалангом, причем в глубь океана спускались даже темной полярной ночью. Эти ученые, можно сказать, стали родоначальниками особого раздела науки — подводного ледоведения. Их труд — часть больших комплексных исследований по изучению взаимодействия системы атмосфера — лед — океан.

Изучать ледовый остров очень интересно. Отряд «Природа» уже отметил своеобразный характер айсберга. Оказывается, ледовый остров летом может двигаться, как корабль, оставляя за собой чистую воду. Слово мощный ледокол, он способен ломать океанский лед, ибо сам пресноводный айсберг в десятки раз толще соленого льда.

За всю историю полярных исследований лед традиционно изучали сверху, проводя наледные исследования, аэрофотосъемки, ледовую воздушную разведку. Но ведь лед большей своей частью находится под водой. Ледовый покров в Арктике занимает около 12 миллионов квадратных километров, он оказывает влияние на формирование климата всей планеты. Недаром же Арктику

называют «кухней погоды». За десятки лет существования полярных станций наука о ледовом прогнозировании достигла значительных успехов, но все же до сих пор не создано таких совершенных приборов, которые позволили бы составить точную характеристику поведения нижней части льдов, скрытой от глаз человека. Чтобы ликвидировать этот научный пробел, в Арктическом и антарктическом научно-исследовательском институте была создана группа ученых-аквалангистов. Тринадцать лет назад Владимир Грищенко первым спустился с аквалангом под лед. Было это жарким летом, когда на станции СП-19 солнце настолько разбушевалось, что по льдине побежали не просто ручьи, а полноводные реки...

В 1975 году Грищенко впервые ушел под лед полярной ночью. Он и Кадачигов почти ежедневно погружались под льды океана, чтобы изучать подледные течения, смотреть, как они воздействуют на пресноводный айсберг, следить за скоростью нарастания льда под водой в различное время года. Словом, весь процесс образования и торошения льда был перед глазами ученых.

Каждый раз, возвращаясь из-под льда, ученые составляли подробнейшие описания погружений. «Мы же не только нырять сюда приехали, — сказал мне перед одним из трехсот своих погружений Грищенко, — нам важно увлечь своим примером почти всех зимовщиков. Кстати, начальник станции Павел Тимофеевич Морозов, пройдя у нас специальные тренировки, спустился однажды под лед. Нужно было видеть, каким восторгом светились его глаза, когда он рассказывал об увиденном внизу. Человек, который был начальником пяти станций «Северный полюс» и первым начальником антарктической обсерватории «Молодежная», ученый-гидролог, всю жизнь изучавший лед с поверхности, признался нам: «Спортсмены восполняют пробел, который создавался годами. Поле для творческой деятельности ученого, овладевшего аквалангом, практически безгранично, как безграничен океан».

В мире вряд ли наберется два десятка человек, которые могли бы сказать о себе: «Я парил среди ледяных ущелий, среди гор, уходящих вершинами вниз». Я был на станции «Северный полюс», когда Владлен Крючкин прилетел для съемок документального фильма «Над нами — Арктика». Вместе мы наблюдали за работой отважных полярных исследователей — ученых-аквалангис-

тов «Природы». Для них погружения под лед — дело привычное. Они привыкли к подводному миру — царству хаоса и гармонии. Работают подо льдом и забывают, что над их головами — плотная броня айсберга толщиной в 5, 10 и даже 30 метров. А внизу — пропасть и где-то там, на глубине трех километров, — дно океана...

Вот об этих пионерах ледоведения и пытался снять кинофильм Владлен Крючкин. Приступить к работе сразу не удалось. Три недели ушло на устройство, акклиматизацию. Двадцать дней на приготовление «двери в Ледовитый океан», через которую можно было бы спускаться для подводных съемок. Дело в том, что хотя полярники и находились посреди океана и под ними были миллиарды кубометров воды, добиралась до нее совсем не так просто. Чтобы пробиться к воде сквозь толщу ледяного острова, надо было затратить немало усилий. Ежедневно в течение более полумесяца энтузиасты мотопилой выпиливали во льду блоки, опускаясь все ближе и ближе к воде. Они поднимали около двадцати тонн. Когда до воды оставался всего один метр, лед взорвали. Над открытой майной поставили круглую арктическую палатку, провели свет, установили баллон с газом для обогрева аквалангистов.

Первое погружение Крючкина было не из приятных. Температура морской воды — минус два градуса. Водолаз надел два комплекта специального теплого белья, поверх — гидрокостюм, который неудобен и тяжел — около двадцати килограммов свинцовых грузов, за спиной приладил трехбаллонный акваланг, на пояс повесил тяжелый водолазный нож, в руках держал съемочную камеру, заключенную в специальный бокс...

— Выхожу под лед и удивляюсь: кругом — полная темнота, — вспоминает Крючкин. — Почему-то все пасмурно, нерезко. Как же тут снимать? К тому же страховочный конец путается. Из этого состояния меня вывел голос обеспечивающего: «Протри маску, Владлен». И действительно, когда я это сделал, передо мной открылась поразительная по красоте картина: ледяные горы, обращенные вершинами вниз, впадины, покрытые удивительными кристаллами, пещеры, гроты...

Прозрачность воды была настолько высокой, что Володя Грищенко казался висющим в воздухе.

...Текли дни, недели, месяцы напряженной работы. Позади десятки часов, проведенных подо льдом. Стал

вырабатываться профессионализм... Настало полярное лето. Такой «жары» — плюс пять градусов по Цельсию — не было со времени папанинской экспедиции. Льдину заливали потоки талой воды. Стало легче со светом. Солнце не уходило за горизонт. Работать можно было круглые сутки.

И все время я был в напряжении, потому что понимал: если сниму не так, потом не поправишь, не переделаешь.

Вода прогрелась всего на 0,3 градуса, но этого оказалось достаточно, чтобы активизировалась жизнь океана. Появилась масса микроорганизмов. Ускорился процесс таяния льда, подводный рельеф менялся на глазах...

Мы снимали без усталости, погружаясь под лед вместе с биологами по два-три раза в день. Нам удалось запечатлеть на пленку неповторимый мир подледной флоры и фауны — светящихся медуз, рачков, рыбок, колонии редких водорослей, возможно, неизвестных ранее видов.

Но вот весна сменилась полярной осенью, наступил сентябрь. Лучшая пора для натуральных съемок в Арктике. Солнце висело над горизонтом почти у земли.

Появились фантастические явления природы. Это солнечные рефракции, полярные миражи, северные сияния. Словно соревнуясь в красоте и необычности, покоряли они наше воображение.

Первая рефракция поразила нас особенно. Представьте, во второй половине дня, ближе к вечеру, вдруг появилось сразу три солнца. От каждого из них вверх поднимались светящиеся столбы, словно огненная лава вырвалась из трех вулканов... Опытные полярники рассказывают, что видели одновременно пять солнц.

А однажды в вышине — яркий малиновый столб. Он занял полнеба, потом побежал по горизонту и минут через 40 исчез.

Еще из школьных учебников знал я, что миражи бывают в пустыне. Но увидел мираж в Арктике. Неожиданно среди дня перед нашей станцией на полгоризонта встала столбообразная стена и стояла в течение нескольких часов. Создавалось впечатление, что наш айсберг уперся в другой гигантский айсберг...

А какое непередаваемое зрелище — северное сияние! Не спали ночами, боясь пропустить эту красоту. Стоя

под таким сиянием, любой самый известный живописец почувствовал бы себя обыкновенным маляром.

Мы не расставались с кинокамерой даже тогда, когда была наша очередь дежурить по станции...

Вместе с учеными отряда «Природа» Владлен совершил десятки погружений, пробыв подо льдом Северного Ледовитого океана сотни часов. Не буду говорить, какого титанического напряжения потребовала от оператора съемка под водой, среди вечной тьмы, работа со специальной кинокамерой... Полгода Крючкин, привязанный сигнальной веревкой к «входу в океан», спускался под лед и вел волнующую киноленту трудовых будней полярников. Над головой режиссера-оператора была Арктика, бесконечная, коварная и вовсе «не отогретая». А сигнальная веревка, словно нить Ариадны, показывала ему обратный путь из холодного лабиринта подводных гор.

Большую помощь киноэнтузиасту оказали кандидат географических наук Владимир Грищенко, гидрологи Николай Шестаков и Геннадий Кадачигов, кандидат биологических наук из московского Института океанологии Игорь Мельников. Они — полноправные соавторы картины, которая рассказывает об изучении нижней поверхности льдов Арктики, о которой, как это ни странно, мы до сих пор знаем не больше, чем об обратной стороне Луны. А ведь 80 процентов льда скрыто под водой.

«Коварный рафинад» — основной объект исследований — друг и союзник, и одновременно враг... Он живет, он изменяется в каждый момент времени. Вот айсберг откололся от Канадского архипелага. Он, если можно так сказать, в полном расцвете сил... Но многолетний дрейф по океану — это постепенное таяние, «умирание». Айсберг тает даже в 30-градусные морозы. Мощный поток холода, пробиваясь сквозь метровую толщину, гаснет, а течения делают свое дело — смывают частицы с нижней поверхности, формируют подводный рельеф льдины... Я присутствовал лишь при двадцати погружениях ученых, но знаю, как небольшой цилиндр льда, выпиленный на глубине 30 метров, помогает гидрологам разгадать историю льдины, определить условия, в которых она рождалась, установить ее возраст. Все эти сведения необходимы для комплексных наблюдений за сложными процессами взаимодействия системы атмосфера — лед — океан. Я знаю, что данные аквалангистов

во многом помогли морякам, которые в 1977 году провели к Северному полюсу атомоход «Арктика», а через год прошли высокими широтами из Баренцева моря в Берингово на атомоходе «Сибирь».

Лед — союзник аквалангистов, но лед — одновременно и враг. Расскажу лишь один эпизод, действительно волнующий, который заставляет пережить все происходящее со спортсменами, как свое испытание... Во время одного погружения Геннадий Кадачигов, увлекшись исследованиями, не сразу заметил, что над головой началась подвижка льдов. Сигнальный фал заклинило. Воздух в акваланге оказался на исходе. Вернуться в прежнюю лунку не представлялось возможным...

Аквалангист не появлялся очень долго. Потерял ли Гена луч света? Или его снесло течением? И никто не мог помочь человеку под водой, хотя рядом и находился кинооператор Крючкин, но не мог же он отдать Кадачигову свой акваланг.

Вновь и вновь прослушиваю магнитную ленту, записавшую драматическую сцену погружения Кадачигова.

— Гена, твоя очередь идти на полигон, — говорит руководитель работ Грищенко. — Завидую тебе — подо льдом все же спокойней, чем на поверхности.

Крутится лента магнитофона.

— Хорошо меня слышишь? — спрашивает Грищенко.

— Отлично, — слышится из океана голос Кадачигова. — Потрави сигнальный конец. Не жадничай.

— А ты не спеши. Не давай фалу провисать, внимательней будь...

— Понял тебя. Спасибо. Выхожу на полигон.

— Гена, как там — все ли цело?

— Сейчас проверим.

— Подойди к фоторегистратору. Как там твои прокладки, держат?

— Раз мои, значит, держат, — шутит Кадачигов. — А вот спуск что-то заедает. Твоя конструкция... Ну вот, теперь все нормально. Поплыл дальше...

— Где ты сейчас находишься? — спрашивает руководитель погружения.

— Я, что ли? У шестого датчика.

— Гена, пора заканчивать. Сорок минут работаешь.

— То-то я проголодался.

— Будем поднимать тебя.

— Сейчас, — отвечает Кадачигов.

И вдруг я слышу грозный гул, зарегистрированный чуткой лентой. Очевидно, этот шум заставил насторожиться и Кадачигова подо льдом.

— Что там за представление? Гул-то какой, слышите? Вот опять...

— Недалеко отсюда подвижка льда. Но у нас все нормально. Давай наверх!

— Погоди, тут... Что такое?.. Заклинило.

— Что-что? — тревожный голос Грищенко.

— Сейчас! — отвечает Кадачигов. — Не идет сигнальный конец. Зацепился. Примерз он, что ли? Подергайте наверху. Вернуться по фалу не могу. Воздух на исходе.

— Спокойнее, — говорит Грищенко. — У тебя воздуха на четыре минуты. Будешь выходить через запасную лунку — ту, из которой в воскресенье белый медведь выплыл... Опускаем мигалку. Увидишь свет — отрезайся и выходи...

— Все понял. Мигалку пока не вижу.

— Теперь видишь?

— Нет.

— Отойди от выступа. Ледяная гора мешает. Отойди, отойди...

— Видишь?

— Не вижу. Воздуха не хватает. Не вижу.

— Опустись глубже.

— Есть! Вижу! — кричит Гена.

— Режь! — командует Володя.

— Режу!

Это последнее, что я слышу по магнитофону. Потом Гена рассказал, что он потерял свет мигалки. Понял, что мешает еще один ледяной выступ. Оттолкнулся и поплыл в глубину. Лишь на последних глотках воздуха увидел свет в лунке...

А на следующий день Гена снова пошел под лед. На этот раз аквалангисты разрешили мне, журналисту, присутствовать при погружении, так сказать, на месте события. И я еще раз убедился, насколько неразделимы исследования и спортивные показатели. Сейчас невозможно добыть научный материал, не овладев навыками подводного плавания.

Сажу над лункой, в которую только что ушли Кадачигов и Игорь Мельников, свечу ребятам в глубину. Слушаю запись подводных телефонных переговоров.

— Володя, передай Игорю, пусть плывет ко мне, —

говорит Кадачигов. — Тут такое... Я не могу сам разобраться. Как будто не известное науке животное... О, да здесь целый зоопарк... на креветок похожи. Зови Игоря.

— Игорь, слушай меня, — координирует действия двух аквалангистов Грищенко. — Подойди к Геннадию. Он нашел что-то интересное для тебя.

— Скажи Кадачигову, чтобы он ничего не трогал, — слышится взволнованный и радостный голос Мельникова. — Только глазами пусть смотрит.

— Понял... Не трогаю... Спокойно смотрю и снимаю фотоаппаратом, — говорит Кадачигов.

— Не спугни, — просит Грищенко.

Для нас, ожидающих наверху, время тянется медленно. В лунку опущен электронагреватель, чтобы вода не замерзала при морозе 30 градусов. По телефону Игорь ведет репортаж из глубины океана. Крутится кассета магнитофона, записывая его слова. Но инженер-ихтиолог Владимир Циновский, не очень-то доверяя технике, работающей на морозе, карандашом стенографирует наблюдения товарищей...

Потом Игорь выбирается из лунки, снимает оранжевый гидрокombineзон. На морозе в сорок градусов костюм моментально покрывается коркой льда. А до палатки аквалангист добредает, скованный ледяным тулупом. Греется возле электрокамина. Затем ученые собирают аппаратуру, грузят ее в сани, прицепленные к снегоходу «Чебурашка», и, оглашая арктическую тишину треском мотора, едут в лабораторию.

— Были ли у вас лично опасные моменты во время работы под водой? — мой вопрос к оператору Крючкину.

— Как-то я находился в океане на большой глубине, вдруг прекратилась подача воздуха. — Говоря это, Владлен заново переживает те мгновения. — Еще 2—3 секунды — и жизнь моя могла кончиться. По телефону кричу: «Поднимай!» — а сам думаю: только бы не запутаться в ледовых лабиринтах... К счастью, все закончилось благополучно. Отдышался, выкинул лед из шланга — и снова за киносъемку.

Вообще-то работа внизу, подо льдом, считается более спокойной, чем наверху. Когда остаешься на страховке и у тебя в руках сигнальный конец от фала, указывающего обратный путь, нервы напряжены до предела. Ведь от тебя зависит безопасность того, кто находит-

ся подо льдом, в океане... Внизу заботы другие...

— А наверху? Припомни, пожалуйста, случай наиболее волнующий, когда вы убедились, что Арктика остается Арктикой, хотя, кажется, и изучена основательно.

— Однажды перед выездом на выносную точку, где в трех километрах от станции у небольшого разводя была устроена база для проведения подводных кино-съемок, неожиданно забарахлила камера. Ученые, не дожидаясь нас, на мотосанях с грузом — аквалангами, научной аппаратурой, продуктами — вышли вперед. Спустя какое-то время камера была починена. Мы взяли у дежурного по станции разрешение на выход, сложили всю кинотехнику на легкую волокушу и, прихватив ракетницу и карабин, тронулись в путь.

Погода в этот день была прекрасной: ярко светило солнце, на небе не было ни облачка. Но когда до выносной палатки ученых оставалось не более километра, все вокруг заволокло туманом. Исчез и дрейфующий остров, обычно резко выделяющийся среди ослепительно белых молодых льдов своим грязно-серым цветом. Исчезло солнце, по которому можно было сориентироваться...

Крючкин стоял на высоком торосе и всматривался в горизонт. Какой хаос был перед ним! Внешне все казалось недвижимым, застывшим, молчаливым. Но в этом беспорядочном восторошенном пространстве чувствовалась скрытая сила, способная в любую минуту привести все в движение, поглотить все чужое... Он ощущал Землю впервые такой, какой она представлена в школьных атласах. Круглой. Ему даже казалось, что горизонт скруглен по краям. Он почувствовал себя маленьким оловянным солдатиком, поставленным на огромный глобус.

Неожиданно из-за спины надвинулось море тумана. Киношники не могли понять, что случилось. Стали вертеться вокруг торосов и потеряли ориентировку. Этого еще не хватало...

— Илья, дай две красные, — попросил Крючкин Могилевского, надеясь, что туман стоит невысоко и свет будет виден на расстоянии.

Красные ракеты с шипением исчезли в тумане. Тишина. Крючкин дал выстрел вверх из карабина, но в ответ ни звука. Прошли немного вперед. И еще выстрелил... Единственным выходом было ждать, пока рассеется туман,

Часа через два туман начал исчезать. Когда растаяли его последние клочки, в пятистах метрах показалась палатка. Они радостно впряглись в волокушу и двинулись к ней. Но по мере того как приближались к темнеющему пятну, становилось ясно, что это не палатка, а тень от тороса.

Выбрав самое высокое место среди нагромождений льда, они поискали глазами антенны дрейфующей станции. Но напрасно вглядывались в горизонт — во всей округе не было ни одного ориентира. Казалось, их окружал совершенно незнакомый ландшафт.

Несколько раз почудилось, что видят не только палатку, но и накачанную резиновую лодку рядом с ней, фигурки людей. Но стоило прибавить шаг, как вскоре выяснялось: это опять тени от нагромождений льда.

Стало ясно: они заблудились окончательно.

— Надо было взять с собой собак, — голос Могилевского прозвучал откуда-то из глубины. Глухо. — С ними было бы проще.

Надо было как-то определиться и вернуться на станцию.

Когда они выходили с СП, знали, что станция по отношению к выносной палатке находится на юго-востоке. Но где она сейчас? За день айсберг несколько раз меняет направление дрейфа. Тут и солнце не поможет определиться. По отношению к нему ледовый остров тоже меняет направление. Прошло уже шесть часов, как они вышли с СП. По их предположениям, отклонились от выносной точки куда-то к западу и за это время удалились от нее километров на шесть-семь. И, если допустить, что дрейфующий остров в этот день менял направление незначительно, станция по отношению к ним должна находиться где-то на юге. Но как поточнее это определить? Компас мог только ввести в заблуждение.

— Я вспомнил старый способ определения направления на юг, которому нас учили в школе: по солнцу и стрелкам часов. Сверили полученное показание с компасом — расхождение было большим, — говорит Крючкин. — Мы почему-то отдали предпочтение данным, полученным школьным способом. Взяв за основу наше направление на юг и внося поправку, решили, что вряд ли пройдем мимо дрейфующего острова площадью 20 квадратных километров. И мы пошли на юг.

Стоял первый месяц полярного лета — июль. Идти с

волокушей было жарко. К тому же очень хотелось есть.

— Илья, ты сырое мясо ешь? — Я показал карабином в сторону ближайшего развода, где высунула мордочку любопытная нерпа.

— Бесполезно, — вяло прореагировал Могилевский. — Если и убьешь, не достанем. В это время у нее еще мало жира. Утонет.

Прошло еще часа два. За это время мы продвинулись к югу километра на три. На СП нас вряд ли еще хватились. Дежурный по станции думает, что мы на выносной точке, а там ребята уверены, что мы на станции.

Мы пробирались через трещины и разводья и нерпы следили за каждым нашим шагом.

— Много нерпы — жди медведя! — сказал Илья, словно отрезал.

Могилевский будто накаркал: метрах в пятидесяти, прямо по ходу нашего движения я увидел белого медведя. И встал как вкопанный. Илья, еще не видя зверя, продолжал тянуть волокушу.

— Ты что, устал? — Он не мог понять, почему я остановился.

Когда Илья увидел зверя, он тоже замер на месте.

Это был большой красивый зверь. Рука невольно сжала карабин. Но стрелять я не стал. Каждый, кто видел белого медведя не в зоопарке, а в Арктике, один на один, помнит, как заходит в сердце, и ты, испытываешь страх, не выстрелишь, не убьешь это прекрасное животное, а постарайся разойтись с ним, потому что он у себя дома, ты же у него в гостях. И потом еще долго будешь с трепетом вспоминать этот случай. Так пусть же и через сто лет наши потомки испытают подобное чувство!

Воистину сила сильного не в применении силы, а в сдержанности. Мы разошлись с медведем. Но вряд ли он оценил наш красивый жест. Просто был сыт: посмотрев на нас с безразличием, пошел своей дорогой, даже не замедлив шага. Хорошо, что было лето. Зимой такой с пути не свернет...

А Впрочем, кто его знает. Обладая огромной силой, не лишенный любопытства, белый медведь, привлекаемый незнакомыми запахами, запросто может взломать жилое помещение, угрожая жизни людей, уничтожить запасы продуктов, повредить оборудование станции. Вот

тут-то в подобных случаях на помощь людям частенько приходят собаки.

Из всех добрых слов, которыми человек наделил домашних животных, самые теплые достались собаке: «меньший брат», «четвероногий друг», «преданный друг»... И собака заслужила эти слова. Недаром на земле ей поставлено столько памятников: за спасение жизни человека при пожаре, в лавиноопасных горах, на войне, за участие в научных экспериментах, за помощь человеку в быту... Но вот появилась еще одна сфера человеческой деятельности — полярная, в которой помощь собак оказалась крайне необходимой и весьма существенной. Собаки — участники дрейфа всех полярных станций, начиная с СП-1.

Полярные собаки не могут похвастаться происхождением, подбор их, как правило, случаен: обычно зимовщики прихватывают бездомных дворняг с последнего пункта на материке. Но своей преданной и бескорыстной службой эти собаки доказали, что заслужили место в первом ряду собачьего рода.

И прежде всего своей преданностью. Если бы не Малыш, то, наверное, мы бы сегодня не беседовали.

А тогда я смотрел на Могилевского и не мог понять, что с ним: сняв шапку, он вытянул шею и вертел головой по сторонам.

— Что с тобой, Илья?

— Сними шапку, — вместо ответа сказал он. — Послушай!

Я снял ушанку и сразу ясно услышал отдаленный лай собаки.

— Дай бинокль! — почти крикнул я и приник к окулярам. В направлении несколько левее нашего пути, метрах в четырехстах, я увидел собаку.

Стоя на высоком плоском торосе, она отчетливо выделялась на фоне неба. Я узнал ее. Это был Малыш, один из самых моих любимых псов на СП-23. Илья тоже любил Малыша. В домике у нас всегда для него было припрятано мясо. Иногда мы с Ильей расчесывали спугавшийся густой рыжий мех его, и Малышу это нравилось.

...Не знаю, кто больше прыгал от счастья — мы с Ильей или пес. Он умудрился лизнуть нас обоих в лица, а я на радостях поцеловал Малыша в морду.

Мы были уверены, что за собакой появятся люди, но

Малыш был один. Тогда, ориентируясь по его следам, мы пошли в ту сторону, откуда пришла собака.

Часа через три среди белых ледяных полей мы увидели наш плоский, серый, как облако, айсберг. В бинокль можно было рассмотреть тоненькие ниточки радиантен...

Позже выяснилось: мы правильно пошли на юг, но, пока плутали, наша льдина изменила направление дрейфа, и мы вышли к ее самой узкой трехкилометровой части. Не будь Малыша, мы прошли бы станцию стороной. Мы были спасены, и спасены собакой, простой и беспородной дворнягой.

Она родилась на СП и даже не знает, что на свете есть земля, лес, горы, трава... Под ее лапами всегда был только один лед...

Именно на СП Крючкин задумал снять кинокартину о сибирских собаках — лайках и дворнягах, которые делили с полярниками все невзгоды, везли на Южный полюс Руаля Амундсена и обеспечили ему победу над англичанином Робертом Скоттом, который больше надеялся на пони. Ездовые собаки — самый дорогой вид транспорта на планете. Упряжка собак — это еще не изученный мир взаимопонимания животных. Владлену еще много раз придется приезжать на Север, чтобы сюжет за сюжетом снимать фильм. А сделать его он обязан, потому что никогда не мог забыть тот миг, когда Малыш прибежал к нему на помощь...

Арктика. Кого не манили ее ледяные просторы. Более 70 лет назад американец Роберт Пири штурмовал Северный полюс на собаках. Он признался, что «в Арктике шансы всегда против исследователя», но все-таки эта работа «достойна настоящего человека...»

Сегодня исследователям Арктики не знакомы многие трудности первопроходцев. Их экспедиции оснащены современным оборудованием. Но остался дух, неиссякаемый энтузиазм первооткрывателей.

Пришла пора и Крючкину покидать Северный полюс. Он увозил на материк свыше 11 тысяч метров уникального киноматериала и незабываемые впечатления от Арктики, ее мужественных, увлеченных людей.

В народе говорят: чтобы правильно прожить жизнь, надо посадить дерево, построить дом, воспитать ребенка...

Я бы добавил — и поработать на Северном полюсе!

Кинофильм «Над нами — Арктика», снятый режиссером и оператором Владленом Крючкиным, получил несколько призов на международных фестивалях: в Каире он удостоен диплома конгресса Ассоциации научно-популярных фильмов, в Париже отмечен дипломом технического конгресса за лучшую операторскую работу. Месяцы полярной вахты даром не пропали. Как тут не вспомнить мудрые слова великого итальянского путешественника Марко Поло: «Долгие хождения не могут иначе яко на пользу быть!..»

* * *

Чуть отогрелся Владлен Крючкин в Москве, съездил в свои любимые горы, на головоломных трассах слалом и спуска послушал мелодии скорости, отснял несколько географических сюжетов в разных уголках страны и вдруг снова почувствовал: беспокойно на душе, рвется куда-то его сердце... Жена заметила это волнение: «Снова куда-то надолго собираешься? Не сидится дома?»

Он совершенно искренне ответил: «Никаких предложений не поступало — снимаю цветочки, птичек. Счастлив необыкновенно...»

И по тому, как он произнес это «счастлив необыкновенно», Галя поняла: «Ему, непоседе по складу своего характера, никогда не будет спокойно в квартире. Он даже не отдает себе отчета, почему коварная туша айсберга дороже для него, чем песчаный пляж Феодосии, в которой прошло его детство. Ему нужен этот далекий Север. И чем только он околдовал человека? Впрочем, я знала, за кого выходила замуж...»

А Владлен, глядя на жену, думал: «Любого мужчину, побывавшего на Севере, всегда будет тянуть туда. Здесь мужчина чувствует себя мужчиной, способным выжить в экстремальных условиях. Женщинам Север менее показан. Да и бывает их в Арктике маловато — в основном, жены полярников. Да лыжницы «Метелицы», кажется, постоянно прописались во льдах... А что касается меня, то дорогу я выбрал окончательно и перекрестков на ней не признаю. Почему он зовет меня снова, этот Север? Наверное, потому, что уже не первый год мечтаю об экспедиции, которая пройдет путем русского казака Семена Дежнева. Кажется, я даже знаю, каким видом транспорта надо пользоваться... Что та-

кое — открытие Дежнева? Его смело можно поставить в пятерку крупнейших географических открытий XV — XVII веков: достижение итальянцем Колумбом неизвестного материка — Америки; открытие португальцем Васко да Гама пути из Атлантического в Индийский океан; обнаружение экспедицией португальца Магеллана пролива из Атлантики в Тихий океан; открытие голландцами пятого континента — Австралии и, наконец, подвиг Семена Дежнева, прошедшего в 1648 году из Ледовитого океана в Тихий. Наш соотечественник — в ряду самых великих первооткрывателей. Вот бы сейчас, имитируя условия похода казаков, пройти их маршрутом! Кстати, и название картины (самое трудное, что есть на свете) пришло само: «Подвиг Семена Дежнева...»

Если человек «заболел» Севером, то это — неизлечимо. Воспользовавшись предложением, Владлен уехал в Ленинград, чтобы проконсультироваться у доктора исторических наук Михаила Ивановича Белова, видного ученого (кстати, раскапывавшего в свое время легендарную Мангазею). Белов сказал: «Казак Семен Дежнев никак не пробьется на киноэкран. А почему? Фильм о нем надо снимать в условиях, максимально приближенных к реальным. Не всякий режиссер и оператор согласится терпеть невзгоды ради какого-то кадра, который займет в картине пять-десять секунд...»

Владлен засел в архивы и библиотеки. Он изучал эпоху великих географических открытий, историю покорения Арктики. День за днем перед ним открывалась картина борьбы за крупницы знаний... Вот что писал об этом в своей книге «Фрам» в Полярном море» знаменитый норвежец Фритьоф Нансен:

«Зачем же люди устремляются туда? Туда, на Север, где во мраке и стуже стоял Хельхейм — чертог богини смерти, где находился Ностранд — берег мертвых.

Туда, где не смогло свободно дышать ни одно живое существо. Туда устремлялся отряд за отрядом — зачем? Знания для будущих поколений — вот чего искали они и приносили с собой оттуда. И кто хочет увидеть гений человеческий в его благороднейшей борьбе против суеверий и мрака, пусть прочтет историю арктических путешествий... Нигде, пожалуй, знания не покупались ценой больших лишений, бедствий, страданий. Но гений человеческий не успокоится до тех пор, пока не будут там, на Севере, раскрыты все тайны».

Перед Крючкиным проходили фигуры русских первооткрывателей: Шалауров, Дежнев, Лаптев, Биллингс, Сарычев, Врангель...

Больше всего его поразило то обстоятельство, что в поисках Северо-Восточного прохода не везло экспедициям, руководимым более опытными исследователями, чем Семен Дежнев. Оснащенным во много раз лучше, чем дежневская. «Один только казак Дежнев в 1648 году был столь счастлив, что на кочах успел туда пройти», — писал в связи с неудачей своего морского похода Сарычев.

Одно ли здесь только везение?

Владлен решил попытаться пройти весь путь его экспедиции, начиная от Нижнеколымска, далее побережьем Северного Ледовитого океана вокруг Чукотки через Берингов пролив до Анадыря.

Но на чем идти?

Ясно было одно: судно, как коч Дежнева, должно быть до примитивности простым, но пригодным для дальних путешествий.

Крючкин знал, что Виктор Блохин, инженер-конструктор Института высоких температур Академии наук СССР, увлекается конструированием плотов на надувных понтонах.

Виктор познакомил его с чертежами, и было решено провести испытания готового плота на Колыме.

Свой замысел они надеялись осуществить летом 1978 года. Для путешествия нужны были еще два человека — кок и моторист. Эти обязанности выпали на долю Виктора Кирьякова и Бориса Фролова. И Виктор и Борис с рюкзаками исходили Тянь-Шань, Памир, Крым, Кавказ. Вместе с ними Крючкин съел не один пуд соли в экспедициях. Борис — мастер на все руки, разбирается хорошо в технике, знает лодочные моторы. Виктор же под стать Борису, к тому же хорошо готовит пищу из самых скромных продуктов и, что немаловажно, всегда, где возможно, использует «подножный». корм.

26 июля они уже были в Магадане, а еще через несколько дней в верховьях Колымы, в поселке Синегорье, откуда должна была начаться экспедиция, организованная Московским городским клубом туристов и киностудией «Центрнаучфильм». Четыре отважных путешественника должны были проплыть по своенравной и загадочной, до сих пор мало изученной, реке Колыме в

суровых условиях Севера. В глубине души туристы верили в свое детище, хотя плот их был хорош только теоретически: в Москве они не смогли провести его испытания. Ну, а что может быть лучше, чем две тысячи километров реки, бегущей из Синегорья через Магаданскую область и Якутию к Северному Ледовитому океану. В пути у них на каждые 400—500 километров мог встретиться лишь один населенный пункт... Так что помощи ждать было неоткуда, приходилось надеяться только на себя.

В бурных верховьях Колымы, где сооружается самая высокоширотная в мире Колымская ГЭС, начинался маршрут экспедиции. Сначала из рюкзаков путешественников появилась прорезиненная ткань, которая, к удивлению многих очевидцев, превратилась в восемь наддувных понтонов по два с половиной метра каждый. Понтоны были уложены в четырехмаран. Сверху на него настелили палубу из тонких досок. На корме установили двенадцатисильный подвесной мотор «Москва-М». На досках разбили брезентовую палатку.

Местные жители, видя, как на их глазах собирается речное судно, качали головами: «На прижмем ваш плот снесет, а этот моторчик даже с места его не стронет». Другие говорили: «На первом же перекате сядете на мель... С Колымой шутки плохи...»

Крючкин и его товарищи прекрасно знали: Колыма для плавания река непростая. Особенно верхнее ее течение: сотни проток могут завести в тупик, из которого не выберешься. Но стоило им пуститься в путь, как обнаружилось, что на реке нет ни одного опознавательного знака, ни одной вехи. А жилье — редкие избушки охотников — часто оказывалось пустым. Да и перекаты. Одни названия чего стоят: «Каменный разбой», «Неожиданный», «Коварный», «Ледяной», «Туманный», «Нежданный», «Паутиный разбой», «Кислый», «Слезовский»... Только в верхнем течении Колымы они насчитали семьдесят шесть перекатов. Хорошо еще, что это был год большой воды: метр воды под плотом — всего метр! — и огромные острые камни.

Воскресным днем — 30 июля — комсомолцы Колымгэсстроя преподнесли членам экспедиции букеты иванчая и подарили керн из колымского гранита, выбуренного в скалах, где поднимется ГЭС. На мачте взвился ярко-зеленый вымпел — цвета нетронутой природы. В

небо взлетела красная ракета. Плот столкнули в бешеную круговерть — и река понесла необычное сооружение к океану.

— Если я в душе определял для себя сверхзадачу — пройти путем Семена Дежнева, составить как бы на черновичок сценарий будущего фильма, то для всей экспедиции главной целью было — испытать новую конструкцию надувного понтонного плота, — говорит руководитель научно-спортивной экспедиции Крючкин. — О своих личных планах я помалкивал. Внимательно смотрел по сторонам. Как и каждый из ребят, был предельно внимателен. Камни, неожиданно поднимавшиеся со дна реки, затопленные деревья, маленькая глубина... Но плот наш имел фантастически малую осадку: всего тринадцать сантиметров — величина ладони.

Идею сооружения подобного средства передвижения, как уже отмечалось, предложил Виктор Блохин — надувные гондолы. Их можно упаковать в два рюкзака — отправлять самолетом или малой скоростью в любой уголок страны, собирать конструкцию на месте и плыть... И не надо валить на старте дорогостоящий лес, скреплять бревна, делать плоты, которые на финише похода всегда остаются гнить на берегу...

Блохин много лет создавал различные модификации плота. Первый вариант был наивным: брезентовую гондолу набивали надувными баскетбольными камерами. Получался плот громоздкий, ненадежный и трудный в эксплуатации.

А вот этот поражал колымчан своей легкостью и стремительностью. Плот великолепно подчинялся рулю: разворачивался буквально на месте и имел небольшое лобовое сопротивление. Палуба висела над водой, не касаясь волн. Сигарообразные понтоны резали Колыму, словно ножи. Из-под кормы вырывались четыре струи, словно от водометного двигателя. Пятым был след от мотора... При скорости могучей реки в 8—10 км в час четырехмаран проходил не менее 20 километров. За день экспедиция преодолевала около сотни верст.

...Река круто поворачивала вправо. Плот лихо выполнил маневр, и вдруг Блохин крикнул:

— Ребята! К нам гости!

Впереди, метрах в трехстах, виднелась протока. Из нее наперерез плоту во всю мощь своих «Вихрей» неслись две моторки. В бинокль туристы рассмотрели на

одной из них старика в форме не то лесничего, не то рыбинспектора, с ружьем, и парня за рулем. На другой — молоденького парнишку.

Когда до плота осталось метров пятьдесят, моторки разделились и, описав крутые дуги, взяли плот, что называется, в клещи — одна с правого борта, другая с левого. Правая моторка плыла параллельно с плотом, на всякий случай чуть поодаль. Левая, как только Фролов сбавил скорость, пристала к гондолам.

— Эта што за комедия? — произнес сердито дед в форме и уцепился за планшир плота. — Документы есть?

Сам он показал удостоверение инспектора рыбоохраны Верхнеколымского района. Потом дед внимательно и долго рассматривал документы, читал вслух: «Испытания...»

— Испытания? — Он удивленно поднял глаза. — На чем же вы плывете? — И дед несколько раз заглянул под плот и даже потрогал понтон рукой.

Некоторое время старик качал права, но вдруг тон разговора резко изменился. Он стал предлагать свою помощь в качестве лоцмана, выложил адреса людей из других районов Колымы, к которым можно обратиться за помощью.

И путешественникам стало ясно: рыбинспектор прекрасно знал, кто они такие, был осведомлен об экспедиции. Просто, работая все время в глуши, в тайге, вдали от людей, старик искал общения, и все эти «маневры» были, по его понятиям, единственным шансом задержать москвичей подольше и поговорить, тем более что такого плавсредства он, наверное, не видел никогда в жизни.

На прощание старик сказал, на каких участках реки надо быть особенно осторожными, некоторое время сопровождал плот на своей моторке, а затем так же быстро исчез, как и появился...

На седьмые сутки подошли к последнему на границе Магаданской области поселку — Ороек. Они не задержались в нем долго. Торопились до захода солнца пересечь Полярный круг. Сбегали лишь на почту отбить две телеграммы о продвижении в Москву и в контрольно-спасательную службу Якутска.

К вечеру, когда, по их подсчетам, они пересекли Полярный круг, вместо солнца появились два светящихся столба ярко-красного цвета. Все смотрели вверх будто

завороженные и не заметили торчащий из воды топляк. Врезались в него с такой силой, что чуть не попадали в воду. Видимо, корни дерева крепко держались за дно.

Изо всех сил — шестами, веслами и ногами — они пытались освободить плот. Никаких результатов. Их насадило на топляк, словно мясо на шампур, а тут еще и течение прижимало плот к топляку. Включили мотор на задний ход — не помогло. Пустили в ход топоры и, работая по очереди, с трудом, потому что рубить топляк в воде было неудобно, освободились наконец из плена. Отвели плот к берегу, чтобы исследовать понтоны — нет ли пробоин? Оказалось, удар пришелся по краю доски несущей рамы, толщиной с руку, раздробил ее, проделал небольшую дыру. Видно, ветки дерева не пустили ствол глубже. Придись удар на несколько сантиметров ниже, от правого понтона остались бы одни клочья. Блохин осторожно сунул руку в дыру и ткнул резину кулаком. Туго налитый бок понтона, защищенный чехлами из прочного брезента, оттолкнул руку — понтон был цел и невредим.

Москвичи поздравили друг друга с пересечением Полярного круга. Вспоминали случившееся.

— Существует же традиция, — сказал Кирьяков, — всех, кто пересекает Полярный круг впервые, макать в воду...

Спать легли в накомарниках, но все же предварительно положили по тюбику репелента в изголовьях. Комар в этот вечер особенно бесчинствовал, хотя местные охотники утверждали, что год некомариный.

...Уже несколько дней они плыли по Якутии. Река делалась шире — в иных местах больше километра. Горы отодвинулись от берегов. Реже стала тайга. Несмотря на лето и солнце, путешественники стали одеваться теплее.

Испытания плота продолжались успешно. Из восьми понтонов подпускали только два — те, что клеили в спешке перед отъездом. Раз в два — четыре дня Блохин подкачивал их ручной помпой. Сделать это было нетрудно прямо на плаву — сосок с ниппелем от каждого понтона торчал в специально предусмотренном отверстии палубы. По мере продвижения к Ледовитому океану вода становилась холоднее. От этого и менялось давление в понтонах. Все чаще стали лететь шпонки. Но это обычная история у всех моторов. За всю экспеди-

цию они сменили их не менее двадцати. Но сам мотор «Москва-М» не подвел их ни разу. Хотя скорее это заслуга Фролова: перед экспедицией он из двух моторов собрал один и тщательно его испытал.

...Справа и слева берега, как близнецы, одинаковы. Зажмурь глаза, повернись три раза вокруг себя, открой — не сразу поймешь, плывешь ли вниз по течению или вверх. Такой участок тянулся не менее трехсот километров. На нем и произошел нелепый случай: заглох мотор. Все склонились над ним, на берега не смотрели. Причину нашли быстро. Оказалось, в бачке кончился бензин. Увлечлись и не заметили, как течение — а оно на этом участке было очень спокойное — развернуло плот. Фролов дернул шнур — мотор взревел, и они поехали. Шли так около часа, но поняли, что идут в обратную сторону, только тогда, когда показалась хорошо запомнившаяся охотничья избушка. Первым расхохотался Фролов, за ним — остальные. Думали, случай подобный уже не повторится, но он повторился еще два раза.

...На одиннадцатый день пути они подошли к крупному населенному пункту — поселку Зырянка — в устье реки Ясачной, притока Колымы. Поселок известен с тех пор, как казак Дмитрий Зырян в 1643 году сухопутным путем пришел сюда с Лены.

Швартовались прямо напротив окон речного пароходства. Начальник его позже признался, что был немало удивлен тем, как шустро шел «странный аппарат».

В райкоме партии не было ни души, кроме одной девушки-якутки. Звали ее Дора. Замещала она секретаря по агитации и пропаганде.

— Все ушли на сенокос, — сказала Дора так, будто все ушли на фронт. Она же нам рассказала, что сено в Среднеколымском районе — вопрос номер один. Дело в том, что завозить сюда мясомолочные продукты далеко и дорого, и Среднеколымский район — единственный в этих местах, который обходится без завоза, управляется своими силами.

Начальник пароходства признал плот судном. Он вручил вымпел своего пароходства и лоцию Колымы. А поскольку от Зырянки начиналось ночное судоходство, приказал выдать топовый и бортовой фонари и запас батарей к ним.

В 60 километрах от Зырянки, на реке Ясачной, туристов ждал юкагирский поселок Нелемное. Привлекало

возможное столкновение с историей: во времена Екатерины II здесь, на реке, были поставлены казацкие посты для сбора дани — ясака — с местного населения. В древности Ясачная носила название Чахадан, по-юкагирски — Мерзлая река. Два века назад на реке возникла судоверфь, и в 1787 году с нее для полярной экспедиции Биллингсаи Сарычева сошли суда «Паллас» и «Ясашна».

В древности юкагиры были очень многочисленны и занимали большую территорию — от реки Алазеи до Тихого океана; они делились на юкагиров олеринских, алазейских, халарчинских, походских и т. д. Сегодня в основном они смешались с якутами, эвенками, русскими.

После пятнадцати суток плавания по Колыме москвичи прошли полторы тысячи километров. Позади остались Мангазейка — поселок с большой зверофермой по разведению черно-бурых лисиц, и Ожогоино — рыбацкий поселок. Начинались самые рыбные места Колымы. Нельма, чир, омуль, хариус, осетр, чебак, корюшка, окунь, щука, голец, каталка — какой только рыбы не видели они здесь в сетях рыбаков и в огромных холодильниках, устроенных на глубине, в вечной мерзлоте.

...В районе Среднеколымска ширина реки стала доходить порой до двух-трех километров. На таком просторе ветер поднимал метровые волны. Особенно трудно было двигаться против ветра. В вахтенном журнале появилась запись: «Каюта имеет большое лобовое сопротивление! Учсть на будущее!»

...Приближение устья Колымы они почувствовали задолго до того, как вошли в него. Чаше стали встречаться самоходные баржи с углем и другими, как здесь говорят, «генгрузами». Капитаны приветствовали плот гудками. Туристы отвечали звоном колокола — рынды.

В последние дни отчаянно спешили к океану. У Кирьякова и Фролова кончались отпуска.

«23 августа прошли Нижнеколымск». Эту запись Крючкин сделал с особой тщательностью.

— Выполнили мы и вторую цель нашего путешествия, — гордо сказал Крючкин, — сняли фильм «По реке Колыме». Как выяснилось, об этой полноводной реке до сих пор не было киноленты. Наш плот плыл по Колыме в год празднования 50-летия первой Колымской геологической экспедиции. В 1928 году будущий академик Ю. Билибин с помощниками спустился на плоту по Ба-

хапче в Колыму и открыл на диких берегах северных рек несколько золотых месторождений... Кинокамера старалась запечатлеть все протоки и интересные места на Колыме. Мы шли, повторяя путь Дмитрия Зыряна, мы плыли по маршруту лицейского друга Пушкина Федора Матюшкина и легендарного гидрографа Георгия Седова, составившего замечательную карту устья реки...

Легкий в управлении, плот наш позволял причаливать у самых труднодоступных берегов. На одном из крутых поворотов Колымы, где весенние паводки метр за метром размыли грунт, мы обнаружили гигантское кладбище из костей, бивней и зубов мамонтов и древних буйволов. Сложили найденное на заметное место, поставили табличку. Отсняли место находки на кинопленку. Заинтересуются ученые — легко найдут...

Плот плыл к океану днем и ночью. В основном даже — ночью, ибо в световое время мы занимались киносъемкой. Наше судно выдержало испытание Колымой и штормом в устье реки, когда широкая — больше десяти километров — гладь воды поднимала гигантские волны, когда, словно моторные лодки, качались океанские пароходы у Зеленого Мыса, когда начальник Колымской гидробазы А. Иванов с тревогой предупреждал нас: «Ребята, 8 баллов, не шутите». А мы и не шутили — мы спасали плот, который за двадцать дней испытаний стал вторым нашим домом.

Когда плот дошел до океана, ребята разобрали палубу, сдули понтоны, уложили их... в рюкзак — и оставили на хранение в Черском, ибо во время отпуска на следующий год собирались вернуться в Арктику и продолжить испытание четырехмарана — теперь уже в морском варианте. Будущий плот будет идти среди льдов океана под мотором и парусом. Маршрут предстоящей экспедиции — полярная бухта Амбарчен — Певек — мыс Шмидта — мыс Дежнева — Берингов пролив — устье реки Анадырь. Словом, это повторение пути первопроходца Семена Дежнева...

Улетая в Москву на Ил-18, четверо прощались с удивительной землей, отогретой советскими людьми. Я спросил их:

— Как выразить ваши чувства?

— Мы не только плот испытывали, мы проверяли себя, — ответил Владлен.

На аэродроме в Черском произошла интересная

встреча. К Крючкину подбежал летчик Валентин Рязанов и, обняв москвича, спросил: «Что, опять на «Северный полюс» собрался? На 22-й? 23-й или 24? Новую картину снимать?» В прошлом году вместе с Рязановым кинооператор облетал половину Ледовитого океана, а сейчас... «Да я к вам в отпуск приезжал», — улыбнулся Крючкин. «Все люди на северном берегу Черного моря купаются, а ты к нам на южный берег Северного океана прилетел?» — удивился пилот. «Не прилетел, а приплыл», — уточнил кинооператор и добавил: — Кому что нравится...»

Обработав в Москве киноматериал, Владлен Крючкин поклялся жене, что очередной отпуск они проведут вместе на Черном море: «Хватит — поплавал, помотался, надо и спину подкоптить...»

Зимой 1979 года Владлен узнал, что я вернулся из очередной командировки и побывал сразу на трех станциях — «Северный полюс-22», «Северный полюс-24» и был одним из последних, кто покинул «Северный полюс-23». Полярники оставили айсберг неподалеку от географической точки Северного полюса: ледяной остров по законам дрейфа должен был пересечь полюс и спуститься в Гренландское море, чтобы растаять в теплых водах Атлантического океана.

— А как они оставляли льдину? — спросил Крючкин про полярников.

И я рассказал, что Юрий Борисович Константинов, который последним покинул айсберг, оставил на нем домик, аккуратно заправил постели, на камбузе положил продукты — мало ли что случится? Возможно, что льдина эта не растает, а вернется к людям, как не раз бывало; не исключено, что и путешественники, которых все больше становится в Арктике, набредут на айсберг, найдут в домик, нагреют печку, сготовят ужин, добрым словом вспомнят всех, кто жил на СП-23...

— А я ведь там тоже жил, — сказал Владлен, — и часть души там навсегда осталась...

— А когда самолет улетал, то льдина продолжала сверкать огнями, потому что еще в течение девяти часов она должна была служить запасным аэродромом на случай непредвиденной посадки, — рассказывал я.

— Вот что нужно было обязательно снимать для истории, — загорелся Крючкин. — Родилась прекрасная традиция зимовщиков. Надо в следующий раз не прозе-

вать этого момента. Какая из станций будет эвакуироваться следующей?

— Кажется, СП-24. Судя по ее дрейфу, она все время ведет себя беспокойно, чуть на остров Жаннетты не наскочила...

— Эх, не прозевать бы, — заводил себя Крючкин.

...А следующий наш разговор почему-то получился о замечательном писателе Олеге Куваеве — геологе, который долго жил на Севере, плывал на вельботе по Восточно-Сибирскому морю от Певска до мыса Биллингса и обратно, плывал на фанерной лодке, в скверную погоду. Потом он пытался пробиться на этой лодке к острову Врангеля, но льды не пустили. «Может быть, к счастью, — говорил потом Куваев. — Может быть, если бы они не торчали в десяти километрах от берега, от меня остались бы только воспоминания. Но пролив Лонга я все же пересеку...»

Владлен Крючкин очень остро чувствовал романтическую и честную прозу Куваева, который всегда следовал правилу: сперва проверь на себе. Прежде чем написать повесть «Дом для бродяг», он решил до конца довести свой спор со злой и коварной рекой Омолон, по которой очень трудно в одиночку проплыть на самодельной резиновой лодке. Олег победил реку — спустился к ее устью, все проверил на себе — и только потом на одном дыхании «выдал» повесть.

Творчество так рано умершего Олега Куваева еще жлет своего исследователя, и ищут комментария его прекрасные слова: «Люди просят у жизни всякого, кто денег, кто красоты, кто талантов. Пусть же даст мне Фортуна возможность шляться по планете именно так, как я хочу, и умения писать об этом так, чтобы жирным дачникам не спалось по ночам, — и счастливее меня не будет человека. Удивительно и прекрасно каждое место на земле (кроме городов и поселков), и люди должны обязательно понять это. Может быть, посмотреть, как мчитса по кочкам вспугнутый олень, не менее достойное занятие, чем слушать «Пиковую даму»... Не каждому посчастливилось замирать от ужаса в Восточно-Сибирском море, не каждый чуть не плакал от злости на тридцатом километре кочек...»

Признаться, не думал, что наш разговор о Куваеве будет иметь последствия, но через несколько месяцев я получил весточку:

«Не удивляйтесь, я снова на Колыме, — писал В. Крючкин. — Точнее, на притоке ее — Омолоне. Через пять минут улетит вертолет — и мы тронемся в очередной маршрут. Нам предстоит проплыть по Омолону тысячу километров — от верховьев до впадения в Колыму и еще немного — километров сто пятьдесят — по Колыме до Черского. Хочется повторить дорогу Олега Куваева и заразить людей его планами по «растревоживанию душ обывателей», сказать о возможности романтики в наше время.

Омолон, как сказал нам на прощание магаданский мастер спорта по туризму Рудольф Седов, — река на выживание. Жилья почти нет. Во всяком случае на первых пятистах километрах — абсолютно точно нет людей. На второй половине — два поселка. Течение в верховьях быстрое. Пойдем без мотора на надувном катамаране. На этот раз судно сделали по моим чертежам. Говорят, что на Омолоне часто дует встречный ветер, поэтому парусами ветра не поймаем. Но я придумал оригинальную штучку — подводный парус. Будем опускать парус в воду, подвесим снизу грузы — и должно тянуть течением. Не зря же оно здесь неумное. Жаль, что совершенно нет карт — река не изучена совсем. И в пути спросить не у кого. Но, с другой стороны, это и хорошо — пройти краем непуганого зверья.

Хочу снять сюжет для «Альманаха кинопутешествий» — «По реке Омолон» и сделать запас для «Подвига Семена Дежнева».

Чем привлекает меня Омолон? Это единственная река в Магаданской области — необжитая, первозданная, неизгаженная, с непередаваемо красивой природой и абсолютно чистой водой. Потому-то, наверное, сюда стремятся рыбы и птицы.

Кажется, мы будем последними путешественниками по нетронутой реке. Скоро сюда придут геологи, а за ними — строители. Поднимается горно-обогачительный комбинат. Не испортили бы реку и браконьеров с собой бы не завезли...

Сейчас нас трое: Виктор Кирьяков — он путешествовал на четырехмаране в прошлом году, и первая в моих походах женщина — Нина Чеснокова, директор картины и мой начальник. Но в походе ей придется слушаться меня. Снова нас пугают, что скоро наступят заморозки. Но мы рвемся в бой... Вот уже за мной при-

бежал сам директор, говорит, что вертолетчики смотрят на часы. Ждите весточек с пути...»

Новая экспедиция закончилась успешно — и миллионы кинозрителей впервые увидели на экране фантастическую реку Омолон и приобшились к красоте Приполярья.

А совсем недавно я был на премьере картины «Подвиг Семена Дежнева». Владлен Крючкин сдержал слово, данное себе пять лет назад: написал сценарий, отснял фильм. И как отснял! Мурашки по коже бегают, когда смотришь, как по белой пустыне, всем ветрам открытой, идут сподвижники Семена Дежнева, и чувством гордости проникаешься, когда слышишь слова первопроходца, в честь которого назван самый восточный мыс нашей страны: «А лежит тот нос промеж сивер на полуношник... А тот нос мы, Семейка с товарищи, знаем...» Первыми увидели этот мыс Дежнев Семен (Семейка) с товарищами, а теперь и мы на нем побывали. И устроил всем это путешествие неугомонный Владлен Крючкин.

Когда после премьеры я спросил у Владлена, каковы его ближайшие планы как туриста и кинематографиста, он достал записную книжку:

— 1. Отснять фильм о находках в Ледяной гавани на Новой Земле, где группа энтузиастов нашла остатки каравеллы голландца Виллема Баренца, который погиб здесь и в честь которого названо море на границе Атлантического и Ледовитого океанов.

2. Принять участие в экспедиции на Таманский полуостров, где возле мыса Панагия обнаружено целое кладбище якорей различных исторических эпох. Там лежит, к примеру, якорь первого тысячелетия до нашей эры с каменным штоком и античные якоря со свинцовыми штоками. А кому все это подводное богатство отснять, как не оператору, пробывшему под водой свыше полутора тысяч часов? Кстати, в Черном море я лет десять уже не купался...

3. Мечтаю об экспедиции в «моржовое царство» — ни один кинематографист еще не снял подводную жизнь моржей, не показал, как они роются в илистом дне, отыскивая пищу, как защищаются от хищных китов-кашалотов, как дерутся с единственным своим врагом — белым медведем. Конечно, это очень трудно. Морж — зверь опасный, малоизученный. Но надо конструировать

специальную клетку и ехать к острову Врангеля на киноохоту. За один год, наверное, и не снимешь...

4. Есть в тридцати милях от Сахалина загадочный остров Монерон — небольшой, всего-то в шестнадцать квадратных километров, а вот растения на нем растут удивительные — «страдающие» гигантизмом. Тот же гигантизм и в подводном мире — водоросли до десяти метров длиной, а морские звезды по полуметру в диаметре... Я придумал приключенческую историю двух биологов-подводников, исследующих Монерон и разгадывающих тайну гигантизма и массовой гибели редкого моллюска Галиотис, которого, по их предположениям, уничтожает звезда-пришлица Лабидиастр... Во время репортажа из-под воды хочу ответить на все как, что, почему.

5. О полярных собаках, без которых немислим Север, мы уже говорили...

Вот, кажется, и все планы на первые пять лет. Мало, конечно, задумано, но я привык реально смотреть на вещи и тщательно взвешивать свои силы. Скоро мне будет пятьдесят, и все чаще наедине с собой думаю: «Какая большая у нас страна и как жаль, что при всей своей мобильности я не смогу ее изъездить, исходить и отснять. Жизни, даже самой долгой, не хватит... Какое это счастье — жить на земле, любоваться ее природой...»

Мы попрощались. Наутро он улетал в горы. Я шел к остановке автобуса, а он долго махал из окна, счастливый человек, которому не пришлось листать справочник для поступающих в вуз и сейчас не надо мучиться в беготне по месткомам, чтобы добыть путевку в Нерингу или Пицунду. У него дорога выбрана давно. И эта дорога шепчет ему секреты свои бесценные и раскрывает тайны сокровенные. И дарит новые строчки в записных книжках и бесценные кадры на цветных пленках. Дороги сами его ищут.

Почему-то после расставания с Владленом мне не захотелось втискиваться в автобус. Пошел вдоль Ленинградского шоссе к речному вокзалу, вдохнул кислороду. Свою полубродячую журналистскую жизнь мысленно перетряхнул, вспомнил давние стихи:

И если мы счастья еще не нашли,
То, может быть, только от лени.

НЕ СЧИТАЙ ШАГИ, ПУТНИК

Все-таки удивительная у нас, журналистов, профессия. Эти строчки я начал писать неподалеку от дома, всего-то в 150 километрах от Москвы, оказавшись в неудобном во время дождей городке Лотошино, среди гулкой ветреной ночи, после того, как, ворочаясь на узкой кровати в гостинице, безуспешно пытался заснуть, снова и снова включая свет, просматривая конспекты лекции, которую завтра нужно было читать...

Раздался стук в дверь. В комнату вошел невысокий человек средних лет. Сбросил целлофановую накидку, вылил в умывальник воду из кроссовок, а только потом спохватился: «Доброй ночи!» — «Какими судьбами, Сергей Николаевич?» — спросил я его. Он развел руками, потом показал на спартаковскую эмблему, видневшуюся на майке непонятного цвета, и сказал, улыбаясь: «Бегаю! Осуществляю или, как бы это полилитературнее выразиться, претворяю в жизнь лозунг, выдвинутый мною лет пятнадцать назад: «Бегайте, и вы себя найдете!» Очередной отпуск провожу в дороге... Я сейчас умоюсь, развешу свои вещи, а потом мы поьем с вами чайку и наговоримся всласть...»

Надо же такому случиться, что промозглой ночью два человека — москвич и ленинградец, которые год не могли встретиться и обсудить статью о летнем отдыхе, проводимом в «беговой» обстановке, вдруг неожиданно увиделись в Доме колхозника на границе Московской и Калининской областей.

Представлю собеседника: профессор, доктор физико-математических наук Сергей Николаевич Койков, герой одного из моих очерков, страстный пропагандист сверхмарафона, человек, который свои летние отпуска тратит на «беготню» — все маршруты он преодолевает бегом. В один из отпусков он за 9,5 суток прибежал из

Ленинграда в Москву, а потом за 11 дней из Москвы в Харьков...

Если на контурную карту европейской части нашей страны нанести маршруты, пройденные Сергеем Николаевичем, то останется совсем немного «белых пятен». Впрочем, не буду забегать вперед... Мой собеседник уже смыл с себя грязь калининских и подмосковных обочин, разыскал свой рюкзачок, достал сухие вещи. Уже забулькала вода в металлической кружке — нужно вынимать кипяtilьник и заваривать чай...

— Однажды мой товарищ, тоже профессор Ленинградского политехнического института, сказал мне в минуту откровенности: «Нас, ученых, и так считают людьми не от мира сего, а ты своей беготней вообще низвел нас до понятия чудаков», — начал рассказ Сергей Николаевич. — Объясню, что он имел в виду. Каждое утро, пока еще многомиллионный город спит, я надеваю спортивный костюм и выбегаю на шоссе. Все дороги вокруг Ленинграда знакомы мне: Ленинград — Выборг, Ленинград — Пушкин, Ленинград — Москва. Я отмерил их своими ногами сотни раз.

— Сотни? — переспросил я, потому что усомнился.

— Конечно, сотни, — уточнил профессор математики. — Читайте со мной: каждый день я преодолеваю по 35—40 километров, самое минимальное — 20 километров, это во времена «запарок» — студенческих сессий, заграничных командировок. А так почти каждое утро — марафонская дистанция, три часа в пути... Естественно, просыпаюсь на три часа раньше, чем все небегающие... В году сколько дней — 365? Умножим, предположим, на 30 километров в сутки — возьмем среднюю цифру. Получается почти одиннадцать тысяч километров за год. Бегаю я уже 34 года. Перемножим, и что же в итоге? Триста семьдесят четыре тысячи километров — это значит, что вокруг земного шара по экватору я пробежал свыше девяти раз.

— А как все начиналось?

— В 1948 году я учился в Ленинградском политехническом, в том, где сейчас преподаю. Увлекался легкой атлетикой, но особых успехов не добился, был лишь чемпионом курса. Но не титулы привлекали меня. Я понял, что бег помогает оставаться в тонусе, создает ровное деятельное настроение, без которого невозможно справиться с тем большим объемом научной работы, ко-

торый я наметил для себя в жизни. Я полюбил бег и каждое утро начинал с прогулок. Помню, попалось на глаза изречение Горация: «Если не бегаешь, пока здоров, будешь бегать, когда заболеешь!» Прочитал эту мудрость в прямом смысле и решил следовать ей всегда.

Много лет пришлось заниматься самостоятельно: в послевоенные годы было мало энтузиастов оздоровительного бега. На меня смотрели, как на чудака. Но я не обращал внимания на шутки, подкальвания.

Бег вошел в мою жизнь. Я уже не представлял жизни без него. В глухой предутренний час, когда сон особенно крепок, властный сигнал будильника поднимал меня с постели. Я быстро одевался и выбегал на безмолвные улицы.

В беге очень быстро нашел глубокое содержание. Физическая нагрузка заряжала мозг творческой энергией. Бег стал моим помощником и советчиком. Многие трудные научные проблемы я обдумывал во время длительного бега. На дистанции наедине с собой многое прояснилось. Усталость не позволяла отвлекаться на наносное, случайное, незначительное.

За эти тридцать четыре года у меня не раз бывали дни, когда утром трудно оторвать голову от подушки, особенно после ночных телевизионных трансляций с чемпионатов мира по футболу, хоккейных матчей СССР — Канада, репортажей с Олимпийских игр, проходящих за океаном... Но я заставлял себя мгновенно вскочить на ноги: нет трудностей, которые выше человеческих сил. Иногда, признаюсь, не хотелось начинать бег. Но каждый раз, заканчивая дистанцию, я находился во власти блаженной усталости и вдохновляющего удовлетворения. Никогда не жалел, что бегал.

Свою лучшую работу по математике я написал утром после того, как совершил пробег на 36 километров...

— Все, о чем мы говорили до сих пор, будем считать прелюдией к главной теме нашей беседы. Вы, профессор Койков, пока единственный человек в нашей стране, кто все отпуска проводит на ногах, перебегая из города в город, из республики в республику. Помните, пожалуйста, наиболее интересные эпизоды из этих беговых путешествий...

— Пятнадцать лет назад в качестве эксперимента я пробежал всю ночь. Это было летом на маршруте Горь-

кий — Котельнич. Почему я выбрал столь странное время для пробега? В одной из газет я прочитал о том, что советский ученый Юрий Николаевич Рерих, сын великого русского художника, наблюдал в Гималаях необыкновенных скороходов, которые по узким горным тропинкам могли бежать всю ночь. Они преодолевали за десять часов около двухсот километров, то есть практически бежали в темпе мирового рекорда в часовом беге. Этих уникальных атлетов называли «беговыми йогами».

Когда я прочитал эту информацию, то решил подвергнуть себя экзамену. Ночью, темной, глухой, по лесной дороге отправился в путь. К утру выяснилось, что преодолел всего... 70 километров. Но впечатлений у меня было много, и я в первый раз пожалел, что не обладаю писательскими способностями. Если бы тогда по горячим следам написать рассказ, то в нем присутствовали бы и лесные страхи, и крики филинов, и завывания волков, и атаки летучих мышей, которые пытались вцепиться в мою голову... Отсыпался потом в копне сена. А после обеда продолжил маршрут.

— Во время летних отпусков вы любите бегать в одиночестве. А не трудно ли это? Как вы решаете проблему переноски вещей: ведь с чемоданом не выйдешь на трассу, да и с рюкзаком за плечами бегать не очень приятно?

— Чемодан и рюкзак отпадают сразу же. Я сделал себе пояс со специальными карманами, чтобы можно было положить документы и деньги. Беру с собой еще полиэтиленовую «авоську». В ней смена белья, аптечка, мини-мастерская и несколько пар простых носков. Авоську во время бега несу в руках — она не стесняет движений. На мне обычный хлопчатобумажный костюм. Он легок. Выбежав за город, я его снимаю, обвязываю вокруг пояса и дальше продолжаю бег в одних трусах. Ночую в деревнях. Чаще всего пускают на постой, хотя, конечно, с некоторыми подозрениями. Прибегаешь в деревню — вид несколько утомленный. Стучишься в чью-то дверь. Спрашивают удивленно:

— Вы кто?

— Да вот — бегу...

— Как это — бегу? — Куда? От кого?

— В смысле путешествую...

— На машине?

— Нет, бегом...

Впрочем, в теплые летние ночи можно отлично вы-

спаться и на свежем воздухе, в копне сена. Во время пробегов ем обычно молоко, яйца. Обедаю в столовых. Убедился, что в дороге организм менее прихотлив к условиям бытия, чем в комфортабельных условиях... И желудок переваривает все что угодно. Простуды проходят стороной.

Мои беговые путешествия во время летних отпусков дают огромный комплекс ощущений и моральных, и физических. Во-первых, получаю наслаждение от самого процесса бега, от сознания своих возможностей. Пробежав намеченное расстояние, испытываешь те же чувства, что и спортсмен на верхней ступеньке пьедестала почета. Я убежден, что бег лучшим образом влияет на нервную систему. В 1957 году я в силу ряда причин временно прекратил регулярные тренировки. И что же? Я расклеился. Отяжелел, стал просыпаться с головной болью. Врачи нашли у меня холецистит и острый невроз. Прописали капли и порошки, назначили диету. Я старел катастрофически быстро. Стал противен себе. Я испугался. Понял: вот до чего довело меня физическое бездействие...

Вычеркнув из жизни все случайное, снова взялся за бег. Всего 4 месяца понадобилось мне, чтобы восстановить здоровье. Интересно и другое. Если в 1957 году в пробеге Пушкин — Ленинград я показывал результат 1 час 50 минут, то в 1969 году в возрасте 38 лет уже имел 1 час 48 минут 50 секунд. Дело не в том, что я выиграл у самого себя 1 минуту 10 секунд. Главное, спортивная форма, несмотря на дамоклов меч возраста и прожитых лет, улучшалась. Это приятно было осознать. Значит, старости можно бросить вызов! Я, профессор, выигрывал у сотен своих студентов! До сих пор всегда ищу возможности посоревноваться. Если не в скорости, то в выносливости. Например, после пробега Удельная — Ленинград я на следующее утро участвовал в межфакультетских соревнованиях и получил грамоту за приличный результат...

Постепенно мой вес пришел в форму, сердце окрепло и адаптировалось к повышенным нагрузкам. Я стал энергичнее, жизнерадостнее. Вообще считаю: психическое воздействие длительного бега не менее важно, чем физическое.

— Расскажите о своем пробеге по дорогам шести союзных республик, который вы посвятили 50-летию об-

разования Союза Советских Социалистических Республик.

— Мне исполнился 41 год. Поднимая в день рождения стакан молока (я совершенно не пью вина, водки, даже пива), именинник пообещал друзьям: «Настанет время, и вы перестанете считать меня чудачком». Человек всегда стремился испытать свои силы, проверить свои возможности, характер. Мы преклоняемся перед мужеством таких первопроходцев, как Онисим Панкратов — брандмейстер Вольного пожарного общества, который в 1911—1913 годах совершил кругосветное путешествие на велосипеде, за что был награжден 265 призами и бриллиантовой звездой Международного союза велосипедистов; мы восхищаемся настойчивостью архангелогородцев, которые прошли Северным Ледовитым океаном на деревянных кочах предков, отыскивая легендарную Мангазею; мы славим мужество одиннадцати советских альпинистов, которые в труднейших условиях покорили «третий полюс» мира, причем четверо сделали это ночью. Все они шли и побеждали наперекор вроде бы логичному: «А зачем и кому в наш век это нужно?»

«А зачем нужно это?» — Я достал газету «Правда» и прочитал отрывок из очерка Бориса Стрельникова и Василия Пескова «Земля за океаном»: «2876 миль от Лос-Анджелеса (Калифорния) до Нью-Йорка (восточное побережье) пробежал и прошел пешком школьный учитель Брюс Талло. Он одолевал за день 40—50 миль и был в пути 64 дня 21 час 5 минут».

Во время сенсационного трансконтинентального пробега от Тихого океана до Атлантического Брюсу исполнилось 44 года. Американская печать ничтоже сумняшеся назвала Талло «чемпионом мира по сверхдальним пробегам». Мэр Нью-Йорка Линдсей после финиша вручил отважному сверхмарафонцу золотой ключ от города. Газета «Нью-Йорк таймс» поместила интервью с бегуном, в котором были такие слова: «Иногда меня сильнее жажды и усталости мучило сознание ненужности моей затеи — до того равнодушными выглядели люди, мимо которых я пробегал...»

Прекрасно понимаю учителя-бегуна, с горечью отмечавшего «бесплодность» своего героического сверхмарафона. В моей жизни не было пробегов, которые бы оставили равнодушными жителей близлежащих городов и деревень. Очень часто меня просили выступить с лекци-

ями, рассказать о пользе оздоровительного бега, о сверхмарафоне — этой проверке мужества, терпения, настойчивости. Всегда я охотно встречался с молодежью и уверен, что после моих бесед «чудаков», увлеченных бегом, на земле становилось больше.

А вот мой коллега по беговым путешествиям Андрей Романович Иваненко, который во время летних отпусков тоже увлекается сверхмарафоном, совершил замечательные пробеги Киев — Ужгород — Львов, Киев — Ульяновск, Одесса — Москва, Алма-Ата — Москва по дорогам всех 15 союзных республик. Он пробыл в пути семь месяцев и пробежал 11 тысяч километров. Могут спросить: а откуда же у него такой длинный отпуск? Семь месяцев? А все дело в том, что инженер Иваненко в 60 лет ушел на пенсию, и теперь у него появилось больше свободного времени. Андрей Романович целиком посвятил его пропаганде сверхмарафона и оригинальной формы путешествия — бегом... Мастер спорта по лыжному туризму Романенко отважился в 64 года на невероятно трудный пробег Ленинград — Магадан — через всю Россию. Посмотришь на карту — дух захватывает: 11 тысяч 783 километра. И маршрут пролегал не через большие города, а по сельской местности, потому что Андрей Романович хотел своим примером увлечь именно сельских жителей.

Восемь месяцев был в пути этот удивительный человек — он бежал каждый день по 40—60 километров, бежал в сорокаградусную жару и в пятидесятиградусный мороз на «полюсе холода» в Оймяконе, когда даже олени и собаки, боясь охладить легкие, не бегали, а тихо ходили или стояли на месте... В каждом поселке ветеран спорта выступал с лекциями и беседами, он создал на своем пути 226 клубов любителей бега. Его сверхмарафон не был «бесплодным», как у Талло. И наверное, это дало ему, 64-летнему, силы побить мировое достижение Талло...

Хотя по возрасту я на 18 лет моложе Иваненко, но беговыми путешествиями во время отпусков увлекся раньше. В 1972 году почувствовал в себе силы для пробега по дорогам шести республик — Молдавии, Украины, Белоруссии, Литвы, Латвии и Эстонии. Ленинградцы доверили мне право выступить от имени клуба «Бег для здоровья», который уже много лет работал при стадионе «Удельная» общества «Спартак». Снова я был на

трассе один, без всякого сопровождения: все необходимые вещи нес с собой, сам обеспечивал себе ночлег, дневной отдых, питание. Старт пробега состоялся 11 июля в Кишиневе, финиш — 7 августа в Таллине. За 27 с половиной дней отпуска я пробежал 1850 километров, делая в среднем за сутки около 70 километров.

Были ли трудности? А как без них обойдешься в дороге? И обычные для сверхмарафонца мозоли на ногах, и боль в натруженных мышцах, и физическая усталость, и затруднения с ночлегом, перебои с питанием, и, наконец, изнурительная жара на трассе пробега — это было в 1972 году, когда стояло самое жаркое лето за последние полсотни лет. Был и комический случай в пути — однажды меня задержали и сдали в милицию, где, поначалу не разобравшись, стали оформлять протокол, а потом, посмотрев документы, извинились и прямо из КПЗ — камеры предварительного заключения — привели во Дворец культуры и попросили перед началом кинофильма рассказать о моем путешествии...

Иногда казалось, не хватит сил — физических и моральных — для завершения маршрута. И наверное, если бы я не бежал по поручению своих коллег со стадиона «Удельная», то прекратил бы борьбу с самим собой и сошел с дистанции. Но невидимая поддержка друзей и единомышленников давала дополнительные силы. Неоценимую помощь оказывали и посторонние люди, которые видели меня на трассе. Водители «Совтрансавто» приветствовали сиренами своих автобусов, велосипедисты-мальчишки догоняли и поливали из леек, женщины поили молоком. Все это позволяло в 40-градусную жару пробегать с грузом личных вещей иногда по 100 километров в сутки. Лишь изредка я устраивал разгрузочные дни, продвигаясь вперед лишь на 40—50 километров.

Причем я не мог изменить расписание. Логичнее было бы бежать вечером и ночью, когда жара спадала, но в этом случае я не смог бы выступать с лекциями, которые назначались на вечернее время, когда люди заканчивали работу... Пропал бы сам смысл моего агитационно-пропагандистского пробега. Обстоятельства вынуждали терпеть и давали дополнительную энергию...

Пробег оставил в памяти много богатых и ярких впечатлений. «География» трассы перестала быть для меня отвлеченным понятием.

Все испытания остались позади, я вернулся из отпуска окрепшим и помолодевшим. Теперь и мои друзья могли убедиться: сверхдальние пробеги продлевают молодость. Реакция организма на длительные физические нагрузки, наверное, со временем заинтересует медицину. По-видимому, у нас, как и у космонавтов, происходит процесс адаптации к нагрузке (в начале сверхмарафона) и процесс реадaptации после возвращения к нормальному образу жизни. Например, ощущается тяжесть в ногах, отмечаются небольшие отеки после сверхмарафона. Однако у тренированного человека эти явления быстро проходят, и спортивная форма не ухудшается. Судите сами: через шесть дней после финиша 1850-километрового пути я стартовал в Ленинграде на марафонском пробеге и с успехом закончил дистанцию 42 километра 195 метров, показав личный рекорд.

Академик АМН Б. Королев однажды выступил в печати со статьей «Медицине пора догонять». Известный хирург правильно отметил: медицина пока в основном предостерегает. Конечно, одна из заповедей медицины: прежде всего — не вредить! Но нельзя же уподобляться страусу и прятать голову, не замечая, что тысячи людей бегают по паркам и бульварам. А вот больше половины из них бегают неправильно. И им никто не помогает... Медицина же лишь присматривается, выжидает... Дело доходит до парадоксов: Анатолий Котов, например, по нормам медицины считается инвалидом, ему однажды было рекомендовано лежание в постели, а он... уже десять раз «пробежался» между Москвой и Ленинградом. И когда он сказал об этом лечащему врачу, тот развел руками: «Ах, этих бегунов нам никогда не понять!» А почему бы не попытаться понять? Не заставить себя задуматься над этим нелегким вопросом: как догнать практику? Как вернуть долги?

...Уже рассвет пробивался в окошко лотошинской гостиницы. Пора было пожелать друг другу «спокойной ночи» и хоть чуток соснуть: профессору Койкову завтра предстояла трудная дорога — очередные 70—100 километров на маршруте между городами-героями Ленинградом и Новороссийском. Нужно было хоть немного восстановиться.

Профессор уснул мгновенно, а я еще продолжал жить его рассказом об оригинальном виде летнего отдыха, о путешествиях, как говорится, «на своих двоих»...

В одной старинной пословице утверждается, что в ногах правды нет... А ведь это неверно. Бег, по выражению поэта Леонида Мартынова, «святое чувство»:

Пешком
Бредущий по шоссе,
Я видел то, что видят все.
И вдруг очнулся:
Я бегу!
Бежать, как юноша, могу!
И я увидел на бегу, как изменилось все кругом...

Сергей Николаевич спал, а я вышел из комнаты. Дождь кончился. Утро было чудесным. Разливались соловьи — удивительные птицы, которых я никогда не видел в небе, в полете. Наугад включил кнопку «пуск», и из динамика послышался молодой голос профессора Койкова:

— Стоит ли тратить отпуска на подобного рода путешествия? — об этом меня спрашивают в любом из пробегов. Как ответить на этот вопрос? Как объяснить, что я не представляю жизнь без бега?

В городе Выдропужске — есть такой между Москвой и Ленинградом — меня спросили сердобольные старушки: «За что тебе, милый, такое наказание?» Я только улыбнулся в ответ. А уж рассмеялся потом, когда выбежал за город.

Ответ на эти бесконечные «зачем?» может быть только один: святое чувство бега — это то удовольствие, которое надо испытать каждому. И чем скорее, тем лучше! А на задающих благоразумное «зачем?» не всегда надо обращать внимание.

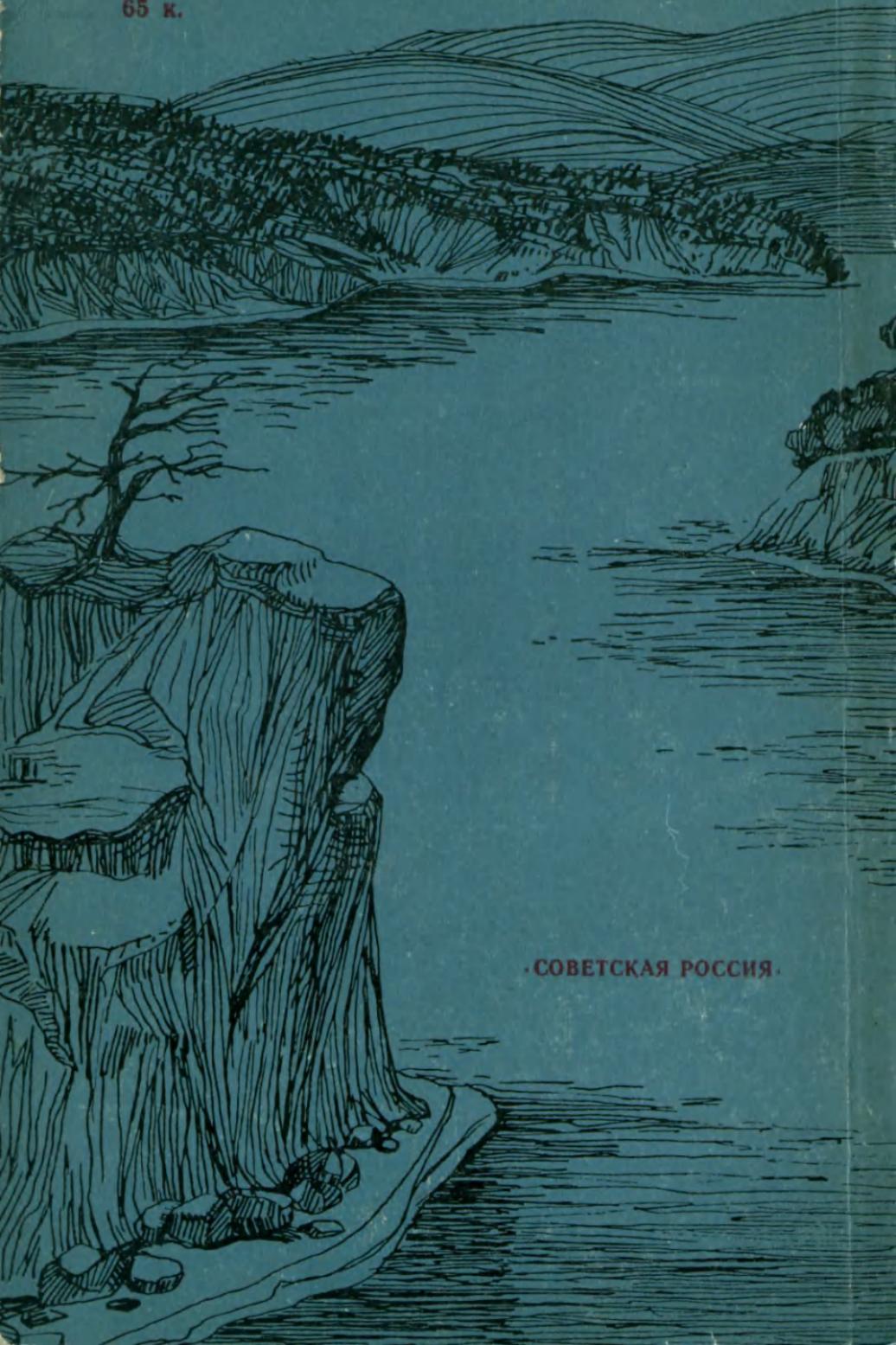
Льву Николаевичу Толстому постоянно надоедали этими осторожными «зачем?».

Зачем ему необходимо было в 65 лет учиться ездить на велосипеде?

Зачем ему нужно было в 75 лет кататься на коньках: ведь можно потерять равновесие и упасть на лед?

Зачем ему, 68-летнему, потребовалось устраивать кросс с пианистом Гольденвейзером, которому тогда исполнилось всего 20 лет?

На эти «зачем?» Лев Николаевич ответил почти сто лет назад: «Я постоянно упражняюсь в физической работе, сам пашу землю, колю дрова, ношу воду, много хожу пешком. Благодаря физическому труду я... чувствую себя вполне здоровым, как юноша».

· СОВЕТСКАЯ РОССИЯ ·